

КОНТР@БАНДА

Ежемесячный журнал о современной русской литературе

Журнал «Контрабанда» основан в ноябре 2007 году на Седьмом форуме молодых писателей в Липках участниками литературного Интернет-журнала «Точка Зрения» (<http://lito.ru>) Алексеем Караковским, Анастасией Яковлевой-Помогаевой и Андреем Белозёровым. Генеральные партнёры журнала — издательство «Современная литература в Интернете» (<http://litseries.ru>), веб-студия «Web-техника» (<http://webtechnics.ru>) и фестиваль современного искусства «Пересечение границ» (<http://frontier-fest.ru>).

Журнал приглашает к сотрудничеству литературных критиков и публицистов. Приветствуются юмор, дерзость, интеллект. Не приветствуется академичность, официальность. Публикация литературных произведений осуществляется на коммерческой основе (1 страница — 500 рублей). Заявки на публикацию принимаются по адресу karakovski@gmail.com. Редакция оставляет за собой права отказа в публикации любых текстов.

«Контрабанда» является участником журнальных Интернет-порталов «Читальный зал» и «Мегалит», а также номинатором литературных конкурсов «Заблудившейся трамвай», «Илья-премия», «Премия П» и литературной премии имени Казакова.

Официальный сайт журнала: <http://zhurnal.lito.ru>
Сообщество: http://community.livejournal.com/ru_kontrabanda
E-мэйл: karakovski@gmail.com

Главный редактор — Алексей Караковский.
Выпускающий редактор — Анна Герасимова.
Заместитель главного редактора — Екатерина Сергацкова.
Заместитель главного редактора — Павел Соломатин.
Верстка — Алексей Караковский.
Фото — Наталья Караковская.

Редакционный совет:

Эмилия Галаган (Санкт-Петербург) — прозаик.
Анна Герасимова (Москва) — переводчик, эссеист.
Алексей Караковский (Москва) — прозаик, музыкант, переводчик, эссеист, издатель, член Союза писателей Москвы.
Андрей Моисеев (Москва) — критик, эссеист.
Екатерина Сергацкова (Волгоград) — критик, публицист.
Дэн Шорин (Тула) — писатель.

Организационная группа («Совет контрабандистов»):

Сергей Алхутов, Алексей Ануфриев, Александр Вишнёв, Алексей Караковский, Мария Полянская, Сергей Савоськин, Павел Соломатин, Татьяна Трусова, Александр Холмогоров.

Общественный совет:

Кирилл Ковальджи (Москва) — поэт, прозаик, переводчик, секретарь Союза Писателей Москвы.
Ирина Медведева (Москва) — руководитель литературного конкурса «Илья-премия».
Елена Рышкова (Франкфурт) — руководитель конкурса «Согласование времён» и лигагентства «Русский автобан».
Евгений Степанов (Москва) — кандидат филологических наук, главный редактор журналов «Дети Ра» и «Футурум-Арт».

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции.

Номер подписан в печать 20.05.11 в 18:40. Заказ № 19

Издатель Воробьёв А.В. 117321, Москва, ул. Профсоюзная, 140, корп. 2. E-mail: gorkom11@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «Мульти Графика», 105483, г. Москва, ул. Никитинская, 5а, (495) 749-61-68

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Роскомнадзором, ПИ №ФС77-38426 от 15.12.2009.

В НОМЕРЕ:

С каких пор великая держава должна приносить извинения за то, что контрабанда, адресованная ее противнику, не дошла по назначению?

Вел. князь Александр Михайлович, «Книга воспоминаний».

Телега	2
Неизвестная битва холодной войны и народы Антарктиды	
Рецепты чтения	8
Библиотека Атлантиды. Фонотека Атлантиды.	
Перечитывая классику	20
Арина Белявская. Алина Бронски, «Самые острые блюда татарской кухни» Наталья Редозубова. Диана Виньковецкая, «Ваш о. Александр» Злата Зеленская. Граф Монте-Кристо Галина Парусова. Луис Сепульведа «История о молодой чайке и коте, который научил её летать» Кирилл Ковальджи. Определение поэзии.	
Исторический слой	15
Грэйл Маркус. Улыбка на лице, череп в кармане. Из книги «Следы губной помады»	
История песен	15
Алексей Караковский. Хеди Вест: «Пять сотен миль»	
Консонанс	15
Илья Морозов. Bee Gees: ранние годы	
Библиотека поэтического рока	15
Алексей Конаков. Александр Непомнящий на «Корабле безумия»	
Технология культуры	25
Сергей Зубарев. Драматургия и экспликация фантазий	
Большая литература	22
Алексей Карелин, Дэн Шорин. «Литературный Башкортостан»: pro et contra Елена Блонди. Запах книжки Сергей Алхутов. Писсуар Дюшана как паразитное искусство	
Письма из ниоткуда	11
Антон Чёрный. Август Штрамм: телеграммы, написанные кровью	
Портрет писателя в интерьере	30
Ольга Аникина. Стихотворения.	
Точные координаты	38
Алексей Караковский. «Пересечение границ»-VI. Бортовой журнал. Ирина Павлова. Бабушка для всех Произведения участников фестиваля «Пересечение границ»-VI: Филипп Алигер, Александр Дорогин, Нина Энская, Иван Контарев	
Контрабандное чтение	44
Александр Котюсов. Олл инклюзив Елена Кантор. Стихотворения Мария Полянская. Ананас Олег Гольман. Стихотворения Святослав Сирота. Мыс Надежды Вадим Шимановский. Зимний сон Валентины Матвиенко Людмила Осокина. Кофе & кошки Наталья Сигайлова. Рассказы Виктор Харин. Хранители сказок, часть вторая. Выход в город	

НЕИЗВЕСТНАЯ БИТВА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ И НАРОДЫ АНТАРКТИДЫ

Что мы знаем об Антарктиде, кроме того, что она велика, неудобна и безжизненна? Американские учёные утверждают, что поверхность Антарктиды покрыта толстой коркой льда. Над ними все смеются и никто не верит. Российские учёные, впрочем, утверждают то же самое, но им, напротив, верят, потому что боятся. Кроме того, известно, что в Антарктиде очень много белого порошка. На специфическом жаргоне бруклинских гетто он называется «снег». По данным американской полиции экспорт холодного зелья в 2012 году в два раза превысит экспорт колумбийских аналогов. Но все эти данные известны; сенсационная правда об Антарктиде, напротив, тщательно скрывается спецслужбами.

Эта история началась 6 июня 1947 года, когда группа майора Шелдона американской экспедиции адмирала Бэрда, высадившаяся на побережье моря Лазарева, не вышла на связь в установленное время. Вскоре на место предполагаемого исчезновения полярников к Земле Королевы Мод был отправлен вездеход с майором Моррисом во главе. Рапорт майора был немедленно засекречен, однако вскоре в прессу поступил отчёт норвежской полярной станции, расположенной неподалёку. Метеоролог Нильс Бьорнсон и радист Бьорн Олафсон наблюдали в течение продолжительного времени странное свечение неба, масштабные климатические изменения; приборы регистрировали мощнейшие альфа-излучения и появление неизвестной чужеродной биомассы, обладающей чудовищной энергетикой. Вскоре после отправки отчёта Бьорнсон и Олафсон скончались, получив, по всей видимости, смертельную дозу радиации. Ненадолго их пережил и майор Моррис. Но самым сенсационным в докладах норвежцев было сообщение о контактах с людьми, без сомнения являющимися аборигенным населением Антарктиды. По описаниям учёных, это были европеоиды на чрезвычайно низкой стадии развития, сравнимой с аборигенами Тасмании. Жили они в норах, прорытых в снегу, покрывали тело тюленьими шкурами и поклонялись Священному Пингвину, образуя два враждебных друг другу тотемических клана — клан Пингвина Адели и клан Императорского пингвина.

Культурные традиции и жизненный цикл антарктических аборигенов был тесно связан с традицией вмерзания в лёд и следовавшего за ним анабиоза, который мог длиться веками. Бывало, что кусок льда со вмерзшим в него аборигеном откалывался от материка и оказывался в открытом море. Так в истории человечества возникали красивые легенды («Спящая красавица», «Титаник», и др.). Согласно дневнику Олафсона, ещё в начале двадцатого века группа смельчаков отправилась в первое в истории Антарктиды управляемое плавание внутри айсберга. Большая часть команды провела путешествие в анабиозе, кроме героических Штурманов, приведших айсберг в движение с помощью заклинаний и естественной дрожи — «колотуна». Но так как судовой журнал (клинопись на пластинах изо льда) оказался растоплен, факт путешествия не доказан. Сам полярник считал, что именно антарктические аборигены изобрели замороженную рыбу. Согласно Олафсону, войдя в контакт с американцами, Совет Старейшин Антарктиды покинул коллективный анабиоз с целью объявить демократизацию и запретить любимую народную забаву — дуэль с помощью замерзающих на лету плевков, — что вызвало волнение среди антарктических студентов. Волнения были заморожены властями.

Открытие антарктического человека было расценено в учёном мире как неумная шутка, однако, исчезновение американской партии и смерть от лучевой болезни (т.н. «пингвиноз») норвежцев надо было

как-то интерпретировать; Центральное разведывательное управление США по обыкновению искало след советских спецслужб. Гипотеза о том, что антарктические аборигены являются прямыми потомками своих тотемических прародителей и/или затерявшихся на просторах Антарктики полярников не выдерживала никакой критики.

К этому времени история и исследования Антарктиды не таила в себе никаких загадок. Время от времени всплывали лишь малоизвестные факты. К примеру, известен случай, когда во время первой мировой войны английскому инженеру Дарби Уоурэну стало остро не хватать снега для исследований в области криогенной медицины. Будучи сыном лорда и внуком францисканского монаха, он легко смог добыть две штыковых и одну совковую лопаты, благодаря чему организовал небольшую пешую экспедицию на южный полюс планеты. В состав экспедиции входила также собака Уоурэна и блохи собаки Уоурэна. Через полтора года отважные путешественники достигли, наконец, окраин Бирмингема, где были арестованы за бродяжничество. Или, напротив, Густав Мюнцель, живший в Амстердаме в начале XIV века, знал об Антарктиде практически всё. Им же была нарисована карта, которую в своё время скопировал Леонардо Да Винчи, копия которой сегодня хранится в Каирском музее. Русский полярный исследователь, уроженец Вятской губернии Карл Бруно Дроссельфельд за свою долгую жизнь предпринял две попытки добраться до Антарктиды по Волге и одну — железной дорогой, но все три раза безнадежно терялся в Каспийском море. К концу жизни Дроссельфельд написал научный трактат «О половой идентификации жугитковых и простейших», за что получил розовые пуанты от ассоциации любителей испанского балета. Но на самом деле, конечно, Антарктида была открыта австралийскими аборигенами ещё в доколумбову эпоху. Правда, в связи с тем, что туда стали часто убегать дети, чтобы поиграть в снежки, вскоре австралийцы Антарктиду всё-таки закрыли.

Советские разведчики отработывали версию о колонии Новый Швабеланд, подброшенную им ЦРУ. Согласно их информации, начиная с 1938 года немецкий подводный флот адмирала Дёница (экспедиция «Швабия») вёл строительство двух подземных баз в гигантских подлёдных полостях с теплым воздухом как раз в районе Земли Королевы Мод. Вообще, известно, что Адольф Гитлер очень часто посылал в Антарктиду экспедиции. Несмотря на садизм, шизофрению и энурез, он был вегетарианцем, тонким ценителем искусства, интеллектуалом и совсем никогда не ругался, поэтому Антарктида была единственным местом, куда у фюрера язык поворачивался послать. Экспедиции туда не прекращались ни на минуту в течение всего существования рейха, а после войны Новый Швабеланд стал пристанищем уцелевших фашистов.

Советские разведчики угадали: караван немецких подводных лодок шел настолько хитрым курсом, что американский флот его так и не обнаружил. Советские разведчики, правда, тоже. Но угадали. Правда, в конце концов, разведчики пришли к выводу, что никакого Швабеланда не существует, равно как и Антарктиды, потому что всем известно: где нет ячейки Коминтерна, нет вообще ничего. Более того, конфеты «Антарктические» производства московской фабрики «Красный октябрь», имевшие белую начинку и покрытые сверху слоем белого шоколада, были вовсе сняты с производства в 1951 году из-за постоянного пребывания в состоянии глубокой заморозки.

В 1950 году Эриком Томпсоном (США) была выдвинута версия, что американцы и норвежцы, принявшие друг друга за аборигенов Антар-

• СОБЫТИЯ

тики, просто в страхе перерезали друг друга. Схватка была кровавой и жестокой. На льду. Так родилась Национальная Хоккейная Лига. Если обратиться к якутам (хотя при чем здесь, казалось бы, якуты?), то у них существует поверье, что в злые морозы, когда воздух становится адски плотным, в мозге человека происходят процессы расщепления сознания и эмиссии наружу второго «я» (иногда даже не в единичном количестве). И чем больше случается посетителей Антарктиды, тем более населенной она становится: ведь исследователь пришел и ушел, а результат расщепления сознания с выводом наружу вторых «я» остаётся.

В 1953 году после коронации академика Королёва в «деле Олафсона» была поставлена точка: в новом определении океанов Международная гидрографическая организация подтвердила открытие Антарктиды и закрытие Южного океана, что соответствовало ещё древнеегипетским криптограммам, текст которых, согласно советским учёным, гласил следующее: «Осёл посвящен Сету, врагу и убийце Озириса. Стремящийся в рай с нечистой совестью уподобляется врагу Озириса. До непосредственной борьбы богов дело не доходит, поскольку солнечная барка минует опасное место окольным путем». Говорят, при постройке Асуанской ГЭС земледельцы нома Та-Сети очень смеялись над причастностью СССР к истории египетской государственности.

Современная Россия унаследовала советские достижения по освоению Антарктиды. К 2014 году (Зимним олимпийским играм в Сочи) Москва планирует объявить себя третьим полюсом Земли. Изображение двуглавого пингвина, освящённого патриархом Московским и всея Руси Кириллом, будет помещено на государственный герб России вместе с соответствующим орлом.

Приложение. Записки антарктического врача (ст.Восток-3)

15 июля 1967 года. У зам.нач.экспедиции Гулевича обнаружилась проблема со здоровьем. В доверительной беседе он сообщил мне о Всемирном заговоре пингвинов. Подозреваю, что причиной всему является банальное похмелье, вызванное контрабандной поллитровкой, пронесенной им на станцию и единолично уничтоженной вчера. Несмотря на этот подлый индивидуализм, я пожалел его. Выдал ему единоразово сто грамм медицинского спирта и на весь день уложил в постель.

18 июля 1967 года. Радист Коля сообщил мне, что вчера вечером Гулевич притащил откуда-то пингвина и всю ночь допрашивал. Дело обстоит гораздо серьезнее, чем я предполагал. Решил срочно изолировать больного, но Гулевич исчез. Организованные поиски результатов не принесли. Дали радиogramмы на соседние станции. Решено было утром организовать поисковую партию.

19 июля 1967 года. При повторном осмотре в домике Гулевича обнаружен протокол допроса, из которого следует, что пингвин уже с самого начала занял враждебную позицию и на все вопросы отвечать отказался. Труп птицы Гулевич, по-видимому, утащил с собой.

20 июля 1967 года. Ночью собаки громко лаяли. Мы выскочили из домиков и пустили ракету, но никого не обнаружили. Я предположил, что это приходил несчастный Гулевич, но доказательств мы не обнаружили. Возможно, что это был какой-нибудь пингвин.

21 июля 1967 года. На станцию приходил пингвин. Может быть и ночной. Радист пытался подольститься к нему и покормить рыбой, но пингвин есть не стал, походил по территории станции и убыл во-сво-яси. В полдень вернулась поисковая партия. Следов Гулевича нет. Учитывая стоящие морозы, шансов у него практически никаких.

22 июля 1967 года. Временно поселили радиста Колю в жилище Гулевича, чтоб не консервировать домик. Радист, кстати, таки подружился с пингвином, и тот бегает за ним теперь, как собачонка. Это хорошо. Хотя немного поднимает настроение членов экспедиции, совсем упавшее после исчезновения Гулевича.

24 июля 1967 года. Я начинаю беспокоиться за радиста. Вчера он пропустил очередной сеанс связи. А еще поселил в своем домике пингвина. Я за любовь к животным — но не до такой же степени. Попытался поговорить с Колей, но он на контакт не пошел, отводил взгляд, говорил, что все нормально.

25 июля 1967 года. Опасения сбылись! Вчера Коля пришел в кают-компанию и безапелляционным тоном заявил, что он является официальным представителем расы пингвинов. Николай в жесткой форме потребовал вернуть пингвинам тело их погибшего собрата. Не приложу ума, что делать? Где ж мы возьмем это тело, если оно исчезло вместе с Гулевичем? Временно поместил Колю в карантин.

26 июля 1967 года. Ночью Коля сбежал! Кроме того, он разбил радиостанцию и слил всю солярку. Я давно подозревал, что Коля американский шпион, но у меня не было доказательств. Жаль, что без связи мы ничего предпринять не можем.

27 июля 1967 года. Обнаружено тело Гулевича. На теле следы многочисленных порезов. Или ударов длинным острым клювом. Несколько невыдержанных товарищей взяли ружья и отправились к ближайшей пингвиной колонии. К вечеру они не вернулись.

28 июля 1967 года, 12.43. Станция блокирована пингвинами. Мы забаррикадировались в столовой, запасов пищи достаточно, но нас больше волнует вопрос отопления. Что будет если пингвины догадаются заглушить дизель? Но в любом случае через 10 часов дизель без нового топлива заглохнет сам. Я успел захватить в столовую остатки радиостанции — но собрать ее сами мы не можем.

13.15. Пингвины прислали парламентаря. Им оказался Коля. Пиндосы требуют признания их суверенитета и выплаты контрибуций. Взамен они предлагают жизнь и связь с Большой Землей.

13.40. Кто-то предложил прорываться, но куда? Из окна мы засекали, что у пиндосов есть несколько снегоходов, что пресекает идею побега в корне.

14.08. Решили сдаться, все равно через несколько часов замерзнем. Пиндосы требуют выходить по одному и без оружия. Я решил спрятать свои записки в разбитой радиостанции. Надеюсь, пиндосы не догадаются заглянуть туда. Мы знаем, что Родина нас не забудет. И тогда эти записки помогут нашим товарищам найти и освободить нас!

28 хемула 8456 года. Ваше Востокопревосходительство! Сим рапорту о благополучном завершении операции «Кроатон¹-Восток».

Лица, задействованные в операции, представлены к правительственным наградам; с каждого взята подписка о неразглашении. Двойной агент Холя в настоящее время проходит реабилитационный курс и вскоре начнет подготовку к очередному внедрению. Военнопленные осуждены по 246 статье УК и приговорены к реинкарнации в Очковых пингвинов (*Spheniscus demersus*). К рапорту прилагаю документацию, захваченную нами у врага. Обер-аптенодайте² Пат.

¹ Кроатон — название индейского племени, жившего во времена колонизации Америки на одноимённом острове, соседствующем с островом Роанок в штате Северная Каролина. С названием «Кроатон» связана популяризованная Стивенем Кингом история о «потерянной колонии» сэра Уолтера Рэйли, загадочно исчезнувшей на острове Роанок между 1587 и 1590 годами (источник — Википедия, пятнадцать суток).

² Aptenodytes — императорский пингвин (лат.).

БИБЛИОТЕКА АТЛАНТИДЫ

Не все эти книги написаны, но каждую из них мы рекомендуем!

Гомер. Илиада + Одиссея

Издание Александрийской библиотеки

Самый известный греческий фэнтези-сериал, предшественник всей последующей сюжетной литературы. Если «Илиада» — это всё ещё типичная стрелялка с занудными переходами из уровня на уровень, то сиквел «Одиссея» — вполне качественный квест, успешное прохождение которого в первую очередь зависит от правильного выбора стратегии, а не только от скорости принятия решения. Правда, разработчики не обошлись без ряда досадных упущений: например, при смыкании Сциллы и Харибды остаётся небольшой зазор, сквозь который вполне можно просунуть лезвие ножа, дочь царя Алкиноя красавица Навсияка периодически приобретает зловещие черты Лилит, а из 24 горячих клавиш древнегреческого алфавита работают почему-то только «сигма», «дисигма» и «эскейп».

Алексей КАРАКОВСКИЙ

Джордж Оруэлл. 1984-1985

Как известно, Джордж Оруэлл закончил роман «1984» незадолго до своей смерти. Однако, уже тогда он задумывался о написании продолжения этой истории и даже оставил в своём архиве соответствующий черновик, условно названный исследователями «1985». За несколько мгновений до смерти писатель успел написать только одно слово — «И...» (в оригинале: «And...»). Уникальный, бесценный для мировой культуры клочок бумаги был найден только через 60 лет после смерти Оруэлла внучкой горничной. Отдельные исследователи, правда, считают, что этот текст мог принадлежать авторству Оруэлла лишь наполовину, и написан он в соавторстве с Владимиром Набоковым, но пока эта версия ничем не подкреплена. Настоящее издание впервые представляет читателю оригинальный текст «1984» вместе с его недописанным продолжением, что и предопределило общее название книги.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

Сирена Майор. ТЯПНУТАЯ.

Москва, независимое издательство Клык & Артерия, 2011 г.

Очередная спекуляция на подставшую всех и вся вампирскую тему могла бы пройти полностью незамеченной и не раскупленной, если бы у меня на даче не закончилась туалетная бумага, а «Иностранную литературу» 1977 года портить я считаю кощунством.

Язык книги беден, сюжет тривиален — девушка, юная и трепетная до падучей, вампир — загадочный, бледный и трехсотлетний юноша, чистая любовь и витающее над этой идиллией предчувствие осинового кола. Впрочем, девочки-подростки этого даже и не распознают, им главное, чтоб были девушка и вампир.

Разумеется, в конце книги ничего ничем не заканчивается, зато проанонсировано продолжение «Надкушенная». Бедные родители...

Кристи ДЮВАЛЬ, Скотопригоньевск

Коллектив авторов. Исходный код операционной системы Windows

«Исходный код операционной системы Windows» — самый грандиозный роман-катастрофа со времен выхода «Титаника». Роман первоначально был издан для внутреннего использования в американском издательстве Microsoft мизерным тиражом, однако в 2004 году роман был с нарушением авторских прав переиздан крупным израильским издательством Mainsoft. Действие романа происходит во множестве сюжетных окон, каждое из которых обладает своими уникальными жанровыми характеристиками. Неспешное развитие событий в романе сочетается с мультикультурностью и космополитизмом, однако финал романа написан английскими буквами на синем фоне, что является данью традиции — именно английский язык был единственным языком приквела, известного читателям под названием «MSDOS».

«Исходный код операционной системы Windows» был неоднократно отмечен критиками, существует фэн-клуб романа, представителей которого можно узнать по синим футболкам с разноцветной пиктограммой летающего куска деформированной кирпичной кладки и надписями «мастдай».

По роману была создана одна из самых популярных среди офисного планктона машинная среда для пасьянса.

Дэн ШОРИН

Психологические портреты людей Земли

Как известно, любая классификация психотипов страдает прилизительностью вследствие аппроксимации структур порядка (n) матрицами (n+1) порядка. Академия ФСБ России предприняла беспрецедентную попытку устранить это упущение и, поставив своей целью использования матриц порядка (n+2), составила базу исчерпывающих психотипов, а равно и личных дел всего населения земного шара, пока оно не увеличилось, хотя поставленной в математике цели так и не достигнув. Почти семь тысяч томов, хранящихся в спецхране ФСБ, были отсканированы и выложены в электронном виде несправедливо уволенным сотрудником, чьё имя, а тем более фамилия не разглашаются в целях неразглашения. Спрашивайте у распространителей на всех радиорынках столицы и других городов — «Полная база психологических портретов людей Земли от ФСБ».

Сергей САВОСЬКИН

Календарь выпускниц 2011 года

Автор, возможно, пытается доказать, что Россия продолжает претендовать на статус самой читающей, самой кулинарной и самой многообещающей в демографии страны в мире, хотя, возможно, и нет, — настолько противоречива идея, вложенная издательством в этот будущий бестселлер. Каждая из семисот страниц украшена фотографией обнажённой студентки нынешнего года выпуска, её переводом страницы из романа Джеймса Джойса «Поминки по Финнегану», известного своей непереводимостью, и любимым кулинарным рецептом выпускницы, который она испытала на себе накануне фотосессии. Они очень старались :)!

Сергей САВОСЬКИН

ФОНОТЕКА АТЛАНТИДЫ

Музыка, которую никто не услышит, но все о ней узнают

Хрум-Хрум Грааль. Любимые песни Рамзеса IV (2011)

Группа «Хрум-Хрум Грааль» выпустила в этом году альбом под названием «Любимые песни Рамзеса IV». При этом ничего общего, кроме названия, с одноимённым альбомом Аквариума он не имеет, точно так же, как альбом Аквариума — с Рамзесом IV. Велимир Зболоедов, лидер ХХГ, утверждает, что им удалось реконструировать подлинные песни, которые любил слушать Рамзес IV. Слушатель может вполне насладиться звуками раздавливаемого между камнями хряща, душераздирающими воплями, криком падающего в колодец на колья, «клёкотом орла», получаемого при отрубании рёбер от позвоночника, и другими звуками. Говорят, что Рамзес IV был миролюбивым правителем, поэтому в его покоях всегда, даже когда он присутствовал при пытках или казнях, исполнялись «От улыбки маленькой одной», «Мама для мамонтёнка», и другие. Весь интерес в том, что первая и вторая составляющая исполнялись вместе, создавая превосходный эффект 3D эффект синхронности разных песен одновременно.

Сергей САВОСЬКИН

Слюни. Права яблоне!

Лена не поступила в педагогический, Оля не прошла в «Кулёк». Света, самая рассудительная из всех, сразу приехала в столицу работать по вызову. Жанна даже не доехала. Они встретились на полу вестибюля Казанского вокзала и в пятницу познакомились со своим первым продюсером. К вечеру субботы число продюсеров выросло до одиннадцати. Тогда же родилось название: «Слюни».

Первый концерт состоялся на веранде детского садика. Того, который дальше от метро. С зелёным заборчиком. Менты ещё тогда приезжали. Четырнадцатого, кажется... Утром следующего дня таинственный спонсор, хмурый мужик, пожелавший остаться неизвестным, вложил в группу двенадцать рублей и дела коллектива резко пошли в гору. «Слюней» пригласили выступить на музыкальном состязании молодых подражателей звукам отрывки и на фестиваль «Рухнувшие надежды две тысячи с чем-то».

Неожиданно для самих себя, организаторов фестиваля, жюри и Господа Бога нашего Иисуса Христа юные участницы стали лауреатами обоих конкурсов и выпустили свой дебютный альбом «Права яблоне!». Название альбома получилось из названия главного шлягера этого самого альбома, а название главного шлягера повторяет главные слова главного припева песни:

... на-на-на... кого-то там... ля-ля-ля...
Я тебя... там... что-то... люблю
Трам-пам-пам... с тобой едва
Потому что я б<ы>ла не права!

Мерзкая и прилипчивая мелодия вкупе с тупым текстом быстро снискали любовь в разлагающейся среде малолетних поклонниц. В августе того же года все девочки неожиданно ушли в декрет и на их место пришли какие-то совершенно другие тётки.

Новым составом «Слюни» отправляются по контракту в Израиль и после двух лет рабства на известного сутенёра-антрепренёра триумфально возвращаются на родину. Именно там, на чужбине, были написаны лучшие

хиты для второго альбома талантливых нимфоманок под красивым названием «Карие простаты». Презентация этой новой и, безусловно, на сегодняшний день лучшей работы проходила в ночном клубе «Страпон и классика» при поддержке справочника «Выцветшие страницы» и медицинского журнала «Свобода и цирроз». Почти через мгновение состав группы опять полностью сменился и обратно вернулись большинство прежних участниц, имена которых уже все благополучно забыли. Кроме той шатенки с переломом бедра и двоюродным братом с дурацкой фамилией.

В настоящее время «Слюни» успешно крадут у западных звёзд песни для своего третьего и, надеемся, посмертного альбома. Новый клип группы на композицию «Шипение в белом шуме» можно наблюдать каждый раз с часу тридцати ночи до пяти сорока пяти утра на кабельном канале «Крах новостей».

Александр ВИШНЁВ

Bob & Uylahas — Selenga Cannabis

Дебютная пластинка бурятского рэги-квинтета «Bob & Uylahas» («уйлаха» — «плакать», по аналогии с «Wailers») получилась почти такой же солнечной, как и альбомы Боба Марли. Музыканты из Селенгинска — убеждённые патриоты, исполняющие рэги только на бурятских национальных инструментах, пишущие тексты песен только на бурятском языке и вкурывающие в минуты досуга только настоящую бурятскую анашу. Правда, критики злословят, что бурятская анаша давно уже убила у лидера группы Ангадыка Яхунаева не только вокальные данные, но и артикуляцию. Впрочем, на популярности группы это никак не сказывается — группа ориентируется на Европу, где бурятский язык по большей части остаётся совершенно неизвестным широким массам любителей музыки, а вокальные данные вокалистов никого не волнуют.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

«Битлз» по-чёрному (Beatles in black) — 2010

Наверное, самый необычный трибьют ливерпульской четвёрки выпущен в этом году соликамским ИП Каримов И.П. — это сборник кавер-версий «Битлз», записанных различными людьми (как профессиональными музыкантами, так и любителями) в предельно пьяном состоянии. Коллективное пение во время застолий здесь редкость; кроме «Yellow submarine» и «Yesterday», составители не стали включать хоровых версий, посчитав их расхожим штампом. Акцент сделан на такие номера, как пьяное бормотание неворочающимся языком слов песни «Girl», едва разборчивое нашептывание «Back in the USSR» с переходом в слабой доле на неудержимую икоту соль-мажор. Крайне интересна коллекция концертных исполнений никому не известными группами таких хитов, как «Ticket to ride» и «Norwegian wood» — мимо ритма, не попадая по струнам, с непередаваемыми русскими и тарбарскими инновациями в давно известных каждому образованному человеку текстах. Венчает сборник жемчужина коллекции — записанное корреспондентом газеты «Жёлтая неделя» Иваном Свинтусом на личный диктофон пьяное исполнение Николаем Басковым в VIP-туалете Кремлёвского дворца съездов композиции «Revolution#9». По данным торговой статистики диск куплен уже четвертью семей Соликамска и, несмотря на своё пугающее необъяснимое название, грозит войти в историю города как самый успешный коммерческий проект со времён солевой монополии Демидовых.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

• СОБЫТИЯ

В марте 2011 года закончился Первый международный читательский конкурс «Образ жизни» (www.kultura-chtenia.ru), организованный блогером Татьяной Кургановой (<http://holit-i-leleyat.livejournal.com>). В таких случаях «Контрабанда» никогда не остаётся в стороне, и поэтому ближайшие несколько номеров мы будем радовать вас лучшими рецензиями на лучшие книги.

А. Бронски. Самые острые блюда татарской кухни

«Когда моя дочь Зульфия сказала мне, что беременна, при этом не знает, от кого, первое, на что я обратила внимание, это на свою осанку. Я выпрямила спину и с достоинством сложила руки на коленях».

По ту сторону Уральского хребта, в семье татарки Розалинды раз и навсегда установлены четкие правила: она командует и управляет, муж и дочь беспрекословно подчиняются. Розалинда уверена: у этих двух амёб не возникнет даже мысли пойти наперекор ее воле. Беременность Зульфии Розалинда воспринимает как досадное недоразумение, которое необходимо немедленно исправить. На дворе 1978 год, и Розалинда определенно не собирается становиться бабушкой. Однако все попытки прервать беременность Зульфии — и горчичные ванны, и настойка из лаврового листа, и даже аборт на дому — оказываются тщетными. И вот, едва появившись на свет, маленькая Аминат раз и навсегда завоевывает сердце своей железной бабушки. Наконец на свет появился кто-то, равный Розалинде по силе и способностям! Аминат «настолько же красива и умна, насколько дурна собой и глупа Зульфия», считает Розалинда. И предпринимает все усилия, чтобы внучка принадлежала ей и только ей. Чувства и желания других при этом никакой роли не играют — пытаюсь достичь желаемого, Розалинда не останавливается ни перед чем, подобно урагану, круша все на своем пути.

Тот, кто, откроет книгу «Самые острые блюда татарской кухни» в надежде на необычные и экзотические рецепты, будет разочарован. Книга Алины Бронски — не сборник рецептов. Это — история трех поколений женщин: несокрушимой и негибкой Розалинды, ее дочери Зульфии, придавленной железной волей матери и гнетом советских блочных хрущоб, и внучки Аминат, на которую Розалинда возлагает все свои надежды. Мужчины в романе тоже есть — это и муж Розалинды Калганов, и ее многочисленные зятья, однако присутствуют они лишь номинально. Ни один из них не решается противостоять воле «железной леди». Лишь Розалинде позволено принимать решения, лишь она имеет право на идеи и суждения, и именно от лица безудержной, депотичной и темпераментной Розалинды и ведется повествование.

Розалинда гордится своими татарскими корнями и своими кулинарными талантами. При этом детство ее прошло в детдоме, так что с культурными, этническими и религиозными традициями своих предков она практически незнакома. Татарские блюда, которыми так гордится Розалинда, тоже никакого отношения к татарской кухне не имеют — их скорее можно назвать результатом кулинарной фантазии Розалинды в условиях тотального советского дефицита.

Однако именно с помощью этих гастрономических экспериментов Розалинде удается заманить к себе за стол немца Дитера — ее последнего зятя, который должен стать «пропуском» в светлое будущее для самой Розалинды, Зульфии и Аминат. Хитроумная комбинация разыгрывается безукоризненно, однако жизнь в «светлых даях» складывается вовсе не так, как того хотелось бы Розалинде. Она не

• РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ ОТ ОЛЬГИ ТАИР

ошиблась, с самого начала увидев в своей внучке существо, равное себе по силе воли и негибкости. Аминат осваивается в Германии намного быстрее, чем этого хотела бы ее бабушка, и вынуждает Розалинду ослабить, а затем и вовсе разжать железные объятия.

Тот, кто ценит в романе лихо закрученную спираль сюжета, не будет разочарован. В книге Алины Бронски хватает и комических ситуаций, и неожиданных поворотов, и трагических коллизий. Так же, как Розалинда — прекрасный кулинар, Алина Бронски — непревзойденный рассказчик. Однако самое увлекательное и самое замечательное в романе — это его стиль и повествовательная манера. Неважно, о чем идет речь: о нервном истощении и смерти, об абортх и педофилии, о разочарованиях и об ударах судьбы — Бронски умеет находить комизм в самых невеселых ситуациях и рассказать об этом так, что читателя не передернет от дурновкусия. И то, что Розалинде, несмотря на все ее иронию, язвительность, острый язык и умение «держать спину», в самый трагический момент жизни не удастся скрыть своей слабости и одиночества, является полностью заслугой ее создателя.

Арина БЕЛЯВСКАЯ

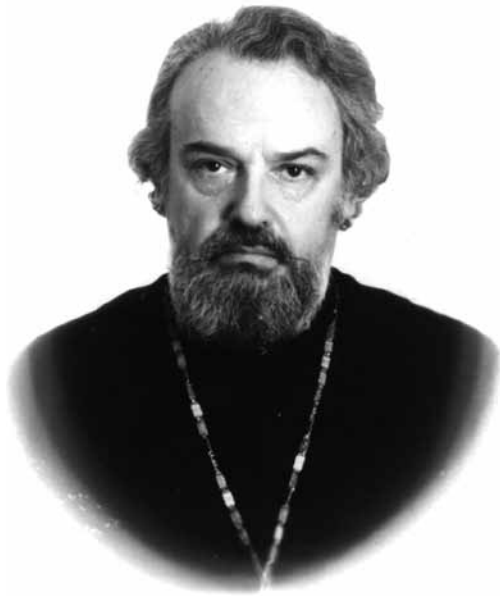
Диана Виньковецкая. Ваш о. Александр

Диана Виньковецкая известна в писательской среде как автор шести книг, устроительница творческих вечеров, концертов, художественных выставок. В 1974 году, уезжая из России в Америку, она совсем не помышляла о литературном поприще, но лишь о деятельности и карьере мужа Якова Виньковецкого, ученого-геолога, философа, художника, разносторонне одаренного человека.

Переписка с о. Александром Менем 1977-1990 гг., составляющая книгу, обязана своим появлением духовному кризису Дианы и душевной щедрости о. Александра. Теперь уже очевидно, что это больше, чем переписка — событие литературное и свидетельство духовное.

«Окропил меня, как деревенского поросёнка...», — пишет Виньковецкая об о. Александре в предисловии. И в этом — она вся: искрящееся веселье в обнимку со скрываемой, но захлёстывающей грустью. Несомненный литературный дар, так вовремя открытый, вдохновлённый и поддержанный о. А. Менем; легкость натуры и письма, не заикленность на себе, а всего лишь произвольное женское кокетство; потрясающая природённая ирония и самоирония, понимание своей роли «второй скрипки» в отношениях с людьми без какого-либо надрыва и позы самоуничтожения: «я всё-таки человек...», — вот те черты её личности и стиля, превращающие читателя в поклонника.

В письмах из-за океана предстаёт пёстрая панорама стран и родов, стремительно сменяющих друг друга. От взгляда корреспондентки не ускользает ни одна интересующая деталь: мастерски сделанные зарисовки Рима, Нью-Йорка, Парижа, Тель-Авива, их быта и нравов; американская «комфортабельная глухомань», с её отношениями, системой образования, приоритетами (недаром «эпическая» часть переписки помещена позже в книге «Америка, Россия и я»). Как признаётся автор, «люди везде одинаково-разные». В центре внимания — эмиграция третьей волны — та среда, о которой уже немало сказано: гротескно и сполна — в «Иностранке» и «Филиале» у С. Довлатова; эпизодично, но ёмко и философски-осмысленно — у о. Шмемана в «Дневниках»...

Виньковецкая смотрит женским взглядом, обезоруживающе признаваясь, что видит скорее недостатки, чем достоинства. Она хлестко высмеивает глупость людскую: тщеславие, корысть, подхалимство, ненависть, мелочные счёты. Впрочем, она не везде смеётся: нет-нет, да и прорывается тоска, растерянность. И от этой пустоты — человеческой и вселенской — ей достаётся... Но именно во время затяжной депрессии она ещё настойчивей обращается к о. Александру, потому что интуитивно знает, к кому обращаться. И закономерный, но мучительный, особенно для творческой интеллигенции, выдох: «во мне мало веры...», «помолитесь...».

За внешней лёгкостью бытия и стиля героини просматривается другое. Ироничное, смелое, «хохочущее» повествование — это не результат какой-то особой удачливости автора, но лишь следствие лёгкого нрава. В её судьбе не один раз нужно будет обрести «мужество жить»: встретиться с собой «без дураков», переосмыслить ценности, пережить личную трагедию. В одном из писем Меню она признаётся: «... само Ваше существование даёт мне силы жить».

Для о. А. Меня письма Дианы — повод улыбнуться, «повеселиться от души», ведь она — действительно талантливый рассказчик. Но он, конечно, догадывается (и, может быть, раньше, чем собеседница), что она нуждается в поддержке. И откликается, и хвалит, и сораздается.

О. Александр помогает найти Диане «путь личной внутренней связи», с самого начала сообщая ей особый настрой всепроникающей любви: «все доброе пронизывает быстро, а тёмное — где его нет?»

Первые письма к Диане — подробные, поддерживающие, новоначальную в вере. Он размышляет с ней о жизни, о времени, о свободе, рассказывает о верованиях, о Церкви; даёт советы по чтению Евангелия и Ветхого Завета, по выбору духовной литературы, по чтению молитв. Спасение от бессмысленности бытия для него возможно лишь тогда, когда человек сумеет «увидеть Его (Бога) в лице Назарянина», услышать «самый родной нам голос».

После преодоления Дианой духовного кризиса о. Александр говорит об опасности не неверия, а неверности (отхода от веры), подчеркивая, что «при внешней изменчивости жизни внутреннее должно оставаться неизменным»: предстояние души перед Богом, постоян-

ный ответ на Его призыв. Он искренне жалеет «скитальцев» — эмигрантов с «их плачем на реках Вавилонских», увидевших смысл жизни в самоутверждении и «литкутерье».

Размышляя о природе творчества, в письмах Диане и Якову Виньковецким, он напоминает, что полученные человеком таланты подразумевают и отчёт о них. Сам же о. Александр воспринимает «сделанное доброе как незаслуженный дар».

Ещё в июле 1978 г. он пишет: «чувствую ответственность за каждый потерянный день и час». Вообще же о себе Меню сообщает кратко, полностью ориентируясь на адресата; но даже через скупые и непримечательные детали: выпавший снег, пение скворцов, домашние заботы, игры внуков — он рассказывает о смысле Бытия, об осуществлении Замысла в мире.

Обладая редким даром внутренней свободы, о. Александр совершенно чужд назидательной и покровительственной интонаций. Он молится за своих друзей и благословляет их. Последняя открытка Диане подписана им за девять дней до рокового дня 1990 года...

Для меня эта книга — подарок. Если есть у моих знакомых хоть какая-то потребность в чтении — даю читать или дарю. Результат превосходит ожидания. Впрочем, так и должно быть.

Наталья РЕДОЗУБОВА

Граф Монте-Кристо

Мне было 12 лет, я очень любила читать, имела кучу проблем со сверстниками, т.к. была дочкой очень заботливой мамы. Мама не отдала меня в садик, провожала меня в школу, встречала из школы, тепло одевала и усиленно питала. И на почве всего этого я не знала, как общаться с детьми, не вылезала из ангин и ОРЗ, была сильно умной отличницей или, как теперь говорят дети, типичным «ботаником».

Мои одноклассники — ловкие, общительные, более наглые и уверенные, иногда травили меня, иногда — просто не обращали внимания. Мальчики считали всезнайкой и всегда хотели сидеть рядом, чтобы списывать. Я никому не нравилась, со мною никто не хотел дружить. Единственными моими друзьями всегда были книги. У нас была большая библиотека, и я, забравшись в любимое крутящееся кресло, брала книжку и что-нибудь погрызть (морковку или шоколадку) и на долгие часы выпадала из реальности. Хорошие книги были тогда дефицитом, их «доставали», покупали втридорога или выменивали на макулатуру. И вот однажды у папы на работе была книжная лотерея, и один сослуживец выиграл двухтомник А.Дюма «Граф Монте-Кристо». Сразу же весь папин отдел встал в очередь, чтобы прочитать эту книжку. И вот очередь дошла до папы...

Я помню тот вечер, когда папа принес домой эту книжку. Помню потому, что тем вечером он так и не поужинал, чем вызвал сильное недовольство мамы, которая трижды разогревала ужин. И когда я проснулась ночью, у папы горел прикроватный светильник, чего не было никогда. Папа всю ночь читал книжку.

А после школы я вооружилась большой плиткой чёрного горького шоколада, который родственники присылали нам из Самары, залезла в любимое кресло и открыла эту таинственную книгу. В этот вечер я первый раз не сделала уроки и переругалась с родителями. С мамой — потому что не хотела ни делать уроки, ни ужинать, ни спать, пока не дочитаю книгу. С папой — потому что возникла конкуренция, он претен-

● РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ ОТ ОЛЬГИ ТАИР

довал на то же самое. Только после того как книга была дочитана семья вернулась к нормальной жизни: урокам, ужинам, сну по ночам.

История обманутого, униженного, преданного Эдмона Дантеса, который нашел в себе силы, возродиться из пепла и отомстить врагам, просто захватила меня. Особенно мне понравились сцена в тюрьме замка Иф, когда растерянный Эдмон совершенно не понимает, почему и за что он оказался в этом мрачном месте. А его друг, мудрый аббат Фариа, совершенно не зная, что делается за пределами тюрьмы, но зная жизнь и людей, в два счета объясняет герою, в чем дело. Оказывается, человек может вызывать ненависть и неприязнь уже одним только фактом своего существования. Тем, что он красивее, умнее, достойнее другого. Тем, что он более удачлив в делах и любви. Тем, что он просто оказался не в то время и не в том месте.

И я на одном дыхании прочитала историю превращения наивно-простоватого юноши Эдмона в могущественного Графа Монте-Кристо, который умел заставить людей предугадывать его желания. Хотя я не сразу прочитала всю историю. Между первым и вторым томом был перерыв в один месяц. За это время со вторым томом знакомился весь папин отдел. И я весь месяц по вечерам очень ждала папу с книжкой. Позднее так нетерпеливо-радостно я ждала только любимого мужчину. А когда второй том наконец-то оказался у меня в руках, я ощутила такое... Как ни странно, я до сих пор считаю этот момент по ощущениям одним из самых счастливых в моей жизни. Такая я книжница.

Но эта книга не только запомнилась мне, как просто очень интересная книжка. Она в чем-то переменяла меня. Я решила заняться своим здоровьем. И как Фариа развивал ум Дантеса по своей системе, так и я создала себе некий оздоровительный план из утренней зарядки, контрастного душа и вечерних прогулок в гордом одиночестве. Не сразу, но постепенно я почти перестала болеть, вылезла из плотных шерстяных свитеров с высоким воротником, которые прикрывали моё вечно больное горло. Я всегда пожизненно была освобождена от физкультуры, а тут вдруг начала ходить на занятия. И неожиданно обнаружилось, что я могу далеко бросать мячик и мне нравится бегать на лыжах. И у меня впервые появились пятёрки по физкультуре! Я очень радовалась им, т.к. по остальным предметам я и так была круглой отличницей, и только в графе «физкультура» всегда прочерк либо «освобождена».

А потом как-то на лыжне мы разговорились с одноклассницей. И пошли вместе вечером домой из школы. И подружился. А потом появилась еще подружка. И еще. И еще. Где-то к 10 классу я вообще неожиданно стала душой компании, и подружки ревновали меня друг к другу. Незаметно жизнь наладилась, в ней появились друзья, общение, а не только книги и пустота в квартире. Но толчок к изменениям был дан именно этой волшебной книгой.

Я давно уже выросла, у меня ответственная работа, семья, двое детей. Но до сих пор, когда у меня проблемы, я нервничаю, злюсь, не могу найти выход, я открываю эти страницы. Где добрый и честный человек оказывается в мрачной тюрьме и получает уроки жизни. Где наивность превращается в силу, а сила в могущество. Где все получают по заслугам, а справедливость торжествует. И мне становится легче. И я знаю, что справлюсь со всеми проблемами. И добьюсь своего. Как один из моих любимых книжных героев — сказочный граф Монте-Кристо.

Злата ЗЕЛЕНСКАЯ

Сепульведа Л. История о молодой чайке и коте, который научил её летать

Каждый раз, когда я приезжаю на остров Эльба в Италии, я направляюсь в Марчана Марина, небольшой приморский городок, просто побродить. И если прохожу возле ресторана с необычным названием «Zorba» (Дзорба), сразу вспоминаю мою первую книгу, прочитанную на итальянском языке.

Книга неитальянского автора, переведённая, наверно, с испанского, потому что её автор — чилиец, живущий в Германии. Его зовут Луис Сепульведа. А книга, которую я вспоминаю и которую люблю всем сердцем, называется так: «История о молодой чайке и коте, который научил её летать».

Эта книга — роман. В книге 126 страниц удивительно светлого текста. Эта книга о дружбе, о выполнении обещаний, о человеческом уме и силе, о страхе, о взаимопомощи, об удаче и счастье, о развенчании стереотипов. Главный герой романа — кот по имени Zorba, чёрный, большой и толстый. Эти слова звучат постоянно как особая характеристика кота (“nero, grande e grosso”). Место действия романа — Гамбург, а точнее, огромный порт и его окрестности. Именно здесь разворачиваются все основные события.

«Будь всегда осторожным, люди не любят чёрных котов, они уверены, что те приносят неудачу», — так напутствовала мама одного из своих котят чёрного цвета. А что было в реальности, вы узнаете во время чтения книги.

В начале романа мы видим роскошного кота, предвкушающего неслыханное удовольствие от самостоятельной жизни в квартире, расположенной в доме недалеко от порта: хозяева уезжают отдыхать на 4 недели, предварительно договорившись с соседом, который будет заходить в квартиру ежедневно, открывать коту вкусную баночку, убирать его лоток. Кот счастливо мечтает, как он вечером будет покидать квартиру, пробираясь через крыши в порт для встречи со своими друзьями. Но его кошачье счастье нарушается неожиданным событием: на балкон падает умирающая чайка, пострадавшая от нефти, разлитой в море. Но перед смертью она снесла яйцо.

А теперь представьте себе кота, который «высиживает» оставленное яйцо со всей терпеливостью птицы, добывает мошек для вылупившегося птенца, вздрагивает и испытывает удивительные чувства при произнесении птенцом слова «мама», которым величает его маленькое существо, он краснеет от нахлынувших чувств так сильно, что его чёрная шерсть, возможно, становится фиолетового цвета. Да, судьба распорядилась так, что воспитывает птенца тот, кто в природе давно бы съел и облизнулся от приятного вкуса.

Отлично нарисовал автор друзей Дзорбы, которые принимают активное участие в судьбе молодой чайки. Смешны и трогательны сцены, когда коты решают вопрос с определением пола птенца, как они теоретически преподают урок первого полёта, наконец, как они решают нарушить табу — заговорить и обратиться за помощью к человеку, для того, чтобы решить главный вопрос — научить чайку летать. Именно этот наказ дала Дзорбе умирающая чайка. И вывод: «Летает тот, кто знает, как это делать».

Книгу может читать любой человек, интересна она будет и детям. После прочтения остаётся прекрасное чувство о том, что жизнь буквально наполнена светлыми сторонами.

Галина ПАРУСОВА

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОЭЗИИ

Итак, мы, наконец, дожили до публикации дневниковых заметок известного поэта Кирилла КОВАЛЬДЖИ, темой которых является поэзия, а точнее — попытка осознать особую сверхзадачу, лежащую в самой основе поэтического творчества. Изначально эти записи не образовывали цельной статьи; компиляция (надеюсь, она не покажется вам тенденциозной) остаётся целиком на совести журнала «Контрабанда».

Факт вне оценки?

На просьбу выделить десять современных поэтов в «Ex libris» «замечательный» ответ дал Михаил Гаспаров: «Как ученый я занимаюсь фактами, а не оценками, а как читатель я слишком мало уважаю свой вкус, чтобы его оглашать».

Это — «замечательный» ответ? Мой кишиневский знакомый, полглот Марк Габинский занес в картотеку новое молдавское слово из районной газеты. Я увидел и сказал ему: это не новое слово, а просто опечатка. Нет, сказал он, это факт. Я не смог его отговорить. Курьез? Но и сам Гаспаров включил в свою антологию курьезного Гнедова, потому что — факт! А «мало уважаю свой вкус» — кокетство.

Факт вне оценки — фундаментальный грех литературоведения.

Личность как дерево

В свое время я написал: «По генам, по снимкам рентгеновым, // по анатомическим данным // нет разницы между гением // и графоманом. . .».

А можно продолжить мысль. Творение гения не определяется телом, это точно, хотя и неразрывно связано с ним. Но только ли с ним? Если существование духа не исчерпывается существованием плоти, если не полностью принадлежит плоти, то откуда делается вывод об исчезновении духовного «я» вместе с прекращением жизни его тела? Скрипка, смычок и скрипач. . . Музыка не умирает вместе со скрипачом и скрипкой.

Личность — как дерево. Корни — с землей, а крона — с солнцем. Я уж не говорю о лесе. . .

Три источника поэзии: озарение, переживание, изобретение. Остальное — инерция, ремесленничество, графомания.

Две стороны продолжения жизни поэзии: появление нового поэта и развитие поэзии по своим внутренним законам.

К вопросу об искусстве

Помню, Эренбург в Литературном институте рассказывал, что он привез из Африки великолепную эбонитовую статуэтку, изображающую слона во гневе. В гостях был дотошный скульптор-любитель, он воскликнул: — У него подняты бивни! Так не бывает!

Эренбург предложил ему исправить ошибку. Скульптор сделал нужную копию, через несколько дней принес — все были разочарованы. Эффект пропал. «Слонов надо изучать по учебникам зоологии, а не по произведениям искусства!» — подвел итог Илья Григорьевич, усмехаясь.

Недавно мне попала в каком-то рассказе фраза, что некий солдат-художник «изображал» людей с такой поразительной точностью, что его товарищ сказал: «Аж скучно было смотреть» . . .

Неприличный эпизод

Вас. Молкосян во «Временнике пушкинской комиссии. Выпуск 24» пишет о поздней неизданной рукописи Замфира Ралли-Арборе (или Арбуре) и приводит следующий отрывок из воспоминаний о Пушкине в Бессарабии, о его «цыганском» эпизоде близ села Долна:

«Пушкин бросил брата в Юрчанах и поселился в шатре булибаши, куда каждый день его слуга Никита должен был приносить своему барину полотенце, мыло и подавать воду для умывания. По целым дням Пушкин и Замфира бродили по лесу; красавица пела песни, а Пушкин слушал. . .

В одно утро Никита нашел своего барина одним-одиошеньким в шатре. Слуга его Никита рассказывал потом, что его барина приворожила цыганка, спойв настоем каких-то трав».

Почему-то публикатор спешит с опровержением: «Новым и маловероятным в рукописи является сообщение о пребывании в цыганском таборе слуги поэта Никиты. Необоснованным также является сообщение, что Джованни. . .» и т.д.

Как ловко: «маловероятное» уравнивается через «также» с соседним «необоснованным»! В чем дело? А в том, что это нехорошо. Что подумают советские читатели? Демократически настроенному поэту, поселившемуся в шатре, слуга как барчуку каждое утро приносит полотенце с мылом. . .

А почему, собственно, Никита не должен был быть поблизости, при барине? Как он мог его оставить? Деталь с полотенцем и мылом вполне правдоподобна, да и зачем было бы ее придумывать?

Наука любви

«Я всегда побаивался женщин. . . Я возношу их, как богинь, на пьедестал, откуда они сами иногда падают. Мое отношение закономерно: я по-прежнему смотрю на женщин глазами подростка, только что достигшего половой зрелости. . . В своем понимании женщин и в отношениях с ними я так и остался в подростковом возрасте. Я отношусь к ним восторженно».

Кто бы мог это написать? Я мог бы. Но самое удивительное, что написал это кумир миллионов женщин, гениальный режиссер, великолепный итальянец — Федерико Феллини. (Из книги «Я вспоминаю. . .» по беседам с Шарлоттой Чандлер, отрывок в «Общей газете» 21-27 февраля 2002).

Сделал он такое признание на склоне лет, прожив полвека с не менее знаменитой Джульеттой Мазиной. Значит, и мне нечего стыдиться своей несовременной романтической слабости. . .

Мое отношение к женскому полу было «неконкретным» по выражению моего друга, польского поэта Риху Данецкого, романтическим, то есть, можно подумать, просто глуповатым, потому так часто увлечения мои оказывались неразделенными.

Не совсем так. Я не был слеп, видел, как поступают другие, более удачливые. Но я в юности испытывал сильные колебания между двумя крайностями: простой сексуальной потребностью и исключительными надеждами. Первое казалось слишком эгоистичным, корыстным, потребительским, чтобы его открыто добиваться. Это мешало быть «конкретным». Второе мнилось обещанным чудом. Женская душа должна была меня оценить, понять, что я исключение, не такой как все (то, что со мной произойдет — существенно не только для

• СЦЕНОГРАФИЯ

меня, а для чего-то большего — эдакое зернышко предназначения). Потому что женское существо, которое пронзило меня током, тоже ведь не такое, как все...

Короче говоря, максимализм. Либо слишком просто (тут мне должны были пойти навстречу), либо неповторимо (судьбоносно и в согласии с моей путеводной звездой).

Что я думаю об этом теперь, на склоне жизни? Я вел себя не по мужски. Но кобелей и без меня достаточно. Я же претендовал на большее. И испытывал горечь и радость на другом уровне.

Чувство значительности того, что со мной происходит, не покинуло меня. От женщин были стихи и дети. Я вовсе не склонен преувеличивать свои способности и свое призвание, я говорю о врожденном чувстве. О самом факте его существования. Может, смысл не в моих писаниях, а в детях и внуках. Неслучайных, именно таких, а не других...

Кстати, 30 сентября 1953 года Пастернак пишет Н. А. Табидзе: «Я с детства питал робкое благоговение перед женщиной, я на всю жизнь остался надломленным и ошеломленным ее красотой, ее местом в жизни, жалостью к ней и страхом перед ней».

Мозг

За все время эволюции органы человеческого организма принципиально не изменились. Кроме мозга! Мозг может быть гениальным, а печень остается той же, что у свиньи.

Рождение стиха

А. Левинтов («Грани» № 204) в статье о Бродском пишет: «Поэзия, по логике антропогенеза, возникла первой, только вслед за ее ритмами появилась идея танца, ритмизированные движения которого кодировали технику (!) секса, войны, охоты, единоборств, других ритуалов...»

Вспомнилась теория поэта-верлибриста Владимира Бурича. Я как-то пригласил его на свою студию, где он прочел целую лекцию о происхождении поэзии. Даже мелом на доске чертил какие-то схемы. Так был серьезен, что просил у меня гарантий, что никто не украдет его идеи. А мысль его была такова. Поэзия возникла из прозы. Членение прозы (паузы) есть первоначальная форма стиха. Очень всех позабавил, взяв цитату из «Капитала» Маркса и путем разбивки превратив ее в «стихи». То есть — членение прозы создало «верлибр», потом появились белые стихи (гекзаметр, например), которые со временем увенчались рифмами...

Думаю, ничего подобного. Сначала был танец, потом танцевальные выкрики, прибаутки, потом песни, отделение песни от танца и, наконец, выделение стихотворного текста из песни.

Следует оговориться: речь идет о зарождении стихотворной формы. Она не тождественна поэзии. В религиозных текстах полно поэзии, но это не значит, что они плясались или пелись. Были, конечно, пересечения (пляски шаманов, заклинания), но, думаю, собственно стихотворная форма в фольклорном виде происходит из песни (с танцем или без). Потому и Левинтов неубедителен. Дикарь плясал и пел до того, как овладел развитой речью!

Определение поэзии

Невозможно дать окончательное определение поэзии, «попасть в точку», так сказать, в центр понятия. Потому что это не мишень с «яблочком», а бублик, у которого центр — мнимый! Сколько угодно более или менее верных определений, и все — по окружности.

Абсурдизм в поэзии — как сильнодействующее средство против привычки, апатии (инсулин разрывает окостеневшие нервные связи, чтобы они, восстанавливаясь, обновились).

Авангардисты, сочинители творческих -измов (манифестов) объясняют свои намерения до или вместо результатов.

Система («-изм») и талант — как леса и здание.

У Алексея Парщикова, например, — новые глаза. Парщиков как мим. Изображает вещи, но не понятия.

У Владимира Аристова — новая линза. Аристов маленькое ощущение разворачивает в большое, болен искусством, тонкость и вязкость. Интраверт, ищущий понимания через отчуждение!

На молодого поэта Н. падают тени больших мастеров.

Молодая Щ. В ней борется поэт с поэтессой.

Личная оптика

Любопытно. Я перепечатывал мамину тетрадь, где она по просьбе внука рассказала о своей жизни, и не мог не отметить несоответствие между деталями и судьбоносными событиями времени. Например, смена властей в Бессарабии выпала из ее воспоминаний.

Похожая «оптика», к моему удивлению, и в книге весьма образованной и светской женщины, недавно мною обретенной дальней родственницы — Ирины Борисовны Голицыной. Она помнит фасоны платьев сороковых годов, иногда отмечает события внешнего мира, но ни единым словом не упоминает о войне против Советского Союза, хотя книга называется «Из России в Россию». Ирине Борисовне было двадцать с хвостиком, когда она из Рима приехала в Бухарест — столицу страны, тогда воюющей с Россией. Ирина помнит, как, подвыпив, танцевала на столе, как ела черную икру ложками...

Я совершенно не собираюсь морализировать, я просто отмечаю aberrации женской памяти. То же и в воспоминаниях Анастасии Ивановны Цветаевой. Уйма превосходно воссозданных подробностей и почти никакого желания понять век, в котором жила.

Зинаида Гиппиус как-то сказала, что важнее всего личные детали, остальное, общее известно историкам. Безусловно, в этом своя правда, весьма ценная в литературе. Недаром сказал Иракий Андроников своему редактору: если надо, сокращайте основное, но не трогайте детали!

Наверное, я только отчасти литератор. Моя память — противоположного свойства. Подробности у меня на периферии сознания, я постоянно соотношу себя с историческим временем. Я его наследник и его завещаю потомкам.

Хвала приблизительности

Мы схватываем и узнаем приблизительное целое. Так ребенок учится говорить. Схватывает целое в самом упрощенном виде, потом «разворачивает» и наращивает его. Все наши знания (кроме специальности), целостно-приблизительны, сплошной дилетантизм. Хорошо бы написать рассказ про тетю Катю. Ее похищают инопланетяне,

● СЦЕНОГРАФИЯ

выпытывают у нее все, что она знает о человечестве. Презабавная картина получится. Или игра: предложить в компании — пусть каждый нарисует по памяти карту Европы и разметит ее по странам. Тоже получится презабавно. Я-то легко справлюсь, но в Центральной и Латинской Америке тоже наломаю дров...

Все мы в жизни руководствуемся приблизительными знаниями. Иначе нельзя.

Читая Шестова

«Апофеоз беспочвенности» Льва Шестова теперь не производит впечатления. Много неглубоких, «косых» суждений. Например, 87-й «афоризм»:

«Пока не требует поэта...»... Расскажите обыкновенным языком мысль Пушкина, и получится страничка из невропатологии: все невращающиеся переходят от состояния крайнего возбуждения к совершенной прострации. Поэты — тоже: и гордятся этим».

Писарев на эту тему издевался талантливо! И почему Шестов искажает? Поэты вовсе этим не гордятся. И они не переходят к совершенной прострации. Пушкин говорит ясно: от вдохновения — к обыкновенной жизни. И гений никак не укладывается в схемы невропатологии. И т. д. Куда грубей и лучше сказал Ницше: боль заставляет кур и поэтов кудахтать.

Шестов: «Наполеон слыл знатоком человеческой души. Шекспир — тоже. И их знания не имеют меж собой ничего общего» (95).

Эффектно, но притянута за уши. Наполеон, в отличие от Шекспира, не был знатоком души! Специфические знания человека — у вождя, генерала, врача, менеджера, мошенника и т. п. — несопоставимы со знанием души.

Зато хорошо подмечено Шестовым, что «застенчивые люди обыкновенно воспринимают впечатления задним числом... Они плохие ораторы — но часто замечательные писатели» (88).

Толстой говорит о Вронском, что ему хотелось овладеть Анной «больше всего на свете...». А Шестов подмечает (96), что это выражение дважды употреблено по отношению к Николеньке Иртеневу: его старший брат Володя ловеласничает с горничными девушками, и Николеньке хочется этого «больше всего на свете». И еще раз: горничная говорит Володе: «Отчего Николай Петрович никогда не приходит сюда и не дурачится?». А «Николай Петрович сидит в эту минуту под лестницей и все на свете готов отдать, чтобы быть на месте шалуна Володи». Николенька — alter ego Льва Николаевича...

Пушкин, Лермонтов

Гениальный Лермонтов, пожалуй, ни одну женщину настоящему не любил. Он ждал любви к себе, требовал любви («такой душе ты знала ль цену?»). А Кудимова в этом зря обвиняла Пушкина. Он-то умел любить женщину за то, что она женщина, а не за признаки его гения...

Пушкин: «Пусть остылой жизни чашу // Тянет медленно другой, // Мы ж утратим юность нашу // Вместе с жизнью дорогой!». Жутко. Напророчил и себе, и Лермонтову, и Есенину, и Маяковскому!

● ПИСЬМА ИЗ НИОТКУДА

Миф о том, что Жуковский оценил гений Пушкина. По письмам Василия Андреевича видно, что он всю жизнь считал Пушкина потенциальным гением, прозевав, что тот давно им стал. Жуковский все наставлял Александра, требовал от него высокого служения искусству, прямо, как Сальери — от Моцарта!

П. Вяземский о женитьбе Пушкина: (пишет почти как Геккерн!) «Сохрани, Боже, ему быть счастливым: с счастьем лопнет прекрасная струна его лиры».

Омар Хайям: «Нам жизнь навязана: ее круговорот // Ошеломляет нас, но миг один — и вот // Уже пора уйти, не зная цели жизни, // Приход бессмысленный, бессмысленный уход».

Не знаю, чей перевод. Привел потому, что уж больно близко к пушкинскому «Дар напрасный, дар случайный...»

Совпадения

Случайно наткнулся на стихотворение Якова Хелемского 1968 года. Весьма слабое, но замечательное по контрасту с последующим: «Я входил и в огонь и в воду, // Много видел... // Трубы медные были тоже. // Я прошел и сквозь них когда-то...». И т. д.

Как не вспомнить, что еще раньше, в 1957, году Сельвинский написал: «Я испытал и славу и бесславье. // Я пережил и войны и любовь; // Со мной играли в кости югославы, // Мне песни пел чукотский зверолов. // (...) // Я видел все. Чего еще мне ждать?... // Как высшую хочу я благодать — // Одним глазком взглянуть на Коммунизм».

И вот, наконец, «тему закрывает» Бродский знаменитым стихотворением 1980-го года «Я входил вместо дикого зверя в клетку...»

Известны текстуально совпадающие строки у Г. Иванова и Б. Чичибабина: «И никто нам не поможет, // И не надо помогать». Правда, в контексте смысл разный: у Иванова — потому, что мы того не стоим, у Чичибабина — сами справимся. А есть еще у Володи Соколова: «Мне не может никто и не должен помочь». Это из стихотворения 70-х годов.

Зоя Масленикова: «Мне гении давно не интересны... // Меня влекут к себе одни святые». Вспомнился покойный Юрий Иванович Суворцев: «Я не люблю гениев» (он, разумеется, имел в виду претенциозных и наглых литераторов, но тут есть и эффект бумеранга — он-то был убежденным конформистом...).

В журнале «Новый мир» № 8 вышел цикл моих стихотворений, в котором есть строки «в зеркало заглянуть — / познакомиться». И в том же номере у В. Салимона как эхо: «взглянувши в зеркало, поэт / страшиться собственного облика». А еще рядом печатается роман Ирины Полянской «Как трудно оторваться от зеркал...»

Еще совпадение: мои стихи в журнале начинаются с 105 страницы — точно как в «Новом мире» № 9, 2003 года. Почему-то всегда в любых журналах мои стихи попадают во вторую половину и никогда не анонсируются...

Сила поэзии

Академик В. Арнольд приводит слова Монтеня: «Чтобы вызвать восхищение, необходимо напустить туману в свои писания», который в свою очередь ссылается на Тацита: «Ум человеческий склонен верить непонятному». Эти суждения относятся не только к философии и науке (особенно к лженауке!), но и к поэзии. Что до меня, то я стихами никогда не думал вызвать восхищение — я искал одобрения и понимания. Потому не ценил туман...

В. Соловьев (теперешний): «Поэт и актер — противоположные профессии, несовместимые». Да, если понимать узко (актер играет с помощью режиссера и произносит только чужие тексты). Но поэты частенько актерствуют, играют себя, пестуют свой образ.

Материалисты твердят об относительности добра и зла. Дескать, дождь для урожая хорош, а для свидания плох. Но это побочные следствия нейтральных явлений: дождь ничего не знает об урожае или свидании. Говорить о добре и зле имеет смысл в рамках проявления жизни, отношений между живущими. Разве любовь относительна?

Сила поэзии. Библейские истины, высказывания Христа нам даны в высокой поэтической форме (образно-эмоциональной, гармонично-ритмической). Вот в чем простой секрет их вечного воздействия на людские сердца. А на кого может воздействовать такой «язык»:

«Любовь, на мой взгляд, это ускорение и усиление позитивного закручивания полей тонкого мира под воздействием других позитивных торсионных полей» (Э. Мулдашев «От кого мы произошли?», стр. 424).

Изменить прошлое

В журнале «Сити класс» (январь-март 2008 г.) объявляется, в частности, платный курс лекций некоего Ивана Рыбкина совместно с Эдуардом Падаром на тему «Позитивное программирование прошлого и будущего». Вот ловкачи! Обещают обучить «технике перепросмотра прошлого», спрашивая: «Вы считаете, что нельзя изменить ничего в своем прошлом?»

Но если отвлечься от рекламных трюков, то есть над чем задуматься. Прошлое человека действительно не является чем-то неизменным, застывшим, оно со временем подвержено вольным или невольным изменениям. Даже книга, неизменная книга, и та меняется, когда ее перечитываешь через годы. Я давно собираюсь написать один и тот же эпизод в нескольких вариантах воспоминаний...

Ещё о лесе

Во сне какой-то польский поэт дает мне читать свои стихи в переводе на русский язык. Помню начало:

«Когда любишь, деревья тебя обступают тесней...»

Дальше не помню, но в конце появляются мыши. Я сказал, что это неубедительно...

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

ГРЭЙЛ МАРКУС. УЛЫБКА НА ЛИЦЕ, ЧЕРЕП В КАРМАНЕ

Продолжаем публикацию глав перевода книги Грейла Маркуса «Следы помады: Тайная история XX века» (1989). Для более основательного знакомства с текстом произведения мы рекомендуем обратиться к блогу переводчика Александра Умняшова — gileec.livejournal.com.

Вот

Вот человек, который появляется в этой книге вновь и вновь. Он жесток, непреклонен. Его ремесло — истерия, но он ей не подвержен. Он выше соблазнов, ведь согласно его утопичной риторике, удовлетворение — последнее, что его волнует. Он несказанно обольстителен, хотя путь его вымощен его бедными товарищами, подобно тому, как Гензель разбрасывал хлебные крошки, и нет ему пути назад, кроме как не через заросли извинений, которых он никогда не попросит. Он моралист и рационалист, но выставляет себя социопатом; он остается в свидетельствах не назиданием, но парадоксом. Не важно, насколько яркие остались о нем воспоминания, он обречен на безвестность, которую почитал за признак подлинности. По одной версии это — Джонни Роттен/Джон Лайдон, по другой — Ги Дебор. Сен-Жюст был прообразом, но прототип в моей истории — Рихард Хюльзенбек. Одному богу известно, каким он был психоаналитиком.

«Я до сих пор отчетливо помню, как впервые появился в "Кабаре Вольтер"», — писал он в 57-м. «Хуго сидел за пианино, играл классику: Брамса и Баха. Затем он стал играть что-то танцевальное. Подвыпившие студенты вскочили со стульев и начали кружиться по залу. В кабаре почти не было женщин. Ощущался дикий угар, было жутко накурено... Хуго сочинил стихотворение против войны и убийственного безумия. Эмми читала его, а Хуго аккомпанировал ей на пианино; публика улюлюкала и заглушила стихи».

Хюльзенбек боготворил Балла. Они познакомились в 1912 году в Мюнхене, где Хюльзенбек изучал литературу и искусство, а Балл работал в театре. На следующий год Хюльзенбек присоединился к участию в журнале Балла «Revolution» как его парижский корреспондент (он тогда изучал философию в Сорбонне; а после дада он и вправду стал журналистом в берлинских газетах, путешествовал по всему миру, в Китае брал интервью у Чан Кайши и вернулся туда же на похороны Сун Ятсена). Когда Балл в 1914 году перебрался из Мюнхена в Берлин, Хюльзенбек последовал за ним. В первые месяцы войны они организовали чтения стихов погибших недавно поэтов, причем с обеих сторон; в 1915-м устроили недвусмысленно антивоенный и анти-немецкий «Экспрессионистский вечер», выступив на нем с поэзией нонсенса и «Негритянскими поэмами» в протест против разрушения Европы. Когда Балл впервые оставил дада в июле 16-го, у Хюльзенбека случился нервный срыв, длившийся почти полгода («наказание за дадаистскую заносчивость», говорил он). В Цюрих он приехал только из-за Балла — и из-за своей призывной комиссии. Он приехал или 8, или 11, или 26 февраля — спустя или три, или шесть, или двадцать один день после открытия кабаре.

Несмотря на шум и толпу, он посчитал кабаре унылым. Он хотел бигбита и мог поспособствовать его появлению — теми самыми «Негритянскими поэмами», *Negergedichte*, основанными на фрагментарных позна-

ниях о рэгтайме — по сути, ни на чем не основанными. Каждая поэма заканчивалась ударом по носу: «умба-умба». Стихи он читал со сцены.

Ян Эфрам отвел Хюльзенбека в сторону. Он объяснил, что немецкие студенты-медики только кажутся буржуазными неучами, а сам он, старый моряк, много лет общался с африканскими «неграми». «Здорово», — сказал Хюльзенбек (на самом деле он сказал «Отъебись», за что Балл устроил ему промывку мозгов), — «принесите мне что-нибудь настоящее». Спустя несколько дней Эфрам вернулся с каракулями: «TRABADYA LA MODJERE MAGAMORE MAGAGERE TRABADJA BONO».

Это было то, что Балл испробует в своих прославленных саунд-поэмах, язык дада. Если слова без содержания могут аннулировать всякое содержание, то эфрамские звуки можно считать непроверяемыми афоризмами. Хюльзенбек стоял на сцене и декламировал выдуманные совместно бессмысленные звуки, затем вставлял свои, не забывая, вопреки просьбам остальных, повторять везде свое дурацкое «умба-умба». Публика реагировала по-разному. Он сидел за большим басовым барабаном, колотил в него, выкрикивая новые слова, потом, как Джерри Ли Льюис в «Whole Lotta Shakin' On», шептал их, затем голосил вновь. Читая поэму «Конец света», он крадучись вышагивал по сцене, потом вдруг прыгал будто бы через препятствие, сплевывая бессмысленные звуки, словно они апокриф из утраченного гностического Евангелия Истины: «Брюитистская поэма впервые исполняется Рихардом Хюльзенбеком Дада», любил приговаривать он, «ну, или, если предпочитаете, можно задом наперед». Конечно, это была неправда, но понять никто не мог: «Я тайком поступил в университет и начал изучать медицину, — рассказывал он в 1971 году

на лекции в лондонском Институте современного искусства, — но я не мог никому об этом рассказать, потому что все бы подумали, что я ужасный лгун и буржуй: ага, утром на учебу, а вечером — «умба-умба». Но в Цюрихе в 16-м году никто из дадаистов и никто из публики не мог отличить «умба-умба» от «Hold On, I'm Coming» — поэтому дадаисты ловили ритм в рукоплесканиях публики, в том, как она устремляется на сцену, стаскивает оттуда Хюльзенбека за ноги — и неважно, на каком он говорил языке и говорил ли он вообще что-то. «Всякое искусство начинается с критики, — рассуждал он, — с самокритики, а сам ты реагируешь на окружающее общество. Наша критика началась, как и любая другая, с сомнения... Сомнение стало нашей жизнью. Сомнение и произвол. Наше сомнение было настолько глубоким, что мы задались вопросом: какой язык его выразит?»

На сцене он давал сдачи. Разгорались драки — подстрекаемые им самим. «Вы можете прерывать меня, когда вам будет угодно, — говорил он в Лондоне, будучи семидесятидевятилетним — я бы хотел, чтобы вы были поживее. Сейчас я вступаю в последнюю треть моей жизни и уже не такой живчик, как в 16-м году в Цюрихе на Шпигельгассе. Тогда я был очень шустрый — я мог прыгать по столам и стульям, бить людей и, конечно, быть избиваемым, но тот запал еще не прошел до конца... Балл в своей книге «Бегство из времени» охарактеризовал меня как молодого, агрессивного, неприятного типа, который всегда нападал на публику, плевал в нее и постоянно талдычил «умба-умба». Нет, так не может больше продолжаться, рано или поздно надо что-то сделать, если он не прекратит. Так вот, продолжаем...»

«Ужасный хаос, — говорил Хюльзенбек тем вечером в Лондоне, — смысл хаоса, вот о чем я хочу сегодня поговорить». Но ему не дали затронуть эту тему.

Разрушение

«Разрушение вплоть до глубин процесса творения», писал Балл. «Крайне важно напридумывать побольше непровержимых афоризмов». 15 июня 1916 года:

Пришел Хюльзенбек, чтобы перепечатать на машинке свои стихи. Почти после каждого напечатанного слова он поворачивается и говорит: «Или это ты придумал?». Я в шутку предлагаю, чтобы каждый из нас составил алфавитный указатель своих перлов и частей предложений, чтобы производство протекало без помех; теперь и я, отвергая чужие слова и ассоциации, сижу на подоконнике, рисую каракули и наблюдаю за столяром, который внизу во дворе сколачивает гробы. Если быть точным, то две трети прекрасных звучных слов, которым не в состоянии противостоять человеческая душа, взяты из древних заклинаний. Использование «сокращений», летящих, наполненных магией слов и звуковых фигур, типично для нашего сочинительства. Такие словарные образы, если они особенно удалась, неотразимо, с гипнотизирующей силой въедаются в память и так же произвольно и легко вспоминаются. Часто случается, что на людей, пришедших на наши вечера неподготовленными, одно-единственное слово или член предложения производит такое сильное впечатление, что они неделями не могут от них избавиться. Такая напасть случается прежде всего с людьми медлительными или апатичными, обладающими низкой сопротивляемостью (цит. по Балль Г. [Цюрихский дневник] / Дадаизм в

Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кёльне: тексты, иллюстрации, документы. / Пер. с нем. С. К. Дмитриева. — М.: Республика, 2002. С. 101).

Определение найдено: безрассудное богохульство, оскорбительный жест, затаенное проклятие, танец, забытый цивилизацией, но, чтобы его вспомнить, достаточно десять секунд. Те части, которые Лефевр обещал раздробить на мелкие кусочки, были найдены. Импульс подействовал, задачей было его развить. «Весьма кстати оказались особые обстоятельства этой эпохи, — говорил Балл, — не позволяющие дарованию ни бездействовать, ни вызреть и заставляющие его таким образом обращаться к пересмотру средств выражения. Затем сказался выразительный порыв нашего кружка, в котором каждый пытался превзойти другого жестокостью требований и акцентов» (цит. по: указ.соч. С. 102).

Балл видел «Кабаре Вольтер» как обобщение тех страстей и образов, что свободно веяли более двух тысяч лет и каким-то образом материализовались на кривой улочке в Цюрихе по пути из оливковых рощ, где греки разыгрывали свои первые мистерии. В то же самое время он осознал, что маски будут абсолютно современны: фрагменты, не полностью прикрывающие лица. С помощью клея, ниток и картона Янко наклеил носы, глаза, рты, подбородки, щеки и лбы своих друзей, исказил их, извратил так, будто бы неудачно оказал медицинскую помощь.

Арпу эти маски показались одновременно «эмбрионами и вскрытием трупов». Они решительно вывели военных уклонистов на передовую. Тогда в Германии ходили слухи, что солдаты на фронте подвергались такому ужасному воздействию новых видов оружия, так чудовищно были обезображены, что их помещали в закрытые госпитали на всю оставшуюся жизнь; после войны их фотографии провозились в доказательство контрабандой. Они такие отвратительные, что кажутся ненастоящими, фотоколлажами — типа послевоенных коллажей берлинской дадаистки Ханни Хёх, например, ее Fröhliche Dame («Счастливая дама»), которая кажется улыбающейся жертвой смертельного ожога. Но кубизм был прямым расчленением: если война являлась ярчайшей формой современного искусства, то кто скажет, что у лица, развороченного бомбой, нет особенных свойств? Балл:

Мы все были в сборе, когда Янко принес маски, и мы сразу же их на себя нацепили. И тут произошло неожиданное. Маски не только требовали костюма, они диктовали абсолютно определенную патетическую граничащую с безумием пластику. Еще пять минут назад

мы сидели, ни о чем не подозревая, а теперь, задрапировав себя и навесив на себя немислимые предметы, выполняли невообразимые па, стараясь перещеголять друг друга. Моторная энергия масок с поразительной неотразимостью проникала в нас (цит.по: указ.соч. С. 100).

Слишком круто для вечера русских народных песен.

Маски

Маски (одна, другая) повлекли за собой медленные танцы, которые были тут же разучены и названы «Торжественным отчаянием», «Кошмаром», «Ловлей мух». В любом случае маски только подтвердили существование языка, на котором никто не умел разговаривать, но который содержал лишь те слова, что способны выразить ту единственную истину, которой стоит обладать. Trabadja-la-modjere превратилось в философский камень. Дадаисты перенесли обратно во времени, провалились сквозь сцену: «современные художники — напишет Балл в 17-м году — это гностики и они занимаются тем, о чем священники давно позабыли; вероятно, они даже грешат тем образом, каким уже считается невозможным грешить». Эти грехи восходят к древним ересям, к вере в то, что некоторые формы познания, гнозиса, доступны избранным, и они способны приблизить к божественному настолько, что ищущий может изгнать бога, будто бы его никогда не было. В эпоху раннего христианства, несмотря на то, что церковь изгнала гностиков, их ритуалы продолжали исполняться. Несмотря на то, что евангелия их сжигались, а приверженность к ним каралась смертью, многим адептам, по мнению историка Беньямина Уолкера, продолжали оставаться известными

предполагаемые сокровенные свойства звука и скрытая сила священных имен, алхимические формулы и магические заклинания... Самыми важными почитались звуки, в которых было наименьшее количество слогов... Существовали практики пения таких звуков [гласных звуков греческого алфавита] на одном дыхании... гласные комбинировались с некоторыми согласными, особенно с теми, что производят жужжащий и гудящий звуки: Zeeza, Zezo, Zoza, Ozzi, Omazu, Nozama, Atenaz, Arazaz... Эти звуки продолжали использоваться в неизменной форме, даже несмотря на то, что их смысл — если он, вообще, когда-то существовал — мог быть забыт.

Дадаисты осознали: то, что позабыто, можно вспомнить, пусть даже случайно. Они поняли, что повседневный, всем известный язык содержит в себе лишь те истины, о которых они не хотят ничего знать. Они не знали, чего им хочется услышать, поэтому они издавали звуки, которые называли «средневековым бриуитизмом», «звукоподражательными эффектами», симультанными поэмами, когда все произносится одновременно, но остается произнесенным. Это могли быть причитания, басовый барабан, глассандо, доисторические созвучия, крики от боли и радости. Если дадаисты не изгнали бога, они изгнали самих себя. Хьюльзенбек:

Проблема души есть проблема вулканическая. Каждое движение естественным образом вызывает шум. В то время как числа и мелодии — символы, отвечающие абстракциям, шум есть непосредственный призыв к действию. Музыка любого сорта — гармонична,

• ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОЙ

артистична, продукт ума — а искусство брют есть сама жизнь. Брютизм нельзя понимать как вещь в себе, как какую-нибудь книгу — брютизм это скорее часть нашей личности, часть, которая нападает на целое — на нас, преследует нас, разрывает нас на части. Брют — способ смотреть на жизнь, который призывает нас к принятию абсолютных решений. Существуют лишь настоящие брютисты и все остальные... Та идея, которая привела Америку к рэгтаймам, привела современную Европу к конвульсиям брютизма. (пер. М. Вербицкого, цит. по материалам его лекции о Берлин-дада на семинаре Нового Университета, 26 марта 1999)

В этом месте Хюльзенбек, который рассказывал это на лекции, проводимой в рамках конвенции психиатров в Вольном Городе Данциге (ныне — Гданьск) в 1920 году и где он обосновался в 1922-м, вышел из-за кафедры, сделал несколько па в стиле Eagle Rock, надел бумажный пакет себе на голову, нацарапал вслепую на нем глаза, тут же сделал прорезы, достал из кармана пиджака пистолет и выпустил обойму холостых патронов в аудиторию. Несколько человек, которые видели этот номер ранее, стали аплодировать.

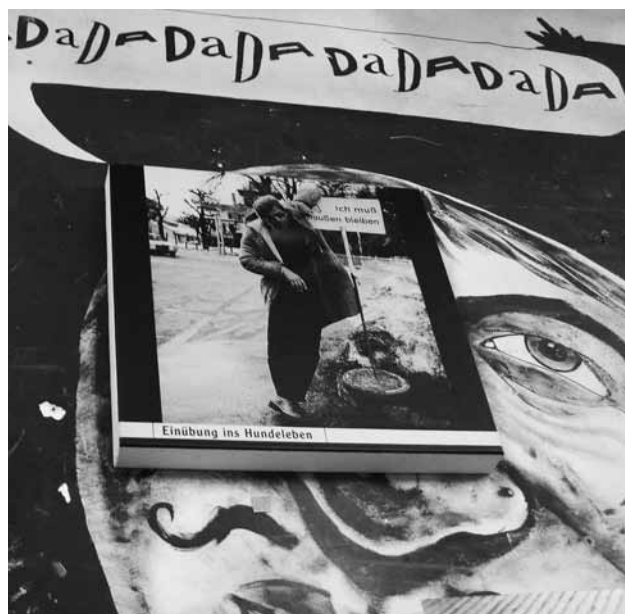
— Ха. Спасибо. Как видите — вот брютизм. Брютизм это нечто сродни возвращению к природе. Это музыка круговорота атомов... —

(в этот момент один из восхвалителей Хюльзенбека встал со стула, направил на него пистолет с холостыми и выстрелил, а Хюльзенбек, державший во рту капсулу с эрзац-кровью, раскусил ее и кровь потекла по подбородку и манишке. Он схватился за кафедру и продолжил вещать, склонившись пополам и отвернувшись от аудитории)

— ...смерть перестает быть побегом души от земной печали и становится рвотой, воплем, удушьем. Дадаисты из «Кабаре Вольтер» усвоили брютизм, не подозревая о его сути — на самом деле, они стремились к обратному: к душевному покою, к бесконечной колыбельной, к искусству, к абстрактному искусству. Они искали клапан сохранения нравственности — «испытывая отвращение к мясорубке Первой Мировой, мы посвятили себя Изящным Искусствам», «Наш вариант Кандида, направленный против существующей действительности», наш вариант четырехслойного одеяла — но дада вырос в создание, которое стало выше на голову всех прочих. Понимаете? Мы же психоаналитики, мы немцы, мы читали Ницше, мы знаем, что если долго и пристально смотреть в глаза чудовищ, есть риск стать одним из них — за это нам и платят!

Всё это

Все это случилось в кабаре 23 июня 1916 года (а, может быть, это случилось 14 июля) — в арендованном зале Балл оделся в странный костюм чародея, выдуманный Янко и смастеренный из картона его братом («было очень весело мастерить его, — говорил Жюль Янко в 1984 году — но с еще большим весельем его потом изничтожили!»). На голове Балла был надет бело-голубой полосатый колпак высотой 2 фута; туловище обернуто голубым обелиском. Вместо рук выглядывали клешни. На талии по бокам были прикреплены крылья — золотые сверху, красные на внутренней стороне. Произнося одновременно со-

звучия двух разных стихотворений, расположенных на пюпитрах по обеим сторонам от него, он взмахивал этими крыльями как птица.

Это было мгновение паники: Балл вдруг осознал, что он не понимает, что с ним происходит в этом одеянии, что он не различает публику, не понимает значений этих бессмысленных слов ("blago bung / blago bung / bosso fataka"). К своему ужасу, он понимал, что переходит на бас, словно тот священник, которого он вместе с папой и мамой видел на мессе двадцать лет назад. Но будто бы не было этих двадцати лет. Это было мгновение высокомерия и страха, которое вынесло Балла вон из дада, открыло ему вновь дорогу в церковь и, в конечном счете, открыло ему дорогу на телевидение.

Во время

Во время своей данцигской лекции (ни лекции, ни того, что на ней якобы произошло, на самом деле не имело места — [последний] абзац, набранный курсивом — это цитата из памфлета En avant dada) Хюльзенбек, благодаря продырявленным прорезам еще в «Кабаре Вольтер», смог это все увидеть — даже больше, чем ему хотелось бы. Шло время и ему виделось это вновь и вновь. «Дадаист — это реалист, любящий вино, женщин и развлечения», говорил он в 1920-м; вскоре развлечением стал дада, дада был повсюду, куда ни глянь, дада шел по следу, удирать пришлось всю оставшуюся жизнь. Великая цель обрушения границ между искусством и жизнью была достигнута и ничего больше не осталось, кроме как размышлять о странном способе достижения этой цели, который не принес в повседневную жизнь преобразующую силу искусства, но лишь ослабил это искусство, не предложив ничего взамен; размышлять или болтать о легенде, о гонорарах, о славных денечках в Цюрихе, я там был — или вспоминать о том, что до того, как там появился дада, там уже была реклама шампуня Дада.

В 1980 году Боб Акраман организовал туристический аттракцион-пансионат, где можно было ощутить себя пленником Белзена, и в СМИ эта история мусолилась. Слово дада уже было во всех энциклопедиях, художники по всему свету восторгались им, выходили ежеквартальные выпуски, проводились конференции, собирались архивы, организовывались встречи. Но существуй дада до сих пор, в нынешних условиях

• ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОЙ

он бы затерялся в ежедневных газетах, в анекдотах, которые бы заняли место серьезного разговора на первых страницах, или даже просто не появлялся бы в газетах — Боб Акраман, а не Энди Уорхол, был настоящим нео-дадаистом, даже если и в этом случае дада оказывался ответом на собственную реплику, оказывался вчерашней новостью. Да что уж там — уже в 1921 году базельские «Новости» приглашали читателей на экскурсию по полям сражений в Вердене, обещая «квинтэссенцию кошмара современной войны», настоящую жизнь как современное искусство, «незабываемые впечатления» от разрушенных деревень, от «огромных кладбищ, где захоронены сотни тысяч погибших» и все делали это, делали это, делали это — первого первым и обслуживают:

Верденское поле битвы — не только для французов памятное место грандиозной битвы между Францией и Германией... И если общие военные потери Франции составляют 1,400,000 убитых, то почти треть из них полегла на всего лишь нескольких километрах того сражения. Немцев полегло в два раза больше. На этом маленьком клочке земли, где пролилась кровь более миллиона — почти полутора миллионов — человек, не осталось и сантиметра, который бы не был поврежден гранатами. Позже туристы смогут посетить поля сражений у Аргоннского леса, у реки Соммы, прогуляться по руинам Реймса, на обратном пути заглянуть в Сен-Миель — все это составные части — умба-умба — беспрецедентной панорамы верденского кошмара и ужаса... вино, кофе и чаевые включены в стоимость путевки.

Выдающийся венский критик Карл Краус был потрясен. «Я держу в руках документ, выходящий за всякие рамки и запечатлевающий весь позор нашей эпохи, ярко демонстрирующий, что для такого бессмысленного явления, как человечество, место славы — это громадная яма с трупами», писал он. «После ужасающего крушения такой фикции, как культура... [эпоха] ничего не оставила, кроме обнаженной правды о своем состоянии, которое достигло той точки, когда даже лгать уже нет никакой возможности». Первое предложение Крауса — это чистейший Хюльзенбек, второе напоминает размышления Балла, но Краус не был дадаистом, он просто говорил то, что думал. Спустя шестьдесят пять лет Sex Pistols ответили ему записью “Holidays in the Sun” (Бомбежка! Бункер Гитлера! Берлинская стена! Вино, кофе и чаевые не включены!) — но зачем смешивать заметку из базельских «Новостей», Карла Крауса, экскурсионные расценки на вагоны для перевозки скота в Освенциме, Sex Pistols, Боба Акрамана? Это история, против которой восстали дадаисты и которую они претворили в жизнь на сцене кабаре; пойти войной на эпоху и ее язык, когда уже не осталось никакой возможности лгать, пусть даже это означает невозможность говорить — такой была их цель. Доходя до края, они впадали в экстаз, трепеща от того, что оказались правы. Но затем их место оказалось в яме — так дада посмеялся над ними. Быть дадаистом значит быть реалистом, любить вино, женщин и развлечения. Хранить улыбку на лице, песню в сердце, череп в кармане.

В январе (начало)

В январе 1917 года Хюльзенбек в качестве дада-курьера прибыл в Берлин. Там он присоединился к группе товарищей, у которых были почти те же намерения, что и у него. Это были Рауль Хаусманн, Вальтер Меринг, Франц Юнг, Георг Гросс, Йоханнес Баадер, Ханна Хёх, Джон Хартфильд, Виланд Херцфельде. После цюрихского «курорта» — ра-

довался Хюльзенбек — Берлин явился настоящей жизнью: «Страх сидел у людей в костях». Все органы власти были распущены, что означало: все дозволено, любого могут застрелить прямо на улице.

Разрушение манило. «В 1917 году немцы начали основательно задумываться о душе, — писал Хюльзенбек о последних днях войны — [это была] естественная защитная реакция доведенного до крайности, истощенного и затравленного общества...Проявился феномен немецкой истории, заключающийся в том, что Германия становится страной поэтов и мыслителей, когда убеждается, что страна судей и палачей потерпела крах». Появились Омфалоскептики-химмелисты: экспрессионисты, которые «мягко дернули людей за рукав и повели их в полумрак готического собора, где шум улицы воспринимался лишь как отдаленный рокот и где, согласно известной поговорке «ночью все кошки серы», все люди должны быть добрыми» (цит. по: Рихард Хюльзенбек. *En Avant Dada*. // В. Седелник. Дадаизм и дадаисты. М.: ИМЛИ РАН, 2010, с. 476-477.). Экспрессионизму удался магический фокус по возвышению Германии ввысь и одновременно проникновению внутрь ее, так что берлинский клуб дада противопоставил на это свой фокус: слово.

Это все, что у них было: «дада», тысячи раз тысячами различными способами повторяемый мене, мене, текел, упарсин, ставший элементом тустепа (они придумали танец «дадатротт» и напечатали демонстрационные фотографии с разъяснениями техники). Они козыряли словом как великой тайной, помещали его на уголках картин, на которых люди превращались в чудовища и машины; они писали его на стенах. Они запускали это слово как ракету в свои нарезки и коллажи, печатали на афишах и на рекламных щитах, прикрепляемых спереди и сзади к несущему человеку; прикалывали к одежде. Они выкрикивали его на улицах и на сцене, они объявили его очевидным фактом. Слово стало модификатором и никакое другое слово не могло больше иметь прежнее значение, если к нему прикреплялось «дада». Толпы приходили посмотреть, как нечто ничего не значащее в одно мгновение обретало смысл: «Теперь — говорил Хюльзенбек — публика вдруг оказалась в противостоянии с людьми, которые намеренно прерывали коммуникацию, причинную цепь между платой и предлагаемым товаром, между ожиданием и осуществлением». Хаусманн декламировал звуковые стихи, Хюльзенбек продолжал цюрихские опыты со стихами буквенными; диктатура фонем была низвергнута. Менялись и преобразовывались даже имена: «гроссфильд», «хартхаус», «георгманн».

Дадаисты возвели невидимую империю и получили свои звания: «Маршаллдада» (Гросс, который культивировал свое сходство с прусскими реакционерами), «Монтаждада» (Хартфильд, занимавшийся фотомонтажом), «Прогресс-дада» (коммунист Херцефельде), «Дада-соф» («философ» Хаусманн — это слово было призвано маскировать его неандертальское выражение лица), «Обердада» (полагавший, что управляет миром Баадер), «Магистрдада» (Хюльзенбек).

Дада стал игрой; порожденный отвращением — таким сильным, что иногда даже неразличимым, дада стал шуткой. Избавившись от остатков эстетики, философии, этики, дада стал тем, чем, вероятно, и хотел быть — лишь голосом, звуком. Голос бился о стену почтения и благопристойности, ища своих границ и не находя их. Когда Хюльзенбек говорил на языке дада, возносясь далеко ввысь и глубоко внутрь с такой скоростью, что даже он сам не понимал, о чем идет речь, он провозглашал: «мы были за войну, дадаизм и сегодня за войну. Необходимая степень жестокости еще не скоро будет достигнута» — а ведь среди аудитории находились изувеченные ветераны войны. Но на сцене рядом с ним больше не было эстетов вроде Арпа, карьеристов вроде Тцара, католиков вроде Балла, — чтобы прервать шоу и спросить, что это все значит — все было направлено на разжигание злобы. Самым захватывающим были открытые рты — Хаусманна или Хартфильда — оскал, сквозь который изрыгались гигантские микробы: «Мы вас выживем отсюда».

Подобно инопланетной слизи в фильме 1954 года *The Crippling Unknown* — предшественнику *Five Millions Years to Earth* в серии фильмов про доктора Квотермасса, дада в Берлине сначала проявился как пятно, но затем распространился настолько, что поглотил весь город — стал целой невидимой империей. Когда в 1918 году настало время для Хюльзенбека и Хаусманна спросить «Что такое дадаизм и чего он хочет в Германии», ответ оказался само собой разумеющимся:

Дадаизм требует... введения прогрессивной безработицы путем полной механизации всех видов деятельности. Только безработица предоставляет человеку возможность самому познать правду жизни и научиться переживать. Центральный совет выступает... за признание всеми священниками и учителями дадаистских догматов... За немедленное создание Государственного дома искусств и

отмену понятия «собственность» в новом искусстве (экспрессионизм); понятие «собственность» полностью исключается из обихода в надындивидуальном дадаистском движении, призванном сделать всех людей свободными... За введение симультанного стихотворения в качестве государственной коммунистической молитвы... За создание в городах с населением более 50,000 человек дадаистского совета по реорганизации жизни... За немедленное проведение крупномасштабной дадаистской пропаганды силами 150 цирков-шапито для просвещения пролетариата... За введение контроля Центрального дадаистского совета мировой революции над соблюдением всех законов и предписаний... За немедленное урегулирование всех сексуальных отношений в духе интернационального дадаизма путем создания сексуального дадаистского центра. (цит.по: Рауль Хаусманн, Рихард Гюльзенбек, Ефим Голышев. Что такое дадаизм и чего он хочет в Германии / Дадаизм в Цюрихе, Берлине, Ганновере и Кёльне: Тексты, иллюстрации, документы / Отв.ред. К. Шуман. Пер.с нем. С. К. Дмитриева. — М.: Республика, 2002. С. 213-214.)

Звучит очень знакомо, потому что спустя два десятилетия вся Германия будет жить по этим правилам. Хаусманн всегда воспринимал это как шутку — так он утверждал уже после того как нацизм пал — правда, насчет Хюльзенбека он никогда не был уверен. «Смысл этой программы — писал Хюльзенбек в 1920 году — в том, что дада являлся не более чем выражением своего времени, вобравшем в себя все познание, замедлившийся ритм, скептицизм, усталость, отчаяние во всяком смысле или в «истине». Но это было еще не все, признавался Хюльзенбек на старости лет своему другу Гансу Й. Кляйншмидту: он хотел изменить общество. «В какой-то момент я понял, что ради этого готов даже принять помощь дьявола», вспоминал он, но дьявол был занят. Все, что осталось от Хюльзенбека, это легенда о свободе, которую он пронес через всю свою жизнь. «НЕТ! НЕТ! НЕТ! — говорил он во время затишья в Берлине — высочайшим искусством становится то, которое в содержаниях сознания представляет тысячекратные проблемы времени, по которому видно, что оно отброшено взрывами на прошлой неделе, которое вновь и вновь собирает свои члены под ударом прошедшего дня» (цит.по: Дадаистский манифест. Пер. с нем. М. Шульмана. / Альманах дада — М.: Гилея, 2000. С. 28). Дада был таким искусством, он был также взрывом — взрывом, вызванным ударом прошедшего дня. У дада не было границ.

Но пока об этом еще не было речи. В январе 1917-го Хюльзенбек пересек границу Швейцарии в сторону Германии с гораздо большей легкостью, чем его сосед Ленин спустя четыре месяца. Все-таки Хюльзенбек ехал не в plombированном вагоне. Полиция была не так глупа: Хюльзенбек направлялся отнюдь не на Финляндский вокзал. Он ехал делать революцию, не в смысле захвата власти, а в смысле невидимой империи. Когда он впервые выступил публично в Германии на тему дада — с лекцией и платным входом — он просто рассказывал об обнаружении философского камня: это был, говорил он о «Кабаре Вольтер», «шашаш», колдовство. «Я изображал запевалу, существо почти мифическое, — говорил он — так душеспитательно». Можно себе представить: Балл с его «эстетическим произведением» перед лицом всего того, что в те дни являло собой тотальную войну. Ночной клуб против парка с аттракционами.

**Перевёл Александр УМНЯШОВ.
Продолжение в следующем номере**

ХЭДИ ВЕСТ: «ПЯТЬ СОТЕН МИЛЬ»

Хэди, а точнее Хэдвиг Грэйс Вест родилась в горах Северной Джорджии в 1938 году. Её отец, Дон Вест, был деятелем шахтёрских профсоюзов в Аппалачах. Время было бурным: в детстве Хэди вместе с отцом попала даже в автоматную перестрелку. Политическая деятельность отца оказала влияние и на жизнь дочери, протестовавшей в шестидесятые против войны во Вьетнаме.

В четыре года Хэди стала брать уроки игры на пианино. Школьницей она пела на фолк-фестивалях Западной Виргинии и в соседних штатах, аккомпанируя себе на гитаре или банджо; первую свою награду она выиграла в 12 лет. В 1959 году Хэди перебралась в Нью-Йорк, чтобы профессионально учиться музыке и драматургии в Колумбийском университете. Там её заметил легендарный фолк-певец Пит Сигер и предложил вместе выступить в Карнеги-холл; вскоре последовал профессиональный контракт с Вангуорд Рекордс, где Хэди довольно активно записывалась в течение всех шестидесятых годов на волне возрождения фолк-музыки.

Непоседливая Хэди постоянно ездила с концертами и часто меняла место жительства, перебравшись сначала в Лос-Анжелес, а потом поселившись на семь лет в Лондоне. Так же часто менялись и мужчины; примечательно, что в начале шестидесятых Хэди была помолвлена с известным писателем-фантастом Роджером Желязны. Первый брак с диктором Би-Би-Си Питом Майерсом также был скоротечен.

Начало семидесятых Хэди прожила в Германии, потом снова вернулась в США, где провела остаток жизни. Там она по крупицам восстанавливала полузабытые народные песни. Точно так же, из обрывков песен, которые в детстве пела ей бабушка, в 1961 году ей была составлена единственная композиция, ставшая действительно знаменитой — «Пять тысяч миль». Но отыскать запись этой песни в авторском исполнении — непростая задача; популярной на Родине её сделали кавер-версии таких исполнителей, как «Peter, Paul and Mary» и «Peter and Gordon». В нашей стране песня получила известность из-за того, что в советское время каким-то чудом попала в программу некоторых английских спецшкол и вузов — вероятно, из-за своей простоты и правильной политической биографии певицы.

В США Хэди ещё долго занималась преподавательской и научной деятельностью на ниве музыки и американского фольклора. Однако голос Хэди был совершенно разрушен раковой опухолью. Последний раз она спела на фолк-фестивале Эйстедфорд в Университете Бруклина в 2005 году. Умерла она в июле того же года.

If you miss the train I'm on
You will know that I have gone
You will hear the whistle blow a hundred miles
A hundred miles, a hundred miles,
a hundred miles, a hundred miles
You can hear the whistle blow a hundred miles

Lord, I'm one, Lord, I'm two,
Lord, I'm three, Lord, I'm four,
Lord, I'm five hundred miles from my home
Five hundred miles, five hundred miles,
five hundred miles, five hundred miles
Lord, I'm five hundred miles from my home

Not a shirt on my back, not a penny to my name
Lord, I can't go back home this a way
This away, this away, this away, this away
Lord I can't go back home this away

Ты поймёшь: меня здесь нет, лишь соскучившись по мне,
Я проеду по стране пять сотен миль.
Пять сотен миль, пять сотен миль,
Пять сотен миль, пять сотен миль,
Я проеду по стране пять сотен миль.

Так одна за другой мили тянутся за мной,
Вот уже пять сотен миль за спиной,
Пять сотен миль, пять сотен миль,
Пять сотен миль, пять сотен миль,
Я проеду по стране пять сотен миль.

Долог путь, карман мой пуст, жизнь и память — весь мой груз,
Пусть Господь ведёт меня, я не вернусь.
Я не вернусь, я не вернусь, я не вернусь, я не вернусь,
Пусть Господь ведёт меня, я не вернусь.

Комментарий и перевод
Алексея КАРАКОВСКОГО

ВЕЕ GEES: РАННИЕ ГОДЫ

Глава первая. Вундеркинды-реэмигранты возводят огу-
речный замок

История популярной музыки знает немало случаев, когда под одним и тем же названием (а порой даже без кардинальной смены состава) мы де-факто знаем несколько разных коллективов. Самый яркий пример — Pink Floyd. Даже не особенно искушенный меломан знает, чем отличается группа Сида Барретта от группы Роджера Уотерса, а потом и вовсе — Дэвида Гилмора. Менее известны, но гораздо более впечатляют факт существования The Doors без Джима Моррисона и Velvet Underground без Лу Рида (кажется невероятным, но было и такое: выпускали пластинки, давали концерты). Доля определенного лукавства в этом есть — для того, чтобы подтвердить собственную честность и прямоту, музыкантам неплохо было бы хоть немного изменять название группы, когда ее творческая и/или идеологическая концепция кардинально меняется (а тем более, если умирает или уходит ключевой для ансамбля участник вроде Барретта, Моррисона и Рида). Так, кстати, в свое время поступил Марк Болан. Упомянутый выше гипотетический не особо искушенный меломан прекрасно отличает акустический дуэт Tuganosaurus Rex, исполнивший песни про эльфов и магов и в котором наркотически-перкуSSIONный гений Стив Перегрин Тук был равноправным партнером Марка, от электрического состава T.Rex, чьи творения посвящались «кадиллакам», шикарным девушкам, любимому и танцуемому каждый день буги-вуги, иногда — детям революции, которых, как известно, не одурачишь. Да и состав T.Rex очень часто менялся, все музыканты были прекрасные, однако не слишком заметные на фоне Марка Блестящего, чей эгоцентризм (в той или иной степени свойственный каждому творческому человеку, хотим мы этого или нет) с годами всё раздувался и раздувался, и неизвестно до какого уровня раздулся бы, если бы супруга Доктора Буги была чуть внимательнее за рулем.

Но, повторимся, несмотря на эгоцентризм, МБ поступил честно и прямодушно, немного изменив название группы одновременно со сменой концепции. Если бы да кабы... Честность и прямоту — это, конечно же, хорошо, но музыкантам тоже иногда хочется есть (да и выпить, и много чего еще), а аппетит, как нам хорошо известно, приходит во время еды. Если у менестрелей есть немного смекалки, они соображают, что на прибыль от продажи очередной пластинки The Doors можно съесть немного больше, чем первой пластинки группы с другим названием, в которой играют Манзарек, Кригер и Денсмор. Большого греха в этом нет — чаще всего в подобных случаях музыканты быстро соображают, что подобные уловки большой прибыли не приносят, успокаиваются и довольствуются процентами от прибыли, полученной на пике славы. Есть, впрочем, и клинические случаи. Увы, мы живем в стране, где эти клинические случаи нашли благодатную почву. В Россию приезжали и Slade без Холдера, и Animals без Бердона, и, кстати, какая-то странная группа под названием T-Rex (кто ж обращает внимание на дефис вместо точки?), в составе которой из людей, действительно игравших с Марком, был только перкуSSIONист Микки Финн (да и тот несколько лет назад умер), а вокалиста представляли как сына Болана (признак того, что этот коллектив — явная афера, единственный сын Марка, в отличие от помянутого вокалиста — мулат). Грустно русскому писателю (коим ваш покорный слуга потихоньку учится быть) от этого, но ничего не поделаешь — прав был наше всё, Александр Сергеевич милый, большинство наших сограждан ленивы и нелюбопытны. Нелюбопытны не только по отношению к собственной

истории и культуре, но и к любимой музыке — зритель, приходящий на концерты подобных «коллективов», зачастую не в курсе, что за люди стоят на сцене и жив ли вообще лидер группы.

Может быть, я зря ворчу? Ведь для многих — такое счастье, выпив пива (водки, зеленого чая, колы, сбитня, боржоми, коньяка — нужно подчеркнуть) подпеть «The House of Rising Sun» («Far Far Away»), «Smoke on The Water», «Get It On» — нужно подчеркнуть), будучи в уверенности, что на сцене действительно те самые Animals (Slade, Pink Floyd, The Doors, ABBA — нужно подчеркнуть). Может и зря. Но я (ужас!) люблю умных и образованных людей, и хочу, чтобы вокруг их было больше. Поэтому и пишу для «Контрабанды» — журнала, который берет на себя кажущуюся безнадежной и бесперспективной (и уж точно — бесприбыльной) задачу просвещения современников. Ведь что такое контрабанда? В эпоху Дарьи Донцовой, Александра Шилова, Стаса Михайлова, патристического кинотреша от Никиты Сергеича — всё подлинное, настоящее в искусстве является контрабандой. Всех окружающих мы с товарищами-контрабандистами, конечно же, не просветим (всем этого и не надо), но привить подрастающему поколению (у всех же есть дети, внуки, крестники, племянники, младшие братья и сестры) хороший вкус постараемся.

Всё это, быть может, чрезмерно растянутое, предисловие было написано потому, что наши герои — типичный пример просуществовавшего почти полвека музыкального коллектива, официально носившего все эти годы одно и то же название, под которым выступали в разные периоды две (если не три, а то и четыре) кардинально различные по творческой концепции группы. Причем ключевые фигуры всегда были одни и те же — благо им довелось быть тремя братьями. Но когда один из них умер — группа прекратила свое существование. То есть оставшиеся в живых поступили вполне честно и прямодушно, отказавшись от названия, принесшего им успех (да и гигантские прибыли, сравнимые разве что с битловскими). Период существования второй (или третьей) из этих широко известен даже пресловутому не особо искусному меломану. А о том, как всё начиналось, наши современники-соотечественники знают гораздо хуже, несмотря на то, что вашему покорному слуге он представляется гораздо более важным.

Любовь — штука субъективная, как ни крути. Подозреваю, монна Беатриче ничем особым не выделялась на фоне флорентийских горожанок конца XIII века, но на беду, увидел ее как-то мальчик-субъективист по фамилии Алигьери и в результате знаем о ней, что знаем. Написал такое про нее, за что веке в XVI его непременно сожгли бы на костре. Но времена тогда были вполне еще вегетарианские... И вот точно так же я очень люблю 1960-е. Во всех смыслах. Последняя эпоха, когда такое огромное количество людей по обе стороны Железного Занавеса верило, что даже один из них, если имеет цель, в которую верит, может изменить мир к лучшему. We shall overcome! И меняли — пускай зачастую дорогой ценой, вспомним Мартина Лютера Кинга. Во всех смыслах люблю. Но в музыкальном смысле особенно, считаю десять лет между выходом первой пластинки Боба Дилана и уходом Роя Вуда из Electric Light Orchestra величайшим периодом в истории мировой популярной музыки.

Массовому слушателю Vee Gees хорошо известны, однако их имя окружено огромным количеством мифов, которые я и попытаюсь развеять. Первый миф о том, что Vee Gees — три брата: старший Барри и младшие, двойняшки Робин и Морис, по фамилии ДЖИббы. Это может и не самая грубая (всё-таки наиболее самый распространенный вариант чтения английской фамилии Gibb именно такой), но всё же ошибка. Правила хорошего тона требуют называть человека, так как он сам себя

● ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

называет и/или хочет, чтобы его называли. Достаточно послушать любую концертную запись братьев или посмотреть любое видео, где их представляют публике, чтобы убедиться — фамилия наших героев ГИББ.

Второй миф о том, что Bee Gees — якобы диско-группа. Из-за этого многие поклонники, скажем, прогрессива или хард-н-хэви от них презрительно отмахиваются — «А, полса голимая... Ты мне еще Boney M похвали!». Чего отрицать, период был такой, и одними из самых продаваемых в мире их пластинки стали именно тогда. Но королями дискотек братья стали не от хорошей жизни, к середине семидесятых изящная, с мелодикой, выросшей не из ритм-н-блюза, а из романтической классики и английского фолка музыка, которую Гиббы исполняли до того, стала массовому слушателю не нужна. Царствовали глэм и фанк. Пришлось им затянуть пояс потуже, отправиться в Новый Свет и... Случилось то, что случилось. Мало мимо кого прошло тогда это увлечение — Пол Маккартни, Дэвид Боуи, Игги Поп, Элтон Джон, Род Стюарт, Queen, Rolling Stones, Electric Light Orchestra, даже KISS... Даже Blondie (которые, напомним, начали свой путь в легендарном панк-клубе CBGB) подпали под очарование диско-кудесника Джорджо Мородера. Почему упомянутых достойных личностей не относят к диско-исполнителям? Явная несправедливость же! Ну а в-третьих, диско братья исполняли только на... двух альбомах! Хорошо, на двух с половиной (половина — потому что саундтрек не только с их участием). Не находите, что маловато для коллектива, с 1963 года семнадцать лет подряд выпускавших по куче синглов и альбому (когда и паре) в год (потом чуть реже, но тоже много)?

Разрушив этот миф, перейдем к следующему. Гласит он следующее: Bee Gees всегда пели фальцетом и, наверное, они — внуки, современные Фаринелли. Или транссексуалы. Или еще как-нибудь альтернативно сексуально одаренные. Это вообще глупости. Голоса у братьев (пели в основном Барри и Робин, покойный Морис был не особым вокалистом) высокие, с большим диапазоном. Могли и фальцетом. В пресловутый диско-период пели в основном им. Но на большем количестве записей — просто красивые тенора. Про скопцов и людей лунного света и обсуждать не хочется. У всех дети, жены красивые (и не одна у каждого, хе-хе).

Еще один миф: Bee Gees — австралийцы. Ну да, прожили они на Зеленом континенте не один год. Впрочем, стоп. Лучше я, если какие-то мифы еще найду, то разоблачать их буду по ходу рассказа. А то предисловие как-то затягивается.

Итак, 3 января 1967 года итальянский лайнер SS Fairsky вышел из сиднейского порта, взяв курс на Лондон. Почти девять лет братья не были на родине. Они стали взрослее, но по-прежнему были юными. Барри было двадцать, Морису и Робину шел восемнадцатый год. В

таком возрасте каждому хочется покорить мир, ну а если ты играешь и поешь — и подавно. В Австралии они считались звездами, чудомальчиками. Но, в конце концов — что такое эта заморская страна по сравнению с бывшей колонией? Глубокая провинция! Да, там была бит-сцена, дикости фанатов The Easybeats могли позавидовать даже самые безумные битломанки и поклонницы губастого Джаггера. Как-то раз сотня девиц ворвалась в дом Джорджа Янга, чуть не разорвав его на части и дико напугав его младших братьев Ангуса и Малькольма (видать, тогда они и решили создать группу, которая будет петь про шоссе в ад — чтобы все боялись). Но что это по сравнению с Англией, в конце концов? В Лондоне битлам дают ордена, принимают в высшем свете, а тут скотоводы косо смотрят на музыкантов-волосатиков? Вспомнить хотя бы мясника, в подвале лавки которого находилась студия, где Гиббы записали два альбома и с десяток синглов.

По радио передали, кстати, что последняя сорокапятка — Spicks and Specks — наконец-то достигла вершины сиднейских чартов. «Может, вернуться? Всё-таки едем в неизвестность, таких как мы — там сотни, и каждый день появляются десятки новых. У нас и барабанщика-то нет — если на вечеринках для австралийских ветеранов спокойно смотрят, как с нами папа на ударных играет, то в Лондоне просто засмеют», — нервничает Робин. «Ну уж нет — в эту чахлую провинцию мы приедем только, когда покорим родину. Наша родина — Британия. И мы ее покорим. За год!», — успокаивает младшего брата Барри.

Как в воду глядел. Только со сроками ошибся. Не год. Всего полгода.

Гиббы родились на острове Мэн. Мэн — место непростое, хоть королева там и глава государства, но частью Соединенного Королевства он не является. Уроженцы его славятся независимостью и упорством. Вскоре после рождения Робина и Мориса семья решила перебраться на Большой Остров. Поселились в пригороде Манчестера, откуда был родом папа Хью. Братья росли сорванцами — район-то пролетарский, нужно соответствовать. Петь полюбили с младенчества. Однажды мама кричит: «Сделайте радио тише, голова болит!», те не слышат. Заглянула в комнату и остолбенела: не радио вовсе, а Барри с мальцами на три голоса расппевают. Да так чисто! Заслушаешься и головная боль пройдет.

С родителями братьям повезло, за шалости строго не наказывали, увлечение музыкой поощряли. Хью сам стал учить ребят игре на основных инструментах. В 1956-м состоялось первое выступление. В манчестерском кинотеатре Gaumont существовала глуповатая традиция — по выходным перед началом сеансов, для привлечения публики симпатичные мальчики и девочки открывали рот под фонограмму, якобы для привлечения почтеннейшей публики (а мне кажется, для того, чтобы потешить самолюбие родителей). Решил предъявить публике своих сорванцов и Хью Гибб. Но случилось непредвиденное. Шеллаковые пластинки, проигрывавшиеся со скоростью 78 оборотов в минуту (одна из которых должна была выступить в качестве «фанеры») были тяжелыми и одновременно очень хрупкими. Ребята опаздывали в кинотеатр и побежали. Морис, несший пластинку, поскользнулся и разбил ее. Пришлось выступать живьем. Публика была в восторге, Хью ходил гордый, как слон — старшему-то десять, а младшим и семи нет, а уже половине города известны. Так начался путь на Олимп.

Два года спустя Хью с женой, дочерью и сыновьями (которых было уже четверо — родился младшенький Энди, который станет в эпоху диско подростковым поп-идолом и умрет в тридцать лет) решил попытаться счастья за двумя океанами.

Илья МОРОЗОВ

АЛЕКСАНДР НЕПОМНЯЩИЙ НА КОРАБЛЕ БЕЗУМИЯ

Родившийся в провинциальном городе Ковров в 1968 году Александр Евгеньевич Непомнящий был Иным. Неплохое начало для фантастического романа... Но действительно — так или иначе присущая всем поэтам инаковость оказалась, на мой взгляд, определяющим фактором, повлиявшим на творческую эволюцию Непомнящего.

Быть Иным, быть Другим, быть не таким, как все — тяжелое бремя. Тяжесть эта порой дает силы, но чаще — гнет к земле, сгибает ключицы, ломает позвонки. Настоящий поэт ощущает свою инаковость, как тяжесть креста, который нужно нести всю жизнь, до самой Голгофы. В этом смысле все русские поэты — несчастные изгои, не сильно отличающиеся от юродивых или прокаженных. Истинный поэт не должен бежать от своей инаковости — хотя это и страшный дар! Да, быть Иным в России, в стране, всегда стремившейся к соборности (вспомните сакраментальное «православие, самодержавие, народность») вообще говоря, «вредно для здоровья» и, в пределе, всегда чревато смертью. За примерами ходить далеко не нужно — галерея убитых матушкой-Россией Иных тянется от Александра Пушкина до Осипа Мандельштама.

Непомнящий был настоящим поэтом, был Иным. И, разумеется, он ощущал давление со стороны социума, со стороны столь любимого им русского народа, не могущего простить ему этой инаковости. «Внутренняя пуля в тысячу крат хуже чеченской!» — сказал он, также и по этому поводу. Трудно выдерживать тяжесть непонимания! Родившийся как самобытный, оригинальный поэт, Непомнящий вскоре начал искать опору, которая помогала бы ему противостоять давлению среды. Первоначально такой опорой была западная рок-мифология (Вудсток, хиппи, автостоп, Джим Моррисон, Пинк Флойд), сибирский андеграунд (Летов и Янка) и Федор Достоевский. О, в те времена Непомнящий был еще хрупким лириком, поющим об одиночестве и любви, боящимся мира и одновременно тянущимся к нему: «Одиночество, когда ты рядом,/ А любовь, когда тебя нет!» — это ведь не про женщину сказано! В поэтическом космосе Непомнящего присутствовали тогда и романтика, и легкая грусть, и собственный, пусть и незамысловатый, мотив: «И мы пьем вместе с ними за пришествие Вудстока,/ Очень любим друг друга и блюем под столом».

Легкомыслия хиппи и колдовства поэзии хватало какое-то время на то, чтобы выдерживать тяжесть окружающего мира. Однако постепенно стало приходить понимание того, что в капиталистическом угаре постсоветской России идеалы шестидесятых выжить не могут — Вудсток оказался недостижимо далеким, марихуана запрещенной, а путешествия автостопом опасными. Давление среды и одиночество творца с каждым днем становилось все более невыносимым: «Но вопреки примете, хоть разбей всю посуду,/ Один хрен не придет ни души!» Мир отторгал Непомнящего, как организм — с кровью и гноем — отторгает поврежденные ткани. Но поэт, по-видимому, не видел себя вне России. Чтобы сохранить себя и свою инаковость, оставаясь при этом (хотя бы географически!) в стране соборности, Непомнящий ушел в контркультуру.

Ушел — и запел совершенно по-другому! На месте хиппи объявился панк — сибирского, летовского пошиба. Первое, что сказал этот панк, было знаменитое: «Убей янки!» Толпы молодых контркультурщиков восторженно подхватили его слова: «Курт Кобейн русский, родом с Москвы,/ Джим Моррисон русский, родом с Москвы,/ Джимми Хендрикс русский, родом с Москвы!/ Убей янки! Убеей янкиии!» Инако-

вость Непомнящего на какое-то время перестала терзать его, он ушел от одиночества, обрел свою аудиторию, философию и идеалы. Давление государства на время отступило. Замкнувшись в своего рода монаду, тусовка новых революционеров тасовала на разные лады одни и те же лозунги и сентенции: «Очень бедненькая собачка/ Продалась за домашний хавчик!», «Покупайте тампоны «Тампакс» —/ Все равно на вас найдется пуля!», «Если мент избивает тебя —/ Ты можешь убить мента!» Путеводными звездами были Егор Летов и Эдуард Лимонов.

Знаменитый француз Мишель Фуко как-то доказывал, что Европа обрела свой культ рациональности путем исключения из себя, из социокультурной циркуляции, всего нерационального, «безумного»¹. Причем категория «безумцев» никак не дифференцировалась — туда попадали и шизофреники, и грабители, и проститутки, и юродивые, и гомосексуалисты. Их, всех без разбору, сажали на так называемые «корабли безумия» и отправляли в открытый океан. Также и Россия девяностых становилась «демократической», «цивилизованной» страной выдавливая, выбрасывая из себя всех нелибералов. В контркультуру попадали и панки, и хиппи, и лимоновцы, и старые коммунисты, и бывшие любера, и богемные поэты, и непризнанные философы, вроде доктора Дугина. Чувствуя себя одинаково чуждыми системе, одинаково Иными, они оседали в подвалах и подворотнях, пили портвейн, пели песни, грезили революцией.

Думаю, спустя какое-то время Непомнящий осознал, что, уйдя в контркультуру, он не перестал удаляться от Родины — просто теперь он это делает не один, а вместе с толпой народа на очередном «корабле безумия», организованном новыми либералами для очистки социума от чуждых победившей идеологии элементов. О капитуляции России перед этой идеологией Непомнящий пел неоднократно: «Город сдали без единого выстрела,/ Поважнее нашлись занятия,/ В карманах кончались денежки,/ И на днях ждали новые праздники». Поэт верил в силу Слова, потому и не хотел уходить от России. Непомнящий понял, что, оставшись в контркультурных подвалах, он сыграет на руку все тем же прозападным либералам, окажется в своего рода «внутренней» эмиграции, бесконечно далеко от страны, которую он так хотел менять силой своего творчества. Но выходить из подполья было очень тяжело!

Да! Ведь выйти наружу — значило опять остаться без поддержки, один на один с непонимающим его миром, опять нести бремя инаковости в алчном, одинаковом, грызущем друг друга глотки социуме. Образованный и умный — в текстах Непомнящего огромное количество цитат и реминисценций из русской и мировой классики (от Гарсиа Маркеса до Салтыкова-Щедрина, от Дмитрия Пригова до Олдоса Хаксли) — он не знал, как не свихнуться от своей образованности, как принести с ее помощью хоть какую-нибудь пользу родной стране. Совсем не случайны частые обращения Непомнящего к Достоевскому, особенно к его Ивану Карамазову. Ведь из трех братьев Карамазовых именно Иван — самый умный и разносторонний — выглядит Иным, Другим, абсолютно чуждым соборной, православной (и в подвигах и в злодействах!), национальной России. Гуляка же и каторжник Митя, как и набожный Алеша — совершенно русские образы. И закономерно, что именно Иван сходит у Достоевского с ума — страна выдавливает его в безумие, за то, что он имеет смелость до конца нести свою инаковость сквозь быт Скотопригоньевска².

¹ «История безумия в классическую эпоху», М. Фуко

² Иван Карамазов опаснее для Православной России, чем Ленин. Если уж даже смиренного праведника Алешу он доводит своими историями до того, что тот сжимает кулаки и шепчет о грешниках: «Расстрелять!» В силу инстинкта самосохранения Россия просто должна уничтожить Ивана

ДРАМАТУРГИЯ И ЭКСПЛИКАЦИЯ ФАНТАЗИЙ

Ох, как не хотелось Непомнящему разделять участь Ивана Карамазова! Ох, как не хотел он, чтобы Родина его «вылечила», изменила, сделала таким же, как и все: «И не надо меня излечивать! / И не надо, уймись, покалечишь ведь!» Как жутко было становится новым Пушкиным, Мандельштамом, Маяковским, попадать из-за своего проклятого дара в глухую блокаду непонимания, толкающую к смерти! Как страстно искал он поддержки, опоры, подмоги! И, к сожалению, он нашел ее...

Не нам судить человека, находящегося под давлением¹. Не нам судить утопающего, хватающегося за круг. Конечно, на мой взгляд, было бы честнее, если бы Непомнящий пошел до конца, остался бы одиночкой, отщепенцем, другим, отвергнутым и отторгнутым. Это был бы путь истинного русского поэта, имеющего мужество противопоставлять себя толпе. Божий дар нужно сохранять — даже если это проклятый дар стихотворца, маргинала или пидараса². Непомнящий свернул с такого пути, совершил ошибку, которая оказалась роковой — спасая свою инаковость, он потерял ее полностью, бросившись в поисках поддержки в Православие.

Разумеется, возрождающееся русское Православие приняло Непомнящего. Приняло — и поглотило целиком, как удав поглощает кролика. Творчество поэта изменилось, по сравнению с ранними вещами, практически до неузнаваемости. Конечно, песни по-прежнему были окрашены силой его обаятельной личности, но из них ушло что-то важное. Конечно, и новые стихи звучали мощно: «Ментовская правда, / Фарисейская правда, / Житейская правда, / Комсомольская правда! / За веру прогуюлок по рельсам трамвайным, / За добровольное Иваново детство, / За незаконные действия в зоне / Где каждый получит свой номер и место», но слишком уж уверенно запел Непомнящий, почувствовав за собой поддержку выверенных христианских нарративов.

Продав душу православному Богу, поэт обрел спокойствие, получил возможность деятельности, смог, наконец, менять этот мир своим Словом. Это был — его выбор. Увы, но меня ни на минуту не покидает ощущение, что Непомнящий изменил себе в самом важном. Отказавшись от инаковости, он добровольно проиграл извечный поединок Поэта с Миром, слился со страной в соборном экстазе, похоронил себя в толпе. Борьба закончилась капитуляцией, и поэт совершенно честно провозгласил в одной из песен: «Будущего нет!» Будущего, действительно, больше не было.

Непомнящий стал совершенно другим. Непомнящий стал таким же, как все. Дошло до того, что он начал изымать из обращения некоторые свои ранние вещи («Ветхозаветная» песня: «Да любите друг друга, изъе..нулса Господь») Однако поэтическое существо поэта не простило ему этой измены. Преданная, загнанная Православием в глубины бессознательного инаковость вернулась к нему в виде глиобластомы, злокачественной опухоли головного мозга. Православный Бог не помог. Святые ангелы не спасли. Александр Непомнящий умер в возрасте тридцати девяти лет. Метастазы заменили собой пистолет Дантеса и петлю Есенина, навсегда оставив Непомнящего в наших глазах настоящим русским поэтом и посмертно реабилитировав его.

Алексей КОНАКОВ

¹ Нравственные и этические проблемы «человека под давлением» великолепно осмысляются в довольно «беллетристической» книге А. и Б. Стругацких «За миллиард лет до конца света».

² Об этом пел вызывающе, но верно, Р. Неумов: «Я подамся в менты, / В педерасты, в поэты, в монахи — / Все что угодно, / Лишь бы не нравиться вам!» (текст Мирослава Немирова).

Изучение многогранного феномена фантазии осложняется крайней текучестью, фрагментарностью и субъективностью предмета. Можно ли, в принципе, вести речь о воспроизводимости и повторяемости, касаясь столь зыбких материй? В попытке найти позитивный ответ на этот вопрос сосредоточимся на важной «лабораторной» функции фантазий. Представим их как своеобразную «лабораторию», в которой разрабатываются и отрабатываются разнообразные подходы к реальности, в том числе невозможные и неприемлемые по условиям этой самой загадочной реальности. Некоторые потом применяются, с разной степенью успеха, но большая часть так и остаётся нереализованной.

Понятно, что весь объем фантазийного материала не может находиться в сознании. Вытесняясь, он образует причудливые конфигурации, создавая впечатление недетерминированности, неструктурированности фантазий. Пользуясь «океанической» метафорой, можно сказать, что глубже утапливаются наиболее тяжелые части.

Попытаемся подойти к фантазии как к цельной и вполне жесткой структуре, используя драматургический и режиссёрский инструментарий, памятуя о роли античной трагедии в происхождении психоанализа.

В древнегреческой драматургии, как известно, нет Эдипа, убивающего отца и женящегося на матери, нет Прометея, крадущего огонь, нет Медеи, шинкующей детей, или вешающейся Антигоны. Все эти события современные читатели, как в древнем театре зрители, воображают, домысливают, непосредственно воспринимая лишь диалоги действующих лиц.

Все «экшны» находятся за сценой, за кадром, вне поля зрения. Попытки современных постановщиков ввести их в образный ряд спектакля или фильма здесь анализировать не будем, тем более, запоминающиеся примеры найти трудно.

Как для царя, ведущего следствие, так и для аналитика крайне важно реконструировать обценные события, то есть из-за пределов сцены втащить их в поле очевидности. Заодно — отобрать локус контроля у богов и рока и предписать его субъекту.

При рассмотрении фантазий обнаруживается подобная ситуация: легко различаются зримая и незримая части.

Свободно продуцируемая, протекающая перед сознанием субъекта картина с включениями звука, запаха, телесности обусловлена чем-то, не подлежащим непосредственному наблюдению, какими-то смыслами и событиями, спрятанными за рамкой очевидности. «Королевская» работа по трактовке доступной символики — это лишь потребление готового продукта. Важнее выявить механизмы, обуславливающие возникновение и протекание видений. Для этого резонно сосредоточиться на кухне фантазий.

Что представляет собой их язык? Подо что структурируется ткань фантазий? Понятно, что кроме «видеоряда», в них может присутствовать звукояд и беззвучный текст, запах, вкус, прикосновение и движение, но ни одна из этих модальностей не годится на роль языка фантазий. Даже «картинка» — видеоряд вспомогателен в создании смысла, что уже показано на классическом примере греческой драмы.

Но в неочевидной, обценной части фантазии происходят какие-то события, определяющие все последующее зрелище. То есть фантазии — это в первую очередь условия зарождения и развития последующих процессов.

Условия тоже не существуют изначально в своей данности. Их можно только вычленив из аутистического хаоса шизоидным расчлениением оно на ряд оппозиций, например: Хаос — Космос, Натура — Культура, Свет — Тьма, Люди — Нелюди, Явь — Навь. Традиционные пространственные: Верх — Низ, Правое — Левое. Временные: Прошлое — Будущее. Экзистенциальные: Смерть — Бессмертие, Смысл — Бессмысленность, Я — Другой, Сакральное — Профанное. Всё многообразие оппозиций здесь рассмотреть нет возможности.

Оппозиции представляют собой полюса потенциальных конфликтов. Внесение в это напряженное поле человеческих смыслов актуализирует конфликт. Например, пространственные оппозиции обретают ценностные смыслы; верх, низ — не просто координаты, но смысловые доминанты мироустройства и жизненного пути человека. К мировому Древу, корнями пронзившему подземный, нижний мир, а кроной взлетевшему в небесные сферы, люди срединного мира пытаются пристроить всевозможные лесенки, иерархические, например. Вышестоящий, нижестоящий, катящиеся вниз и падшие, возвысившиеся и вознесшиеся, и так вплоть до эстетических категорий возвышенного и низменного. Даже на животных, которые честно занимают свою экологическую нишу, люди распространили свои условные моральные фантазии: к тем, кто пресмыкается отношение хуже, чем к тем, кто парит. К тем, кто растет — лучше, чем к тем, кто мельчает. Внесённые субъектом смыслы образуют конкретику конфликта и побуждают его действовать, сообразно обстоятельствам.

Примеры тотальных обстоятельств или условий: Бог есть, или Его нет, или Богов много. Если, к примеру, Бога нет, то есть вариации: Его нет в принципе, или был, но умер...и оставил ли наследство... Всё это разные стартовые условия (обстоятельства), которые детерминируют драму осуществления.

На групповой супервизии излагается сон семилетней девочки, находящейся в конфликтных отношениях с родителями и младшей сестрой. Начало: Сновидица идет по пустынному городу, в руке у неё нож, по улицам текут потоки крови. Коллега: «Так, с семьей она уже разделалась». Сама сцена избиения родителей и сестры в сновидении не упоминалась. Она присутствовала как исполненное условие, позволяющее развернуться видеоряду на тему «я одна в мире». Но фантазийной расправе с семьей предшествовал конфликт и какие-то скрытые события. Рождение младшей сестры, как минимум, и еще ряд обстоятельств.

Вспомним, что фантазия «Я один в мире» весьма распространена. И в каждом случае можно реконструировать конфликт и события, приведшие к ней. Диаметральная фантазия — о смерти малолетнего фантазера, затопляющего виной родителей и прочих обидчиков. В ней нет конкретики смерти, есть только наслаждение покаянными речами над собственным гробиком, но неявно, в условии, присутствует инфантицидный послыл.

Ещё пример: подросток фантазирует о победе над грозным противником. Происходит поединок, в котором меч фантазера сам отражает выпады противника и сам находит его слабые места. Сюжет о волшебном мече — один из основных в сказочной и мифологи-

ческой традиции, эксплуатируется он и в авторской литературе. Происхождение такого меча — принципиальный момент, обнаруживающий массу любопытной информации. Условия овладения этим мечом — ещё отдельная песня.

Но вот вариация фантазии: оружие самое обыкновенное, однако, фантазер одерживает уверенную победу просто потому, что она ПРЕДРЕШЕНА. То есть, исход поединка — эпифеномен некоторой договоренности между неизвестными сторонами.

Перед этим предрешенным поединком произошли уже важные события с участием сил, напрямую не являющихся сознанию, события, находящиеся перед левым краем фантазийной картинки. И фантазер лишь доигрывает в воображении развязку таинственной драмы, в которой он выступает не как герой, а как палач.

Определив структуру фантазий как конфликтно-событийную, обнаруживаем, что структурированы они не под язык, а под действие, являющееся «квантом» и «агентом» конфликта.

Действие — есть целенаправленная активность субъекта, то есть буквально — нацеленная на достижение конкретной цели. Достижение цели, или потеря последнего шанса на её достижения становится событием, вынуждающим субъекта ориентироваться, искать новую цель и действовать в конфликте иным способом, при этом оставаясь в логике так называемого сквозного действия. То есть, при ближайшем рассмотрении вся ткань конфликта оказывается переплетением нитей — действий и узлов — событий.

Для реконструкции истории избранного конфликта театральная режиссура использует стандартный ряд из пяти событий: исходного, предшествующего, начального, главного и развязки. Иногда выделяют ещё центральное событие, разграничивая его с главным. Именно эти события показывают развитие главного конфликта драмы и служат «несущим каркасом» для множества всех остальных событий.

Исходное событие лежит за пределами драмы. На сцене его нет, но в тексте оно может упоминаться. Но может не упоминаться. Находится оно обычно на стыке эпох, когда меняются глубинные основы человеческого бытия. Собственно, оно и есть принципиальный момент этой смены.

Например, в «Царе Эдипе» присутствует одно, вовсе не бросающееся в глаза обстоятельство: совсем недавно убийство старого царя и женитьба на его вдове было нормой, общепринятым обычаем и никакие боги не гневались на этот естественный ход событий. Ведь царь был не более чем мужем царицы и жертвенной фигурой. И только новая эпоха принесла трагизм в обыденный процесс смены отца сыном.

Исходное событие порождает главный конфликт, который будет определять и пронизывать всю последующую драму. Это конфликт глобального характера, касающийся каждого, но выраженный в безличной форме, он обладает относительно слабым эмоциональным воздействием, как статистика, описывающая гибель миллионов.

В индивидуальных фантазиях эти базовые обстоятельства и уже возникший конфликт, как правило, не осознаются субъектом. Осознание того, что субъект включен в конфликт, происходит после личностно значимого события, которое является частным проявлением главного конфликта. Но осознание часто остается диссоциативным, изолированным от эмоциональной сферы. Суть конфликта и место в нем субъекту ещё не очевидны. Назовем такое событие предшествующим.

Предшествующее событие также лежит за пределами видимой картины, или вне рамок «зримой части» фантазии. Но в тексте драмы оно упоминается обязательно и неоднократно. Так, например, убийство Гамлета старшего сначала излагается тенью убитого, а потом воссоздается сыном в сцене «Мышеловки».

Реконструкция исходного события фантазии дает возможность все разрозненные картины и эпизоды связать в одну смысловую цепь. То есть исходное событие — ключ к пониманию всех последующих, нет необходимости доказывать его аналитическую значимость. В каждой завершенной истории анализа можно найти этот принципиальный пункт, «озаряющий» все тёмные и запутанные места. Тем не менее, для полного включения субъекта в действие, для того, чтобы клиент ассоциировал себя в конфликте, требуется начальное событие. Это своеобразная «отмашка», старт открытого конфликта.

Самое начало зрелищной части драмы или открывшегося сознанию фрагмента фантазии может быть насыщено ещё непонятными для наблюдающего процессами. Требуется некоторое время и усилия, чтобы в происходящем разобраться.

Начальное событие — то, которое разъясняет для зрителя суть конфликта и его действующие стороны. Суть происходящего «схватывается» субъектом, который вынужден занимать определенную личностную позицию и осознавать, в каком именно конфликте он участвует и какой конфликт участвует в нем. Противостояние сторон развивается, набирает объем, детализируется.

Существует интересная взаимосвязь между такими понятиями, как деталь и символ. Точно найденная деталь — бытовой фрагмент общей картины — в контексте происходящего вдруг обретает силу символа. И, наоборот, точный символ — легко обретает облик бытовой детали. Они сливаются друг с другом. Игра детали — символа способствует проявлению скрытого материала и в то же время сохраняет цельность разворачивающейся истории, сшивая, «цементируя» её.

Клиентка, выросшая в семье с жестким режимом экономии, на протяжении года весьма эмоционально проговаривала свои обиды в отношении родителей. По ее утверждениям, они привили ей крайне низкую самооценку, которая теперь мешает ей реализоваться в качестве креативной личности и высокооплачиваемого специалиста.

При высокой работоспособности и наличии определенных эпизодических достижений, продуктивная деятельность постоянно прерывается конфликтами с работодателями и заказчиками, возникающими по поводу оплаты ее труда.

Позитивная динамика ускорилась после обнаружения характерной детали. Экономя на школьных завтраках по несколько копеек, ей удалось скопить горсть медажков — меньше рубля.

Родители, обнаружив этот клад, обвинили ее в краже их, родительских денег и жестоко наказали. Клиентка воочию вспомнила собственную цену — горсть медажков. С такой зримой и осязаемой деталью можно работать технологично.

Центральное событие, если его отделить от главного, можно трактовать как событие наибольшего эмоционального накала. Полная ассоциированность субъекта с конфликтом, эмоциональная погруженность в него, возможно, подготавливает смысловые подвижки, которые обнаружатся на более спокойном эмоциональном фоне.

Главное событие — это прямое столкновение противоборствующих сил. Выплескиваются все собранные ресурсы, вычерпываются все запасные резервы. Наступает абсолютная ясность общей картины.

Все скелеты выпали из шкафчиков, тайны разгаданы, интриги развязаны, недомолвки кончились. Пришел момент истины. Он же — инсайт.

Произносимый текст полностью совпадает со смыслом. Применительно к аналитической ситуации, — это тот самый момент, когда клиент говорит именно с аналитиком, и именно о том. В фантазии это, вероятно, чёткое осознание своих желаний субъектом.

Развязка — исход конфликта. Решается, которая из сторон одержит победу. Или они обе останутся ни с чем. Или найдут компромисс. Или конфликт будет отложен, заморожен, снимется другим, более сильным. Развязка может стать исходным событием будущих драм.

После свершения итогового события наступает эмоциональный спад, и выводы надо делать быстро, поскольку зритель уже выключается. Заметим, что зритель вообще не обязан с одинаковым вниманием воспринимать все подряд. Он может отвлекаться, выходить из зала, заснуть. У фантазера — те же проблемы, да ещё в превосходной степени. Поэтому любое зрелище, как и любая фантазия, будет более или менее фрагментарной. Или вовсе будет представлять собой один или несколько разрозненных отрывков, смысл которых невозможно уловить, оставаясь в предложенных рамках.

Реконструировать фантазию в ее полноте можно с помощью предложенного инструментария: определения главного конфликта, расстановки событийного ряда и анализа конкретных действий.

Это необходимо сделать, например, в тех случаях, когда фрагменты фантазии препятствуют переходу между прошлым и будущим, сосредоточиваясь на переигрывании прошлого, на исключении, аннулировании некоторого неприятного или трагического события. При этом действия, приведшие к этому несчастью или не затрагиваются, или отсылают к другому изолированному фрагменту. Пример: «Этого бы не случилось, если бы я не пожелала ей зла» — явный рудимент фантазии всемогущества.

Отрывки фантазий о будущем — о наступлении чаемого, но никак не обеспеченного настоящим события — точно так же могут препятствовать наступлению этого самого будущего. Полная, восстановленная фантазия обязательно имеет глубокий образ прошлого и варианты будущего без фатальных разрывов между ними. Впрочем, развитие этой темы выходит за рамки задач данной статьи.

Сергей ЗУБАРЕВ

«ЛИТЕРАТУРНЫЙ БАШКОРТОСТАН»: PRO ET CONTRA

«ЛитБаш» Ягудина: правда и вымысел

«Я колдовскими методами уничтожал людей, ещё когда о Мерлине в Союзе знали только из фильма «31 июня». Но я уже лет 15 этим не занимаюсь и полностью покорен Богу, так что всем этим мудакам крупно повезло — если б я потрянул стариной и вышел на энергетическое противостояние, от них осталось бы мокрое место. Но я 15 лет молитв и постов с мольбами о Прощении не собираюсь швырять коту под хвост. Да и зачем? Пока я служу Аллаху, мне ничего не страшно.»

Главный редактор «Русской Литературы»

Действительный член Дворянского Союза России

Его Высочество князь Расуль Ягудин

С «Литературным Башкортостаном» я впервые столкнулся в 2009 году. И с первых же минут знакомства возникли подозрения, не лукавит ли редактор. На сайт журнала я вышел через портал периодики, прошёл по ссылке и... недоуменно уставился в монитор. То, что я увидел, было похоже на «пробу пера» HTML-любителя. Яркий желто-салатовый фон бил в глаза, элементы дизайна отражались некорректно, сайт поражал простотой и вдобавок был размещен на бесплатном хостинге. Совершенно очевидно: разработкой сайта занимались не специалисты или веб-студия, как обычно бывает у серьезных организаций, а один человек, притом едва открывший учебник по HTML. Сайт не обновлялся уже несколько лет, и я отослал в редакцию «Литературного Башкортостана» письмо. На следующий день мне ответил главный редактор Расуль Мусанифович Ягудин: журнал по-прежнему выходит, просто сайт устарел — и дал ссылку на новый. Теперь представительство редакции в Сети выглядело аккуратнее, но сомнения в реальности журнала не исчезли. Сайт снова оказался чрезвычайно простым и больше походил на интернет-журнал, зарегистрирован опять-таки на бесплатном хостинге. Это меня смутило: обычно у журналов либо официального сайта просто нет, либо он находится на собственном домене.

Все же я рискнул послать один из рассказов Ягудину. Ответ пришел отрицательный. Редактор обращался на «ты», а содержание письма удивляло фамильярностью и неприкрытым хамством. Я ответил в том же духе, после чего Ягудин, как ни странно, стал общаться более уважительно. В дальнейшем он опубликовал три моих рассказа. Из переписки я понял, что хамство и мат — это привычная для Ягудина манера общения.

На сайте указаны регистрационные данные журнала, а Ягудин утверждал, что журнал выпускается тиражом в десять тысяч экземпляров. Признаться, для литературного «толстячка» это сенсация. При этом редакция состоит из одного Ягудина, авторам же не высылают ни гонорара, ни авторского экземпляра. При таком-то тираже?! Я знаю издательства, выпускающие журналы и сборники в сто, двести, пятьсот экземпляров. Их выпуск убыточен, но авторы все равно получают бесплатный номер. Если нельзя получить бесплатно, можно купить. К примеру, издательство «Эдита Гельзен» выпустило сборник «Unzensiert» («Без цензуры»), всего лишь сто экземпляров. Издательство вообще находится в Германии. В то же время они выслали по экземпляру всем авторам и не взяли плату даже за почтовые расходы.

Я попытался навести справки у других авторов, публиковавшихся в «ЛитБаше». Подозрения насчет его реальности были у всех, с кем я связывался. Некоторые на своих страницах так и писали: «Рассказ опубликован в интернет-журнале «Литературный Башкортостан».

Исходя из вышеизложенного, я выработал для себя прагматичную манеру общения с «ЛитБашем». Если отсылать рассказы, так какие не жалко. После я ушел в армию. О литературной активности в рядах вооруженных сил РФ и речи быть не могло. Поэтому когда представилась возможность выхода в Сеть, я не побрезговал и сомнительным журналом Расуля — отослал историю про пикапера. Её опубликовали, а известили об этом спустя месяц. Причем нетрадиционно. Я не поверил глазам: авторский наконец-то можно приобрести! Правда, чуть ли не за тысячу рублей. Дескать, теперь тираж выходит в Америке, поэтому помимо немалой стоимости журнала следует оплатить и почтовые расходы. Конечно же, я отказался. Тем более, весть о росте издательства не внушала доверия.

Сайт издательства содержал скромный контент, направленный на рекламу только «Литературного Башкортостана» и книг Алика Верного, а оформление оставляло желать лучшего. Сравните сайт, к примеру, «Эксмо» и «ПлюсДа» — небо и земля. Да, «Литературный Башкортостан» вдруг стал называться «Русская литература», тираж увеличился до 12 тысяч, а Ягудин просит в письмах называть редактора «Ваше Высочество». Интересно, что на обложках номеров (теперь на Рулите публикуются обложки каждого номера), вышедших до переименования журнала, теперь тоже написано «Русская Литература».

Я опубликован в Америке! Ну, ничего себе. Поделился радостью с Майком Гелприним, спросил, знает ли он что о «ЛитБаше» или «Рулите». Нет. Писатель, который скрупулезно отслеживает периодику, ничего и никогда не слышал о журнале Ягудина. Это при выросте до двенадцати тысяч тираже! А ведь «Рулит» издается в том же городе, где живет Гелприн! Как его можно не заметить, когда русскоязычные газеты и журналы в Америке обычно выходят небольшим тиражом? Двенадцать тысяч — это просто чудо!

Мы захотели проверить, что за издательство такое «ПлюсДа». Майк позвонил по телефону, указанному на сайте, — никто не ответил. Я написал Расулю. Он сказал, что сотрудники издательства чрезвычайно занятые люди и поднимают трубку только в случае важных звонков. Представителем же «ПлюсДа» в России является Ягудин. Есть вопросы — обращаться к нему.

Большей чуши я давно не слышал. Скажите, откуда секретарю знать, важен звонок или нет, если он не принимает его. В этот момент я окончательно утвердился во мнении, что нет никакого издательства, а телефон просто выдуман. Оплата журнала плюс оплата почтовых расходов — не что иное, как оплата создания высланного вам экземпляра. Такой метод печати называется print-of-demand. Подтвердило эту догадку, как ни странно, письмо от Ягудина. В нем он заявлял, что журнал можно приобрести на prostobook.com — «первое в Рунете книжное издательство по требованию». Что и требовалось доказать.

По возвращению со службы я решил довести дело до конца: доискаться до фактов, подтверждающих существование или отсутствие журнала «ЛитБаш» («Рулит»).

Давно хотелось связаться с уфимским литератором или журналистом, который бы проверил Ягудина, но не мог найти известных местных персон и их контактов. А тут вдруг озарило: решение под носом. Самиздат при библиотеке Мошкова собрал писателей и графоманов со всего света, включая Уфу. Нашлось сто тридцать шесть страничек уфимцев, на подавляющем большинстве были указаны электронные адреса. Итак, я отослал около ста тридцати писем следующего содержания:

«Добрый день! Вы живете в Уфе, поэтому обращаюсь к Вам. В Вашем городе якобы издается «толстячок» Расуля Ягудина «Литературный Башкортостан». Вы журнал когда-нибудь видели не на сайте, а живую? Если Вы имеете возможность связаться с местным Союзом Писателей или др. местными литераторами, могли бы об этом журнале спросить у них? Это важно, у всех публикующихся там авторов создается впечатление, что Ягудин водит их за нос, выдавая сетевой журнал за бумажный в 12 тыс экз, да еще и издающийся в Америке. Это не спам. Я такой же СИ-шник, как и Вы, и хочу докопаться до правды. С уважением, Алексей»

Часть адресов оказалась недействительна. Многие адресаты скорее всего сочли мое письмо спамом, но несколько десятков авторов все же ответили. Среди них оказались и журналисты, и члены Союза Писателей. Некоторые знали Ягудина лично. Также рассылка писем вызвала обсуждение журнала в ЖЖ «Гипертекста», который ведет его главный редактор. Ответы были однотипными. Вот некоторые из них (дабы не навлечь на авторов писем проблем, их имена не привожу):

«Журнал «ЛБ» действительно существовал на бумаге, даже продавался в Уфе в киосках, но это было давно — году в 2003 или 2004. С тех пор я и мои коллеги о нём ничего не слышали. Тогда журнал пытался набирать авторов для платных публикаций, арендовал офис, тираж у них был относительно скромный. Честно говоря, я думаю, что бумажная версия не выходит давно. Во всяком случае, в Уфе её нет, и в литературной жизни Уфы журнал никак не участвует (не знаю, живёт ли Расуль Ягудин сейчас в Уфе). Не знаю, м.б. в Америке и издаётся что-то, но просто для справки скажу, что литературных «толстяков» с тиражом более 10 тыс. в России сейчас нет вообще».

«Здравствуйте, Алексей! Извините, но я ничем не могу Вам помочь... Дело в том, что я родом из Уфы, бываю там, но живу в Америке. Журнал, о котором Вы пишете, я не видела и не читала. Извините, что не смогла быть Вам полезной. С уважением, Нелли».

«Доброе утро! Такого журнала нет».

«Алексей, здравствуйте. Да, я действительно живу в Уфе, но про этот журнал слышу впервые».

«Итак. Расуль Ягудин — это вот такая небольшая литературная щучка, придуманная Богом, слава богу, чтобы жирные литературные караси не дремали. Это такой Писарев (если вспомнить о Пушкине). Он хороший публицист, даже великолепный, но — невнятный, фэнтезийный прозаик (как и многие сейчас) и совсем никакой поэт. Хотя нынешнему авангарду он пришелся бы по вкусу... Издал несколько бумажных номеров «Литературного Башкортостана», публикуя в основном самого себя в разных жанрах, и приклеился к какому-то интернетовскому ресурсу, выдавая себя за него».

«Здравствуй, Алексей! Такого журнала в списке журналов и газет, издающихся в Башкирии, нет. Никогда не видела и не слышала. Р. Ягудин — одиозная личность. О нём можно найти материалы в Сети. Всего наилучшего, Н.»

«Алексей! Добрый день! «Литературный Башкортостан» по телефонной службе 09 не значится. Позвонил в редакцию «Башкортостан кызы» — о таком журнале не слышали».

Постепенно у меня сложилась реальная картина того, как создавался журнал «Литературный Башкортостан». Расуля Ягудина мало кто печатал, он не побеждал на литературных конкурсах, не оценили его талант и в КЛФ, Союзе Писателей. Отсюда и ненависть ко всему вышеперечисленному. В 2003 году Расуль Ягудин нашел спонсора и зарегистрировал журнал «Литературный Башкортостан». Думаете, как он за-

являет, для помощи молодым? Нет, чтобы опубликовать себя любимого. Остальным — на платной основе. Таким образом, в 2003–2004 годах в Уфе продавался скромным тиражом литературный «толстячок», львиную долю которого занимали проза Ягудина и поэзия некоего Филиппова. Проект, конечно, провалился. Тогда Ягудин создает сетевой журнал и выдает его за некогда существовавший бумажный, в доказательство приводит старые регистрационные данные. Для «особых клиентов» он создает Александру Багирову. Под этим именем журналист изрыгает проклятия на неподатливых коллег, назойливых авторов и всех недругов, а также лижет пятки божественному и неповторимому Себе, воспеваает таланты Его Высочества и его личность.

Ложь и активная рекламная деятельность привлекает новых авторов. В то же время находится достаточно умных людей, чтобы заподозрить неладное. Они засыпают редактора однообразными вопросами, копают Сеть и бумаги в поисках истины, обращаются за информацией к уфимским литераторам. В результате российская государственная регистрация журнала была упразднена (у нас в России все делается, когда прижмет). Таким образом, государство отрицает существование журнала «Литературный Башкортостан» на бумаге и тем более его превышающий тысячу тираж.

Казалось бы, на этом история должна быть закончена, но нет. Ягудин узнает о print-of-demand. Возможно, идею подкинул новый знакомый (как бы не третье «я» Ягудина) Алик Верный. Теперь журнал можно продавать, выставлять в интернет-магазинах и предоставлять доказательства надоедливому публикантам! В России новую регистрацию уже не получить, так как регистрировать нечего. Почему бы ни придумать сказку об Америке? Самая отдаленная точка, за океаном. Откуда русским знать, издается ли на самом деле там журнал? Захотят проверить — весьма проблематично. Назло врагам еще обзаведемся собственным издательством да тираж увеличим. А распространяться он будет по всему миру: от Калифорнии до Токио. Мол, хотели раздавить таракана, а он только вырос.

Для пушей убедительности Расуль Ягудин пишет проникновенную статью «Как создавался журнал «Литературный Башкортостан» и размещает ее везде, где только можно. Совершенствуются старые сайты, создаются и перерабатываются новые. Опыт веб-дизайнера черепашьим ходом идет в гору, поэтому и вид сайтов постоянно меняется.

«Литературный Башкортостан», он же «Русская Литература», — журнал исключительный. Ни в одном издании нет такого редактора, как Ягудин. «Русская Литература» единственный публикует все жанры, формы литературы. Как никто другой, активно занимается саморекламой и пытается убедить читателей в своей реальности. Чего бояться такому солидному изданию (тираж 12 тыс., продается в 236 странах) какой-то заметки в живом журнале? Фыркнул и пошел дальше. Ягудин же на все сомнения в его честности реагирует остро — на воре и шапка горит. Исключительный внешний облик в Сети, исключительное содержание, исключительное общение с авторами и прочими, исключительный состав редакции (поначалу и вовсе один человек), исключительный редактор, исключительные методы пиара и борьбы с конкурентами, исключительная ложь. . .

На страницах «Русской Литературы» можно увидеть творчество классиков, отличные рассказы активно публикующихся в периодике авторов. Иногда только испортит впечатление какой-нибудь Алик Верный и ему подобные. Из-за всеядности журнал вряд ли бы оказался удачным в материальном мире, но в цифровом вполне мог стать не менее известным, чем «Пролог». Жаль, его возглавил не тот человек.

Алексей КАРЕЛИН, писатель

● БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА

Знаки времени

Окололитературные скандалы видны издали и похожи на вершину айсберга, возвышающуюся над водой. Капитаны кораблей, увидев ледяную глыбу, меняют курс, чтобы не напороться на незаметную и гораздо более опасную подводную часть айсберга. Возвышающийся над водой лёд — это предупреждение: будьте готовы к встрече с неведомым, которое вам, скорее всего, не понравится. О чём же нас предупреждают окололитературные скандалы?

Итак, ситуация. Толстый литературный журнал «Литературный Башкортостан», выходящий с августа 2003 года с заявленным тиражом в 12 тыс. экземпляров, вдруг оказывается пустышкой. Выясняется, что и государственной регистрации у него нет, и тираж, скорее всего, нарисованный. Собираются жаждущие справедливости авторы и пытаются докопаться до правды — как они её видят. В результате обсуждения смешиваются быль и небыль, редактору приписывают как реальные, так и выдуманные грехи. Прекрасна литературная жизнь России, широка душа русского человека, который то превозносит до небес, то готов втоптать в грязь. А русская интеллигенция, традиционно задаётся двумя вопросами: «кто виноват?» и «что делать?».

Я переписывался с Его Высочеством князем Расулем Ягудиным где-то полтора года назад. В общении он мне показался вполне адекватным человеком, может быть только чуть-чуть резким и прямолинейным. Ещё мне запомнилось его резко отрицательное отношение к другим уфимским журналам: «Бельским просторам» и «Гипертексту». Впрочем, противостоянием литературных тусовок удивить людей, причастных к литпроцессу, сложно: что сегодня, что во времена Пушкина.

Будучи создателем сайта, посвященного периодике, я постоянно общаюсь с публикующимися авторами. И когда около года назад сразу несколько авторов спросили про то, видел ли кто-нибудь бумажную версию «Литературного Башкортостана», мне стало интересно. Конечно, столь масштабного расследования, как Алексей Карелин, я проводить не стал. Порадовался неисчерпаемой фантазии Расуля Ягудина, который каждый раз находил новый повод не высылать авторские экземпляры, и утвердился во мнении, что «Литературный Башкортостан» просто интересный сетевой журнал. А на вопросы интересующихся авторов политкорректно отвечал, что заявленный тираж журнала 10 тыс. экземпляров, но никто из моих знакомых его в глаза не видел.

На самом деле, к решению не раздувать скандала я пришел после длительного размышления. Казалось бы, налицо обман. Заявлен «дуглый» тираж, авторы вполне могут чувствовать себя обиженными. Но я задал себе вопрос: «а кого, собственно, обманывает Ягудин?».

Я знаю трёх китов, которые заставляют авторов публиковаться в журналах — гонорар, читатели и портфолио. Осознав это, несложно придти к выводу, что позиция «Литературного Башкортостана» — всего лишь граничное воплощение толстожурнальной философии. Действительно, за очень редкими исключениями вроде «Нового мира», литературные «толстяки» гонораров не платят. Так что «первый кит» тут идентичен.

Возьмем для сравнения один из «толстых» журналов. Например, ровесник «Дон» с тиражом 500 экземпляров, из которых по подписке распространяется не более трехсот. Вряд ли аудитория «Дона», который, кстати, не имеет своего сайта, больше, чем у «ЛитБаша». Получается, «второй кит» толстых литературных журналов и «ЛитБаша» тоже сопоставим.

Остается портфолио. И на нем стоит заострить внимание. Среди авторов, отправляющих художественные произведения в журналы,

● ТЕХНОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

существует традиция давать в сопроводительном письме краткую информацию о себе и своих прежних публикациях. То самое писательское портфолио. Дело в том, что творчество — вещь субъективная, и редкий редактор при выборе основывается исключительно на своём мнении. При прочих равных любой журнал скорее возьмет маститого автора, публиковавшегося во многих престижных изданиях, чем дебютанта.

Что подумает редактор, увидев в сопроводительном письме автора строчку «Литературный Башкортостан», тираж 12 тыс. экз». Если редактор ни сном, ни духом про этот журнал, он будет удивлен. Двенадцать тысяч — тираж по нынешним временам для литературного журнала весьма хороший. Если же издатель в курсе ситуации с «ЛитБашем», то включаются субъективные факторы, и эта строчка вполне может сформировать автору антирейтинг. А теперь давайте с тех же позиций рассмотрим тот же «Дон». Легендарный журнал, публиковавший самого Шолохова, несомненно, весомый аргумент в любом портфолио. Вот только в конце 80-х тираж журнала был за 100 тысяч, а сейчас он упал в двести раз. То же самое разочарование для знающего человека.

Мы пришли к выводу, что «Литературный Башкортостан» с точки зрения привлекательности для автора мало чем уступает «толстякам» второго эшелона. Итак, кого же обманывает Расуль Ягудин? Авторов? Но авторам этот обман играет на руку, позволяя улучшить своё портфолио. Может, рекламодателей? Тем более, совсем недавно прошла информация, что, по мнению Национальной тиражной службы, тиражи большинства «глянцевого» журналов завышены в несколько раз для «привлечения большего количества рекламы». Однако в «ЛитБаше» не так много рекламы. Вот и получается, что жертвой обмана становятся те самые некомпетентные редакторы литературных изданий. Которые полагаются не на своё чувство стиля, а на портфолио автора.

Итак, авторы журнала не являются пострадавшей стороной. Но тогда откуда взялся скандал и кто его раздувает? Нетрудно убедиться, что основным очагом скандала в Интернете оказался блог Кристины Абрамичевой, являющейся главным редактором уфимского критического журнала «Гипертекст». На «ЛитБаш» навешиваются все мыслимые и немыслимые грехи, включая платные публикации и вымогательство у авторов денег, хотя это, мягко говоря, не соответствует действительности.

Приглядевшись, мы видим совершенно другую картину. Расуль Ягудин выпускает сетевой журнал, который благодаря «нарисованному» тиражу пользуется большей популярностью среди авторов, чем его местные конкуренты. Однако сетевое издание его не устраивает, и Ягудин переходит на print-on-demand, делая тем самым реальный шаг в будущее — к бумажному тиражу. При этом он предлагает авторам заплатить двадцать долларов — столько стоит печать и доставка номера, но это не является обязательным условием публикации. Именно эти двадцать долларов и основным предметом скандала: Ягудина пытаются обвинить как минимум в публикациях авторов за деньги, а как максимум в мошенничестве.

А что Ягудин? Скорее всего, он является первой ласточкой, по пути которой рано или поздно последует подавляющее большинство «толстых» журналов — переход на print-on-demand и распространение только среди своих же авторов. Потому что новое время диктует новые способы достучаться до читателя, что сложно сделать занесенным в красную книгу авторам из толстожурнального заповедника. Кстати, на западе многие англоязычные журналы уже пошли по этому пути. И был ли у них когда-то бумажный тираж сейчас уже совершенно неважно.

**Дэн ШОРИН, писатель,
создатель сайта InJournal.ru:**

ЗАПАХ КНИЖКИ

После нескольких опросов читательского мнения о том, в чем преимущество бумажной книги перед электронным текстом, выяснилось, что практически все крики сторонников бумажной продукции сводятся к одному весомейшему аргументу.

С книжкой приятно посидеть на диване.

В устных разговорах к дивану еще очень охотно добавляют запах книжек.

Все остальные причины оказались несущественными. Даже такая трогательная, как «с книгой в руках у меня умный вид». Устарела, видимо, причина. Для пускания пыли в глаза теперь бумажная пыль не годится. Или умно держим в руках очередной гаджет с кнопками, гордясь не своим умом — пусть машинка за нас умничает, или просто — плюем на умный вид.

Результаты вполне ожидаемые.

Книги переходят в другую категорию потребления. Если самое лучшее, что можно сделать с книгой, это угнездиться на любимом диване и, вдыхая аромат страниц, кайфовать под торшером, выпав из времени, то давайте расставим все по своим местам. Торшер трогать не надо, он на месте стоит.

Возьмете ли вы на диван — справочник, учебник, детективчик о приключениях Бешеного в мягкой обложке, из-под которой щедро сыплются плохо вклеенные страницы?

Или вы возьмете — толстый старый том, который еще бабушка перечитывала в юности, роскошно изданный художественный альбом, книгу любимых стихов?

Второе намного вероятнее. Наслаждения больше. А от справочной и учебной литературы толку больше, если текст открыт в компьютере или наладоннике, где по ходу можно делать заметки и выписки. И настроение за компом несколько более рабочее, чем под торшером.

Следовательно, если исключить книги старые и любимые, на внешний вид и качество которых давно уже наплевать (у меня есть несколько книжек Даррелла, изданных на газетной бумаге, в мягких обложках — любимое диванное чтение вот уже десяток лет), то какой должна быть диванная книга?

Хорошо изданной. Красивой. Со всеми возможными полиграфическими и дизайнерскими ухищрениями. Крепко переплетенной. И следовательно — дорогой.

Мало этого. Время с книжкой на диване уже само по себе довольно элитарное развлечение культурного меньшинства. Людей, что предпочитают говорить с книгой, с собой и с Богом — было и остается много меньше, чем тех, кто посмотрит в это время телевизор, зависнет ночью в онлайн-игре, или даже тех, кто привык занять глаза в дороге чтением детектива или бесконечного сопельного романчика.

Читатель, что идет к книге, специально выделяя на это свое драгоценное время. И читатель, что прихватывает книгу, чтобы занять пустое время. Это — разные читатели.

Я уже писала о том, что читатели чтения быстрее откажутся от бумаги, чем настоящие читатели. И ничего в этом революционного и не-леплого нет. Одна лишь голая логика. Все женщины, которых так любят сейчас упрекать в том, что уж с кпк они не справятся, поверьте мне —

справятся! Как справились за пару лет с мобильными телефонами и компьютерами на рабочих местах.

Ах, мужчины, что так любят тыкать женщинам в глаза их неумелостью в обращении с техникой! У меня вот в квартире висят написанные в отчаянии инструкции для мужа и сына — как управляться в мое отсутствие со стиральной машиной-автоматом, блендером и прочими кухонными приборами. Всего два года командировок повисели бумажки, и мужчины перестали копить носки к моему приезду. Радости и рассказов о покорении стиралки было выше крыши! Недавно совсем. Полтора года всего и понадобилось...

Основные читатели чтения — женщины. И с чисто женской практичностью они уж разберутся, что в наладонник влезет вся Даниэла Стил плюс Барбара Картленд плюс, ой, как много всего влезет!

А насчет освоения техники женщинами есть у меня еще один скрытый аргумент.

Несколько недель подряд я просматривала топы Самиздата. И несколько недель подряд в топах этих были исключительно романы авторов-женщин. Фэнтези и любовные. Вот такая динамика. Хочешь почитать любовную фэнтезию про то, как звездами сверкали его аккуратные остроконечные ушки, когда он присел разбудить главгероиню, изячно прикорнувшую в обнимку с мечом на лужайке среди бабочек — напиши ее! Пишут. Как думаете, пишут на стиральной машине или — уютно с парогенератором или — блендером с десятью насадками? Нет, милые. Освоили технику и пишут — на нормальном компьютере — те самые розовые сопки, которых так много в киосках под мягкими обложечками.

Но что-то я отвлеклась.

Итак, мнение. Книгоиздательство плавно займет нишу где-то по соседству с антиквариатом и роскошными подарками. Именные уникальные тиражи из нескольких книг, целевые подарочные издания, юбилейные издания, меценатство напоказ при издании отдельного подшефного автора (и хорошо, пусть будет — любое), книги в переплетах полностью ручной работы.

Появится спрос на старые технологии. Уже востребованы хорошие переплетчики, будут востребованы книжные художники — все те, кто способен сделать из просто книги практически произведение искусства.

Потихоньку вернется мода на книжные корешки в шкафах. И книга снова будет показателем финансового статуса их владельца. Только шкафы будут поменьше и выбор книг — поизысканнее.

Разумеется, соответственно вкусу заказчика. Я уже видела, к примеру, заказные тиражи стихов Есенина и Блока на розовой бумаге (!) высочайшего качества, с золотым обрезом (!!) и золочеными виньетками на каждой странице (!!!).

Но что поделать. Кто-то носит изящное серебряное кольцо, а кто-то — по килограмму золота с брюликами — на каждой выступающей или проткнутой части тела.

Но вот чего не будет, так это завалов дешевого некачественного чтения.

Не завтра. Но — не будет.

Елена БЛОНДИ (Бондаренко)

ПИССУАР ДЮШАНА КАК ПАРАЗИТНОЕ ИСКУССТВО

В отличие от Д. Шорина, мы совсем не в восторге от деятельности Расуля Ягудина на ниве мошенничества. То, что Ягудин действует вне правового поля, не заключает авторских договоров и нарушает устные, а не письменные обязательства о бесплатном предоставлении полиграфических услуг, совсем не значит, что ложь перестает быть ложью.

Эта статья Сергея АЛХУТОВА писалась совсем в другое время и совсем по другому поводу, но она чётко отражает паразитарную суть проекта, построенного на недобросовестной рекламе. Мы надеемся, что эта история станет уроком.

Марсель Дюшан, как известно, прославился тем, что принёс в 1917 году на выставку нью-йоркского Общества Независимых художников писсуар, выставил его в качестве произведения искусства и назвал «Фонтан». Обозначив такое искусство словом «Ready-made», Дюшан провозгласил, что любой объект делает произведением искусства лишь воля и подпись автора, контекст выставки или музея. Между прочим, в 2004 году «Фонтан» был признан «самым значительным произведением искусства XX века» (цитата с сайта «Газета.ру») благодаря тому, что ему было дано больше всего интерпретаций.

То есть понимаете, какая штука? Пока ready-made вещь типа писсуара или, скажем, станины от токарного станка привинчена к своему месту, она никак не интерпретируется, не воспринимается как знак и не имеет собственного смысла. А как только эту хрень притащили на выставку и выставили там как шедевр, она приобрела такое количество мыслей, что Леонардо да Винчи нервно курит холст с «Моной Лизой».

Как-то я заметил (и, надеюсь, доказал) относительно слов в предложении, что «...паразитизм в мире слов можно считать такую ситуацию, в которой одно слово в одностороннем порядке использует смысл, создаваемый другим словом или несколькими словами... неизвестные читателю/слушателю слова, значение которых воссоздаётся им по контексту фразы, используют смысл фразы для создания собственного смысла».

Но ведь и «Фонтан» Дюшана в одностороннем порядке использует смысл, создаваемый контекстом выставки и самим актом объявления писсуара произведением искусства! Объект, прежде неизвестный посетителю выставки как художественный, по волшебному слову автора и местоположению на выставке становится художественным. В отличие, скажем, от «Моны Лизы» или, например, «Гамлета», которые и в Африке произведения искусства.

Таким образом, «Фонтан» Дюшана можно считать паразитным произведением искусства. Что, в общем, не отнимает у него принадлежности к искусству, но и не делает ему чести. Кстати, элемент паразитизма, полагаю, можно найти и в пародии, и в банальном использовании аллюзий. Вот так-то.

Сергей АЛХУТОВ

АВГУСТ ШТРАММ: ТЕЛЕГРАММА, НАПИСАННАЯ КРОВЬЮ

Один из ярких представителей раннего немецкого экспрессионизма, Август Штрамм (1874-1915) вообще-то стихов почти не писал, но в историю вошёл именно как поэт. В 1909-1914 годах он приобрёл известность в берлинских литературных кругах своими драмами. С началом Первой Мировой его призвали на фронт, откуда он неожиданно начинает присылать своему другу, издателю Герварту Вальдену, множество стихов. Позднее из них составились небольшие сборники «Человечество», «Ты», «Мировая боль», «Каплет кровь» и др. До войны Штрамм работал в почтовом ведомстве, поэтому (то ли в шутку, то ли всерьёз) его лаконичный скупой стиль называли «телеграфным». Сам автор не успел увидеть свои стихи напечатанными: 1 сентября 1915 года Штрамм погиб под Кобрином во время атаки на русские позиции.

Караул

Крест башни вдет в звезду
Конь вдыхает мглу
Лёд дребезжит сонно
Рябь тумана
Трепет
Дрожь озноба
Гладит
Шепчет
Ты!

Патруль

Камни злобны
В окнах оскал измен
Сучья душат
Чащи с гор роняют шелест
Смерти
Звон.

Штурм

Со всех сторон пронзает страх желанье
Визг
Плеть
Жизнь гонит
Пред
Собой
Прочь
Одышливую смерть
Небо в ключья
Слепо всё вокруг кромсает ужас.

ОЛЬГА АНИКИНА

Ольга Аникина родилась в Новосибирске в 1976 году. Окончила Новосибирский Государственный медицинский университет, кандидат медицинских наук. С 2008 года живёт и работает в Москве, врач-диагност. Воспитывает сына, которому сейчас 11 лет.

Автор лирических стихов, поэм, песен, переводов, стихов для детей. Первая публикация — в 1990 году, в одном из заводских изданий г. Новосибирска. В 2004, 2007 годах — в газете «Вечерний Новосибирск». Лауреат фестивалей авторской песни «Юрга-1998», «Томск-1998» и других региональных конкурсов. В 2001 году вышел поэтический сборник «Первоцвет», в 2006 году — сборник стихов и поэм «Соло трепетным смычком». С 2009 года публикуется в сети.

Аникина — фамилия, под которой Ольга начала печататься. Потом фамилии менялись, как оно и бывает. Эта осталась как авторский псевдоним, хотя по сути именно её Ольга и считает настоящей.

Сначала мы хотели построить общение в форме интервью, но вскоре выяснилось, что Ольга прекрасно выражает свои мысли в форме монолога, и мы решили оставить только её прямую речь. И, конечно, стихи.

Живой журнал Ольги Аникиной: <http://olgabelle.livejournal.com>.

Ольга Аникина о себе

Взгляд на творчество. Пишу, потому что мне так легче жить. Можно называть это не поэзией, а созданием заговоров и мантр, которые помогают начать новый день или продолжить уже начатый. Я не считаю, что поэт — это обязательно рупор эпохи или её евангелист. Я не считаю, что поэт — это в первую очередь экспериментатор и мастер языка, создатель новых форм в литературе. Если в созданном новом море не плавают живая рыбка — кому оно нужно, это море, эти открытия и эти эксперименты. Если эта вода не спасает от жажды — зачем она, эта вода.

Но тем не менее я считаю, что в поэзии возможно всё, кроме неискренности. Возможны мысли моральные и аморальные, романтика и червоточины, и в первую очередь — именно в поэзии место несовершенству человеческой личности. Грехам, если хотите. Тёмным желанием. Глупым надеждам. Цинизму. Наивности. Всему. То же, чем отзовутся стихи, когда их будут читать — по моему мнению, — на совести и автора и читателя. Об этом не нужно думать в момент творчества. Творчество должно быть чисто от любых расчётов, в том числе — от расчётов морали и оценки потребностей читательских групп. Но это я начинаю говорить уже совсем банальные вещи.

Взгляд на личную жизнь. Мне кажется, несмотря на наличие (отсутствии) личного счастья поэт всё равно остаётся волком-одиночкой, который рыскает только по своим лесам. Или семья это понимает и принимает, и тогда все счастливы, или поэт на самом деле становится одиночкой, но уже в буквальном смысле слова. Или нужно оставить творчество. С другой стороны, мне не близко стихотворное нытьё о несчастной любви. Любовь у поэта должна быть. И она любая счастливая. Неизбежным в жизни человека творческого становятся перемены, постоянное ныряние то в творческий процесс, то в реальную жизнь, где у человека и функции другие, и голова работает совершенно по иным принципам.

Взгляд на то, что происходит вокруг. Общаюсь довольно мало, в силу очень большой занятости, поэтому мой круг общения ограничен только теми поэтами или авторами-исполнителями, чья искра греет меня, и никакого другого критерия у меня нет (кроме элементарной

поэтической грамотности, конечно). То же можно сказать о чтении. Посещение шумных тусовок ради того, чтобы других посмотреть и себя показать, для меня закончилось более 10 лет назад, и я считаю, это хорошо. Не могу назвать себя абсолютным фанатом какого-либо автора, всё творчество которого бы полностью ложилось на моё восприятие. Ближе всех много лет для меня остаются Борис Пастернак и Юнна Мориц. Считаю важным сказать, что руку и плечо в своё время мне подали замечательные поэты — ныне покойная сибирская поэтесса Нинель Созинова, сказочник Евгений Мартышев, бард и поэт Михаил Треггер. Ревниво и пристально слежу за тем, как пишут авторы, чьё творчество мне очень близко — Елена Касьян, Дмитрий Коломенский, Борис Рубежов.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Белый-белый, рыжий-рыжий...

жёлтый лист и белый лист.
рыжий клоун, белый клоун
по строке бросают слово-
словно мячик,
вверх и вниз.

а в небесном серебре —
золотые бумеранги.
белый ангел,
рыжий ангел,
прилетайте поскорей!

как вы нынче далеки...
как без вас мне одиноко...
рыжий локон,
белый локон
ах, коснётесь ли щеки,
чтобы рассыпью огней
солнце грянуло по крышам!

... белый-белый,
рыжий-рыжий
цвет у радости моей.

* * *

Кто в бубен стучит, кто трясёт решето,
блуждая в обилии тем,
а я всё влюбляюсь — то в это, то в то,
всё грежу то этим, то тем.

Не ратую за,
не борюсь супротив,
не жду, что же будет в ответ,
а вновь направляю кривой объектив
на, в общем-то, глупый сюжет.

Всех кошек и горлиц
несу я домой,
в кормушку им сыплю слова,
а после вздыхаю...
о, боже ты мой...
дурная моя голова...

* * *

Обернёшься — кругом осколки
да прозрачный весенний лёд.
Неизменны на свете только
одиночество и полёт.

Остальное бредёт не в ногу,
говоря с тобой ни о чём,
и лишь та для тебя тревога,
на которую обречён.

Вот и слушаешь скрип уключин,
и вода твоя высока,
и лишь тот для тебя попутчик,
для которого ты — река.

Но нежданно среди сумбура
опалит твою ночь без сна
неоконченной партитуры
раскалённая белизна.

Диптих

I. Молчание

Молчание — такой особый дар.
Оно — затем, чтоб отвести удар.
Оно — затем, чтоб погасить пожар
и развязать петлю на чьей-то шее,
покончив с опостылевшей игрой.

И, чтоб навеки не покинуть строй,
мне кажется, молчание — порой

единственное верное решенье.

В молчании не спрячешь пустоту:
она всплывёт и будет на виду,
и глупость не уместится во рту,
и камни с губ покатаются в передник.
Ни трусость, ни предательство, ни ложь
в его тяжёлый плащ не завернёшь:
когда святой молчит среди святош —
оно — плохой посредник для последних.

И громче колокола во сто крат
молчание умеет бить набат.
Молчание — мой маленький солдат,
мой стойкий, оловянный, одноногий.
Молчание моё на сердце спрячь.
ты мне поверь, оно хороший врач.

И опускает маленький трубач
трубу.
И тишине внимают боги.

II. Неведение

Я не знаю, что будет потом, но сейчас это так:
я лелею неведение. Многие знания — к печали.
Помнишь, как обличали, но участи не облегчали
распродажные правды, что стоят то грош, то пятак?

И, когда ты начнёшь их по площадкам делить, разливать,
мне полпорции хватит, спасибо, добавки не надо.
Что за этой скалой, что на той стороне камнепада —
я не знаю, и мне, как ни странно, на это плевать.

Сны похожи на рыб и бояться чужих голосов.
И когда в темноту уплывут их блестящие спины,
ты одно мне скажи: что мне делать с моей половиной,
с этим светом бессонным, с навязчивым стуком часов?

Чтоб покоя хватило, его мне приходится красть.
А под окнами бродит слепая, бездомная буря,
и скулит, и скребётся, и правду проглотит любую...
И мне нечего бросить в её ненасытную пасть.

* * *

В тенетах строк ночуют имена,
и видят сны, не зная друг о друге,
и часто просыпаются в испуге,
и ночь для них мучительно длинна.

Ворочаются, ждут, что выйдет срок,
им зябко в междустрочьях полутёмных,

● КУНСТКАМЕРА

и каждое из них — слепой котёнок,
подброшенный людьми на мой порог.

Все домыслы пусты,
расчёты врут,
а память размывается и тонет...
Но имена... мне тычутся в ладони,
и снятся мне, и плачут, и зовут.

Маленький человечек

маленький человечек, маленький человечек
тоненько плачет, молится боженьке: «боже,
ну сделай меня хотя бы чуть-чуть,
хотя бы немножко побольше...»
и так каждый вечер.

он хочет вырасти духом, он верит асанам и мантрам,
цитирует шопенгауэра, задумывается о вечном,
имеет твёрдые принципы, почти не ругается матом,
но всё равно он всего лишь
маленький человечек.

и пусть как нельзя блестяще сложилась его карьера,
он ручками нервно машет, когда бежит на работу.
он глупости отменяет, во всём уважает меру
и водит авто, и вообще он мачо на этом фото,

но дело-то в том, что он всё равно остаётся маленьким,
и всё у него игрушечное, как будто бы понарошку,
и боженька спит, ворочается — под ухом жужжат комарики,
а маленький человечек злится
и топает маленькой ножкой.

Доктор

Старый доктор, который умеет лечить положительно всё
(так считают больные, а значит и правда умеет),
Вышел из магазина. Аккуратно в пакете несёт
Колбасу и пол литра.
Не то, чтоб зелёного змия
он приваживал по вечерам — он давно с ним знаком,
но приятельства нет.
Повозившись немного с замком,
доктор шаркает тихо по лестнице вверх на этаж.
Лифта нет, а одышка — пустое, ведь возраст не спрячешь,
словно паспорт, в карман.
А ему ведь по виду не дашь всех его долгих лет!
И, конечно, большая удача — столько жить и быть нужным.
Но думает он не о том.
Старый доктор
в прихожей
снимает пальто.

● БЕЗУМНЫЙ СЛОВАРЬ

Он снимает костюм, и на стул по привычке его
Очень бережно вешает и про него забывает...

Он стакан достаёт и пол литру свою открывает,
И строгаёт свою колбасу. И не знает, с чего
Начинать свой обряд.

Старый доктор подходит к окну.
Открывает. На небо глядит. Произносит задумчиво: «Ну,
будь здорова ты — там, где пока что меня ещё нет».

Пьёт, и видит далёкой звезды обжигающий свет,
Пьёт, и слышит какой-то ему лишь понятный ответ,
Да, он знает так много, прожив столько зим, столько лет...

«Будь здорова ты — там, где пока что меня ещё нет».

Цейтнот-бессонница

I.

Нового дня
в ночи обнаружив завязь,
я лепестки срываю
нетерпеливо.
То не бессонница даже,
то жадность, зависть
к тем, кто успел сегодня
побыть счастливым.

Чтоб удержать убегающих
без оглядки,
чтобы секундам
некуда было деться,
я отрываю крылышки им
и лапки.
(Очень плохая привычка.
Осталась с детства.)

Чтобы успеть — немножечко,
ну немножко, —
соң, как футбольный мяч,
в темноту пинаю.
В клюв воробьиный свой
собираю крошки,
вижу друзей — в сети...
И в воспоминаньях...

Лягу в полтретьего,
выйду из дома в восемь.
Утро — моё проклятье
и наказание.
(... Ты, моё счастье, скажи:

● БЕЗУМНЫЙ СЛОВАРЬ

ты меня не бросишь
из-за одних моих
синяков под глазами?)

Да, я мечусь,
я гоняю метлой тревогу,
одновременно
вращаясь в трёх измерениях. . . .

Ты позвонил.
Ты заехал на час.
Слава Богу.

Значит, я правильно,
крепко держала время. . . .

II.

Ты позвонишь, ты приедешь на час, на два,
я протяну к тебе руки сквозь сумрак мутный.
Ты обречённо вздохнёшь
и скажешь слова, слова
те, что уже бессмысленны почему-то.

Пара глотков, и чаша уже пуста.
Прячусь от злой ухмылочки циферблата.
Ты соберёшься, скажешь: « Устал. Устал»,
И на пороге вспомнишь, что это когда-то
было с тобой немалые сотни раз,
Эта тупая улыбка, похмелье ночи. . . .

Вот. Это, в общем, всё, что осталось от нас.
Радуйся, если можешь.
Нет? Ну тогда — как хочешь.

Её дела

*. . . если захочешь иметь детей,
то тебе придётся их делать самой.
одни выходят замуж, другие живут
сами по себе со мной. . . .*
Дмитрий Артис

Она для тебя
как игра в очко,
о проигрыше не жалеет.
Она тебе
не должна ничего,
ты тоже не должен ей.

Ты встанешь через
пятнадцать минут —
она ещё будет лежать,

● ФАНТОМ

и ты не обязан
знать, как зовут
всех плюшевых медвежат,

всех старых кукол без рук и ног,
всех отчимов и отцов,
ты будешь помнить —
подъезд, звонок,
но чтоб вспоминать лицо?..

К чему тебе
головная боль,
всё сходит и так, и так.
И если ей
хорошо с тобой —
то это её косяк,

то это её
календарный мрак,
лишь только её дела.

. . . Не стоило, детка,
голодных собак
прикармливать со стола.

* * *

Я засушиваю хризантемы,
чтобы их целовать зимой.
Я завариваю надежду
со смородиновым листом.
От тоски лечусь, как умею,
и рецепт этот только мой.
Я учла все твои советы,
но оставила на потом.

Я опять, уходя с работы,
оставляю включенным свет,
забываю в метро перчатки,
в супермаркете — кошелёк.
Чтобы мух не цеплять на вилку,
как и прежде, не ем котлет,
ухожу и не жду, что кто-то
и куда-то меня пошлёт.

У меня кавардак в прихожей,
протекает на кухне кран,
и пример из тетрадки сына
я никак не могу решить. . . .

Я завариваю надежду,
пару ложечек на стакан,
и становится чуть теплее,
и немножечко проще жить.

«ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ»-VI. БОРТОВОЙ ЖУРНАЛ

День первый

Начать рассказ о Шестом фестивале современного искусства «Пересечение границ» мне хотелось бы с поклона директору лицея №590 Каменскому. Чтобы провести фестиваль на достойном уровне, Алексей Михайлович сбежал на три дня из больницы (!). Кроме того, он пригласил нас с Наташей к себе переночевать и лично встретил меня на вокзале с нашей передвижной лавкой.

Конечно, это было безумием, устраивать фестиваль именно так: без привлечения каких-либо финансовых средств, исключительно на собственных связях. Но ведь у «Пересечения границ» никогда и не было никаких коммерческих целей, одни только просветительские. Именно поэтому ранее фестиваль проводился в Литературном музее Казани, выставочном зале Нижнего Новгорода, а вот теперь доехал до лицея №590 — на первый взгляд, самой обычной автовской школы.

В первый раз в нашей практике мы с женой ехали на фестиваль по отдельности. Как раз когда я добрался до Петербурга, Наташа встретила в Москве с Сашей и Альбиной Вишнёвыми, чтобы ехать на фестиваль на машине. К счастью, дорога сложилась благополучно в обе стороны.

Открытие фестиваля было обставлено торжественно. В актовом зале собралось множество народу, причём детей было не менее чем две трети (фестиваль — дело добровольное, пришли только те, кто действительно им заинтересовался). По стенам лицеисты развесили картинки с полярными сюжетами — в честь фестиваля в школе прошёл конкурс детского рисунка. К сожалению, я влетел в зал за полчаса до старта, и успеть разложить книги на столе было просто невыполнимо. Тут же ко мне подошли тележурналисты. Я давал интервью, практически не прерывая работы с книгами. За книжным прилавком я попросил посидеть свою старую знакомую — писательницу Эмилию Галаган или, попросту, Людмилу. К счастью, Люда подошла вовремя. «Алексей, пожалуйста, в президиум!», — пригласили меня, и я поразился ещё раз тому, как всё серьёзно (ранее мне сообщили, что сценарий проведения фестивальных мероприятий был утверждён на подсвете).

Гостями фестиваля были художники объединения «Остров» и главный редактор газеты «Аномалия» Татьяна Сырченко — красивая женщина со строгой осанкой и какой-то медалью на кофточке (издалека не разглядел), ничем не похожая на профессионального уфолога. После того, как начало фестиваля, наконец, закончилось, все пошли смотреть картины «островитян», также посвящённые крайним широтам. Тут-то и выяснилось, что редакция «Аномалии» находится в соседнем доме с клубом «Res Time», где нам с ребятами (то есть, группе «Происшествие») предстояло сыграть концерт. Татьяна пригласила нас в гости, и эта идея мне очень понравилась, но, как выяснилось позже, найти время на визит было гораздо сложнее, чем хотелось бы.

Общение с художниками было затруднено тем, что в Москве они ни с кем не были знакомы, кроме художников, а я был совершенно не в теме изобразительного искусства и только удивлялся их приёмам коммуникации. Запомнилось две реплики:

— Алексей, мне кажется, у вас есть брат. В Гамбурге. Он как вы... — художник Ярослав не сразу нашёлся со словами и прочертил в воздухе замысловатую кривую линию, — ...похож, короче!

Нина Крinoчкина, Наталья Караковская, Василиса Сатирская.

— Москвичи могут уезжать домой, — недовольно забухтел другой живописец, — а вот челябинский рок я бы послушал!..

— Да какая разница, кто откуда, главное выйти за пределы городского контекста! — горячо возмутился я, и мой собеседник был вынужден согласиться. Упоминание татарской аккордеонистки, кажется, окончательно примирило его с нашей московской пропиской, но на концерт он всё-таки не пришёл.

Мы наскоро хлебнули чаю и пошли в кабинет информатики: начался телемост — концерт авторской песни, входивший в план газпромовской образовательной программы, но Каменский приурочил его к фестивалю (тем более, что и тема хорошо подходила). Так как хэдлайнер (лауреат Грушинского фестиваля Сергей Данилов) опаздывал, телемост пришлось открывать мне — человеку, находящемуся совершенно вне контекста авторской песни и не любящему её как таковую. Страшно стеснясь, я решил остановить свой выбор на безобидной песне «Чаечка». Вскоре выяснилось, что под авторской песней участники телемоста понимают любительское исполнение хитов этого жанра, и я успокоился.

Кроме нас, в телемосте принимали участие школьники и учителя городов Бобров и Старый Оскол (Белгородская область), Мценск (Орловская область), Райчихинск (Амурская область) и курсанты кадетского училища в посёлке Уркаш республики Марий-Эл. Каждая школа чем-то запомнилась. Старшеклассник из Старого Оскола спел песню собственного сочинения и приглашал на городской фестиваль авторской песни. Школьники из Мценска были настроены весьма непримиримо и предлагали различные варианты насильственного искоренения попсы. Бобровчане оказались крайне артистичны. В Райчихинске по случаю пригласили местную исполнительницу авторской песни с 15-летним стажем (к началу трансляции в Амурской области было девять часов вечера!). Кадеты и кадетки из марийской глубинки были одеты в парадную форму и смотрелись необычайно здорово — особенно, девочка с гитарой, исполнившая что-то из КСП-шной классики. Преподаватель был по-военному чётко и выразил такую уверенность в повсеместном распространении авторской песни, что вызвал улыбку даже у боевитых мценцев.

После окончания телемоста Данилов пел песни и рассказывал байки. Трудно даже сказать, что у него получалось лучше — очень располагающий к себе человек. Историю про то, как он носил свои записи Дольскому,

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

я запомню надолго. Поводом для встречи с легендарным бардом послужила хоккейная клюшка — её попросили передать ему игроки челябинского «Трактора». «И здесь она меня настигла...», — грустно сказал Дольский, когда проникший за кулисы Данилов радостно протянул ему искомый девайс. Как выяснилось, Дольский специально забыл эту клюшку в Челябинске — но от нас, уральцев, так просто не отделаешься!

Вскоре Данилов уехал, а я попел песен в компании оставшегося в кабинете десятка человек. Всё закончилось в четыре часа дня, и мы с Людмилой решили поехать погулять в центр города. Под неторопливую беседу прошли от Садовой через Казанский собор на Васильевский остров. В городе вроде бы ничего не поменялось. И всё-таки, как это часто бывает в Петербурге, мы наткнулись на какие-то неожиданные вещи — сваренный из мельчайших металлических деталей и покрашенный в чёрное скелет (он принадлежал рок-магазину в торце здания), термоядерно-розовый «Фольксваген-жук», припаркованный на обочине.

Вскоре позвонила Василиса Сатирическая — писательница, основательница литературного салона «Пятый этаж», перебравшаяся в Петербург с берегов Волги четыре года назад и ставшая за это время моим самым близким товарищем в северной столице. Правда, теперь Васюта несколько пресытилась литературой и направила свою организационную энергию в музыкальную сферу. На фестивале Василиса по традиции должна была вести литературную программу, но на самом деле гораздо более важным вкладом с её стороны была организация рок-концерта — в единственно возможный для этой цели день и на очень эстетской площадке. Помог ей в этом известный питерский культуртрегер Дмитрий Гороховский, за что ему отдельное спасибо.

— Встречаемся через полчаса на Василисоостровской, — сообщил я Люде, и мы пошли к метро, пробираясь сквозь причудливое питерское бездорожье.

Василиса пришла усталая после работы, да и мы были вымотаны. Поговорив о фестивале, поняли, что всё возможное уже сделано, и лучше отпустить ситуацию. Прогноз оказался верным: в конце концов, все проблемы благополучно решили себя сами. Ночью приехала Наташа, и можно было готовиться к следующему дню, который должен был стать самым важным.

День второй

Наутро я поспешил к школьному автобусу; Наташа осталась дома досыпать. Автобус ехал к паруснику «Мир», одному из наиболее быстрорходных судов не только российского парусного флота, но и мира. Фрегат выиграл множество гонок, логотипы которых покрывали практически все имеющиеся в наличии стены. Экскурсию для участников фестиваля, в число которых вошли я, Люда, Гороховский с девушкой и ещё несколько человек, проводил старший помощник капитана. Кроме того, нас сопровождали Пётр Васильевич Томпсон — полярник, мореплаватель из академии Макарова — и биолог Николай Владимирович Ловелиус, специализирующийся на флоре Крайнего севера.

Корабль готовился к навигации, но паруса на пятидесятиметровые мачты ещё не натянули. В рубке Ловелиус интересовался навигационными приборами, а я уткнулся в приказы личному составу, из которых особо любопытной была инструкция по утилизации мусора. Тут же у бортового компьютера болтался свежотпечатанный список дней рождений личного состава, приходящихся на время плавания. В специальном шкафу виднелись сигнальные флаги. Из камбуза вкусно пахло готовящимся обедом.

Эмилия Галаган и подведомственная ей книжная лавка фестиваля.

Кто-то (кажется, Ловелиус) задал вопрос о женщинах на корабле. Старпома аж перекосило.

— И не спрашивайте меня, это ж больная мозоль! В старину люди не врали, на море от женщин и вправду одни неприятности. Ладно бы одна, а когда их несколько, сядут в углу и давай трепаться... — он осёкся, поняв, что сболтнул лишнего, — Вы только неправильно меня не поймите, им же самим трудно преодолевать такую нагрузку.

Для убедительности он стал рассказывать о том, как тяжело приходится курсантам-морьякам, как тяжело управляться с парусами и вообще находиться в замкнутом пространстве вдали от дома. При хорошем ветре наклон борта парусника достигает 10-25 градусов — попробуй, походи так весь день! Слушая старпома, я рассматривал парусник вблизи. Кроме деревянной обшивки палубы, всё на нём было сделано из металла и отличалось от тех посудин, на которых мне доводилось плавать (катера, паромы), разве что площадью помещений и сложностью устройства. Было совершенно ясно, что сам по себе корабль в повседневной жизни далёк от романтики, точнее, романтика живёт в самом смысле, которым проникнут фрегат, в энергетике и эмоциях команды.

Вскоре автобус возвращался в Автово — там нас уже ждал актёрский зал лица, набитый зрителями — в основном подростками. Должна была состояться пресс-конференция, в которой приняли участие Томпсон, Ловелиус, добравшийся до лица барабанщик «Происшествия» Саша Умняшов (он представлял на фестивале арктический сектор НИИ культурного и природного наследия России) и я. Кроме того, вместе с Томпсоном приехало несколько парней 20-22 лет. Это были матросы, рядовые участники двух полярных экспедиций. Вторая из них пробиралась через четырёхметровые льды, чтобы спасти терпящую бедствие полярную станцию «СП-38». В изложении ребят этот маршрут казался увеселительной поездкой: они показывали фотографии со льдами и белыми медведями, балагурили (особенно на тему того, что в ледяную трещину провалилась стационарная баня) и вообще вели себя непринуждённо. Потом Умняшов произнёс запомнившуюся речь о том, что мы живём в «негероическое время», и эту негероичность приходится постоянно преодолевать. Я дополнил его слова, сказав, что не столько время негероическое, сколько пиар у героизма плохой.

Александр Вишнёв («Происшествие»), Альбина Вишнёва («Происшествие»), Кирилл («География»), Алексей («Res Time») Алексей Караковский («Происшествие»), Наталья Караковская («Происшествие»), Александр Умняшов («Происшествие»).

— Какие же взрослые эти дети! — удивлялся потом Саша Умняшов лицам, собравшимся в зале, — между ними и нами совсем небольшая разница в возрасте!

— Ты просто в школе не работал, — отвечал я, — когда я был учителем истории, мои ребята были младше меня всего на восемь лет!

После пресс-конференции мы сели в машину и поехали в сторону клуба. Посетить редакцию «Аномалии» мы уже не успевали, к тому же надо было настроить аппаратуру и настроиться самим. В шесть часов к неприметной двери на Английском проспекте с разных сторон подошли двое — я и Вишнёв. По условному сигналу нам открыли, и мы приступили к делу. Звучком занимались Алексей (заведующий клубом) и лидер группы «Небослов» Илья Прозоров. Именно благодаря этим людям всё прошло замечательно. В промежутках между настройкой мы бродили по клубу, удивляясь его интерьеру: в свободное от концертов время помещение выполняло функции фотостудии.

Вскоре приехала Василиса Сатирская; подтянулись музыканты остальных трёх групп. Васюта занималась продажей билетов, что не мешало ей подпевать всем нашим песням и вообще получать удовольствие от концерта. Люда расположилась рядом с кофром от аккордеона, внутри которого мы живописно разложили предназначенные для продажи книги, журналы и диски. На концерте присутствовало множество знакомых петербуржцев — Никита Бомкин, сделавший когда-то первый клип «Происшествия», писательница Ирина Павлова с мужем, известные мне сто лет Володя Рвачёв и Оля Пышняк, и другие. Всего собралось человек тридцать-сорок, что, по сути, совпадало с вместительностью зала.

Выступали по очереди «Аэроглиф», «Небослов», «Происшествие» и «География». Подробно впечатления я здесь излагать не буду, скажу лишь, что у всех музыкантов в этот вечер были лучшие побуждения, и в итоге это сложилось в мощный эмоциональный резонанс, проявившийся на полную катушку по окончании концерта. Мы все радовались как сумасшедшие (особенно питерцы из «Географии»), и я вдруг подумал, что теперь понимаю, почему футболисты после матча обмениваются футболками. Выплеск энергии длился совсем недолго, но за это время все присутствовавшие в зале показали нам близкими и дорогими людьми.

День третий

Наутро Наташа уехала в Москву, взяв на борт Вишнёвых, а я остался проводить литературную сцену и закрывать фестиваль. Строго говоря, вела мероприятие Василиса Сатирская, но мы с Каменским пару раз вмешивались в процесс. Народу собралось всего десятка два — видимо, публика выдохлась под конец фестиваля. Я пообещал девочке, пришедшей в зал самой первой, выбрать книгу в подарок, и она, к моему удивлению, попросила сборник стихов Давида Паташинского. «Хороший вкус у лицезистов!», — отметил я.

Выступали Филипп Алигер, Ирина Павлова, Александр Дорогин и Нина Энская. Живее всего зал реагировал на Павлову (она читала детский юмористический рассказ), но, в принципе, каждый автор удачно занял свою нишу, и действие смотрелось гармонично. Под конец я сыграл несколько песен, а Каменский произнёс заключительное слово. Таким образом, фестиваль был закрыт.

К метро мы ехали небольшой компанией: я, Дорогин, Сатирская, Людмила Галаган и поэтесса Алла Зиневиц. Алла попросила как-нибудь по-особенному подписать ей экземпляр «Контрабанды», и я с серьёзным видом вывел на форзаце следующее: «КОГДА МЫ ПРИДЁМ К ВЛАСТИ, ПРЕДЪЯВИ ВМЕСТО ПАСПОРТА. ¡Libertad o muerte!». Потом по дороге я зачитывал вслух излюбленные журнальные телеги, и мы заставляли хототать весь троллейбус.

Потом было много ещё чего: беседы об издательском бизнесе с Людой, поездка на Пискарёвку, вечер с гитарой у Василисы Сатирской и серьёзный разговор о музыке с Сашей Ветровым, такси до угла Невского проспекта и Пушкинской улицы (что было вдвое дешевле, чем до вокзала), обратная дорога с Умняшовым и Прозоровым, которые в течение воскресенья успели дать ещё два концерта в Петербурге. Наташа к моменту моего отъезда из Питера благополучно добралась до дома.

Ну а по прибытию мы открыли новый сайт группы «Происшествие» — proishestvie.org. Кстати, почитать о фестивале «Пересечение границ» и о наших планах на будущее можно на сайте frontier-fest.ru.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

Ирина ПАВЛОВА

БАБУШКА ДЛЯ ВСЕХ

У некоторых бабушек есть такое свойство — надоедать. Просто вписано в них это свойство. Вот и у Аньки была именно такая бабушка. Не бабушка, а биоробот какой-то. Ну не может же нормальный человек по несколько раз на дню повторять: «Поешь супчик, внученька!», «Какая ты у нас худенькая, внученька!», «Съешь котлетку, внученька!», «И еще одну съешь, внученька!», «Ты мало кушаешь, внученька!». Не может! Вот Анька же не говорит бабушке по сто раз на дню: «Какая-то ты ненаигранная, бабулечка! Быстро садись за компьютер и играй!» Или: «Какая-то ты ненасмотренная! Там по телевизору мультики начались. Посмотри! И еще посмотри!» А бабушка все повторяет и повторяет, внученькает и внученькает.

И тогда Анька решила бабушку продать. По телевизору как раз недавно рассказывали, что одна девчонка из Германии так сделала. Анька тоже в Интернет вышла, объявление написала, перечислила в нем все положительные бабушкины качества. Фотографию бабушкину повесила. «Цена — договорная» — подписала. Сидит. Ждет.

Письма так и повалили. И на русском, и на английском и на других каких-то языках. Анька в них плохо разбиралась, поэтому непонятные письма решила сразу удалять. А те, что понимала, стала читать.

Писали Аньке разные люди. О том, что у него никогда-никогда не было бабушки, писал мальчишка из Урюпинска. Ему было обидно, что почти у всех в классе бабушки есть, а у него нет. А хочется. И пускай Анька назначает любую ценную. У него в копилке много денег. Он начал собирать их на ролики. Но ролики могут подождать. А такая замечательная бабушка, как у Аньки — никогда!

Писал Аньке студент. Вернее, целое студенческое общежитие. Потому что у самого студента денег было не много. Но они всем общежитием скинулись, потому что решили, что бабушка им просто необходима. Студенты писали, что им тут, в общежитии очень не хватает вкусных котлет, горячих супов и румяных домашних пирожков.

И даже крупный бизнесмен написал Аньке. Бизнесмен вспоминал, что все детство провел в деревне. И там бабушка поила его молоком и кормила яблочным пирогом. Он тогда не понимал, как это здорово и от молока отказывался. А сейчас понял, да бабушки уже нет. И если Анькина бабушка умеет доить корову или хочет этому научиться, он с удовольствием купит и корову, и дом и даже целую деревню, и Анькину бабушку туда увезет.

Писал Аньке одинокий дедушка. Он уже давно где-то потерял свою бабушку, и поэтому новая была ему теперь просто необходима.

Письма все приходили и приходили. Анька задумалась. Раз бабушка так всем нужна, может она не такая уж и плохая. И передумала её продавать.

А тут еще телефон зазвонил. И хотя Анька хорошо помнила, что номера телефона в объявлении не давала, на всякий случай осторожно взяла трубку и осторожно спросила: «Алё?» — вдруг спецслужбы тоже заинтересовались Анькиной бабушкой. Но это оказалась мама:

— Анна, — строго спросила она. — Ты случайно не знаешь, почему это меня на работе все спрашивают, сколько стоит наша бабушка и не жалко ли нам её продавать?

— Не знаю! — испуганно пискнула Анька в трубку, потому что голос у мамы был очень сердитый.

— Вернись с работы — поговорим!

Не успела мама повесить трубку, как телефон снова зазвонил.

— Алё? — испугалась Анька.

— Кто это у нас в доме работоторговлей занимается? — горячился на том конце трубки папа.

— Никто, — на этот раз первой трубку бросила Анька.

Родители пришли, когда перепуганная Анька получила 11138 письмо. К этому времени она уже успела стереть объявление о продаже бабушки и написать вместо него: «Бабушка не продается. Это была шутка». Но посыпались возмущенные письма от «покупателей»: «Какие глупые у вас шутки», «Нельзя же так людей обнадеживать». А одинокий дедушка написал: «Не судьба. . .» — и грустный смайлик в конце поставил.

Родители стали в Анькину комнату ломиться. Разговоры серьезные воспитательные проводить решили. Спасла Аньку бабушка:

— Что вы, — спрашивает, — к ребенку пристали? Подумаешь, решила бабушку продать!

— Ничего себе подумаешь! — возмутилась мама.

— Сегодня она вас продает, а завтра меня! — вспыхнул папа.

— Никого она больше продавать не будет, — пообещала бабушка.

А Анька высунула нос из комнаты и подтвердила:

— Я уже не продаю. Они сами все пишут.

И тут в дверь позвонили.

— Кто бы это мог быть? — Удивились родители.

— Покупатели! Вычислили секретные службы! — Испугалась Анька.

А бабушка смело открыла дверь. Тут же защелкали фотоаппараты, засверкали вспышки. В квартиру ввалились журналисты. Они снимали впадших в ступор родителей, тыкали микрофонами в Аньку, наперебой задавали вопросы бабушке.

Бабушка сначала смущенно молчала, а потом сказала, что хочет сделать официальное заявление и пускай его на все языки мира переведут. Журналисты дружно закивали и направили камеры с микрофонами на бабушку.

— Уважаемые несостоявшиеся покупатели меня! — Обратилась в камеры бабушка. — Я очень рада, что пользуюсь такой популярностью. Но все мы прекрасно знаем, что людей продавать нельзя. Люди — это не вещи.

— А иначе это рабовладительство какое-то получается! — Влез в обращение папа, но его тут же убрали, чтоб он бабушку не загоразивал.

А бабушка продолжала:

— Но вы не расстраивайтесь. Я вижу, как много людей нуждается в бабушке. И я решила, что настало время исполнить мою мечту. — Тут мама с папой удивленно переглянулись. А бабушка посмотрела на них, улыбнулась и заговорила дальше. — Я давно мечтала отправиться в путешествие. Повидать разные города и страны. Теперь я смогу это сделать и побыть для каждого из вас бабушкой хотя бы на один день, бесплатно.

На этом свое обращение бабушка закончила. Журналисты её еще немного поснимали и уехали. Мама с папой устало вздохнули. Анька тоже вздохнула и выключила компьютер. А бабушка ушла паковать чемоданы.

Сначала родители её отпустить не хотели. Но бабушка сказала:

— Эти люди нуждаются во мне, — и родителям пришлось согласиться.

Больше Аньке бабушка не надоедала. Теперь Анька даже скучала по ней. Да и как может надоесть бабушка, которую видишь только на фотографиях. То она плещется в голубом море с дельфинами, то катается на спине большого индийского слона, то учит женщин какого-то африканского племени печь пирожки. Однажды даже фотографии на фоне Великой Китайской стены прислала. И только иногда Аньку все-таки передергивало. На обороте каждой фотографии бабушка писала один и тот же вопрос: «Внученька, ты покушала?».

Филипп Алигер. Будни Хитча Хайкера

Еще б я мог себе позволить
Носить негрязные ботинки,
С зубною ниткою лохматой
Не расставался б никогда,
Когда б не шел. — Хожу, доколе
Земля как мятная пластинка
Порой желает быть помятой
Из года в год, через года!

За мною лес встает стеною,
Передо мною — блеск заката;
Моя дорога, как кривая,
Слегка косится на меня;
А дом — все дальше за спиною;
Но солнце выглядит... (под катом).
Я утвердительно киваю,
Что кеды надо б поменять.

Пока же — мелкой дрожью трассы
Мои исполнены колени,
И ароматы тонких улиц
Взрывают мой эстонский мозг;
В вагоне сто второго класса
Мы не скрываемся от лени,
Но мы летим быстрее пули! —
В недоуменьи паровоз...

Мы бродим в дебрях автостопа,
Чтоб обновлять воспоминанья. —
Жизнь состоит из перекуров
Меж воплощением и мечтой...
Уж нам и Африка — Европа,
Уж нам и родина — изгнанье,
И даже собственная шкура
Уже нам кажется не той... .

«А помнишь, на Большом каньоне
Мы в бездну свешивали ноги,
Глядели в каменное небо
И пили пламенный глнтвейн!» —

Она в ответ: «Да че ты гонишь?! —
Он десять раз остыл в дороге!»
И полон праведного гнева
Излом взметнувшихся бровей... .

— А помнится, когда-то ты
Мечтал поехать в кругосветку!
— Да, были славные мечты... . —
Но променял я их на Светку.

Александр Дорогин. Испанские письма

1.

Я тебя покидаю, adios, прекрасная Каталина.
Нет ни денег, ни славы, только храброе сердце и имя.
Ты ж жди меня и расти моего (то есть нашего) сына.

Верю, что я найду только свой золотой Эльдorado —
Затерянный город, солнцем слепающим залитый; на плато,
В горах, высоко, спрятан он от чужого и жадного взгляда.

Там далеко я найду своё счастье — улягутся бури —
И мы купим и домик, и сад в нашей Эстремадуре,
И будем утро встречать мы вином из своих винокурен.

А пока покидаю тебя, глядя за море, где моя цель.
Я вернусь, очень скоро, всего через несколько сотен недель.
Жди меня, Каталина, я твой навсегда, кабальеро — Мигель.

2.

Здравствуй, милая Каталина,
Я не видел тебя столько лет.
Я стою на вершине мира,
Подо мною весь новый свет.

А свет солнца так спит, что даже
Я не вижу куда иду.
Но я верю, что он мне подскажет,
И я Эльдorado найду.

Он лежит за тем перевалом,
Близко — можно рукой достать,
Иль за тем, что в дали туманной,
Далеко, что и не увидеть.

Я вернусь к тебе, как победитель.
Победив или гордость, иль цель.
Жди меня, моя счастья обитель,
Я вернусь, твой вечно Мигель.

Нина Энская. Из «Соловецкого цикла»

...На полустанке — ласковая псина...
...Полоска леса, белая вода...
Сосна, береза, крепкая осина.
трясина... драгоценная руда...
Какие там онегинские ямбы,
какие там сонетные венки?
...А по дороге «-сельги», «-ярви», «-ламбы»,
последний огородик у реки..
Горелый Мост... Разбитая опора...
Пуста вода — ни чайки, ни чирка.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Неумолимо трасса Беломора —
стволом в упор у правого виска.

СОЛОВКИ.

Паруса и флаги— до дыр...
Все песчинки—останки скал...
Кто-то уходил в монастырь,
Кто-то под него попадал...
По колено—взрослая ель,
голубика — выше берез.
Приполярная параллель,
Непривычно ласков Зюйд-Ост.
Нет ни ужасов, ни страстей,
Ни причудливо жутких снов.
Просто в этом торфе костей
больше, чем на берегу валунов.

...Лицо в беломорских брызгах,
Речушка — таежный чай..
Карелия — это близко—
не Усурийский край...

Невидимые поселки,
Приметные валуны.
Напоминают елки
Древнейшие плауны.

...Свою трехтонную массу,
Со скрипом вез грузовик.
Должно быть, кольскую трассу
Перекопал ледник.

Перепахал — и тает
В болотах и ручейках.
Мурашками пробегает
под лямками рюкзака.

Ущелья, ручьи, пороги—
Следы ледяной коры.
История, а в итоге —
Куски Медвежьей Горы.

Карелия — это близко...
Медвежьей Горы куски...
Лицо в беломорских брызгах.
... Дорога на Соловки.

Иван Контарев. Песни

ОКУДЖАВА

Когда Окуджава был молодым,
Тогда мегаполис был чуть зеленее,
И воздух был чище, и небо светлее,
И были заметны людские следы.
В те годы «Агдам» казался чуть слаще,
И «Беломор» источал синий дым,
И все за туманом ехали в чашу
Когда Окуджава был молодым

Когда Окуджава был молодым,
И каждый мечтал стать космонавтом.
Поэты на площади несли свою вахту
И каждый был первым, и не был вторым.
Когда еще не было второго Арбата,
И он был не старым — он был одним...
Арбат не имел младшего брата,
Когда Окуджава был молодым

Обычный бульдозер стал модным критиком,
Легко разметав два десятка картин.
Искусство так странно смешалось с политикой —
Политика стала чем-то другим.
Когда Окуджава был молодым
И все господа еще были товарищи,
И в контратаке в три нападающих
Вратарь нашей сборной был непобедим.

Быть может излишне раскапывать прошлое?
Пускать пустой меланхолии дым?
Но в людях было чуть больше хорошего,
Когда Окуджава был молодым

РЕГИОН 78

Регион 78 — надпись на майке —
Я отправляюсь в автостоп до Ямайки!
Впереди Амстердам, Берлин, Барселона —
Я устал от бесконечности Вавилона.

Джа на небесах смотрит в окно,
Я пока его не видел, но...

Новая жизнь, другие высоты...
Прости меня «Лада», но я сел в «шестисотый».
Патриотизм тут явно не в жилу,
Мне были важны лошадиные силы.
Где-то в пустыне бредут караваны,
Мчатся линкоры по океанам...
Я думал об этом около Вены,
Глядя на мир из окна минивэна.

Джа на небесах смотрит в окно,
Я пока его не видел, но...

Я форсировал Днепр, Вислу и Одер,
Я сам себе мастер и сам себе доктор.
Готов буду двигаться в сторону Штатов
На судах любых сомалийских пиратов.
И пишутся песни на белой бумаге,
И пляшут в глазах черно-зеленые флаги.
Вавилонская башня не может быть вечной,
И я приближаюсь к свободе по встречной.
Джа на небесах смотрит в окно,
Я пока его не видел, но...

Александр КОТЮСОВ

ОЛЛ ИНКЛЮЗИВ

— На море летом поедешь?! — спрашивает меня хмурый мужчина под сорок с бесцветными, ничего не выражающими глазами и короткой стрижкой полубокс.

Мужчину зовут Иван Михайлович Сеницын, в студенческом быту — просто Михалыч.

Я нахожусь в его кабинете. На одной стене висит портрет Андропова. Смотрит сурово. Сквозь очки. Вдоль другой стены — сейф огромных размеров. Старый, с облупившейся местами краской. В центре кабинета стол. За ним сидит Михалыч и листает какие-то бумаги.

Он отрывается от них, поднимает на меня свой усталый взгляд и продолжает:

— На пару месяцев, за государственный счет. Июль-август. Еда, дорога, медицинское обслуживание, все включено. Олл инклюзив!

Я пытаюсь взглянуть в лежащие перед Михалычем документы. Неудобно читать вверх ногами. Похоже, это мое институтское дело с фотографиями и справками.

— Чего? — говорю. — Иван Михайлович, не понял, извините, какой «юзиф»?

— Английский, что ли, плохо учил? — обижается Сеницын, — олл инклюзив, говорю, все включено, то есть. Вообще ни на что тратиться не надо, максимум на подарки родителям. Эксклюзивное предложение. Такая поездка редкость. Настоящая удача. Долго еще может не подвернуться. Так что, едешь?

— Что-что, — бормочу я, чувствуя какой-то подвох, — а за чей счет, собственно все планируется, оплачивает кто, в смысле? И почему именно я? А другие как же? Не хочется мне одному. С ребятами бы. Чего я там один, на море-то...

Как говорится, «олл инклюзив» только в мышеловке у нас бывает. Это меня так мама всегда учила.

— Ну ты любопытный, — возмущается Иван Михайлович, — вопросов-то сколько. Сразу видно — отличник.

Я немного смущаюсь и краснею.

— Отличник, отличник, — кивает головой хозяин кабинета, — у меня вон написано все.

Он ворошит бумаги и продолжает:

— Характеристики на тебя тут, из деканата, с кафедры, комитета комсомола. Все положительные, между прочим. Рекомендуют настоя-

тельно. Даже первый секретарь. Он тоже. Вот и ответ, кстати, почему именно ты. А кто еще? На море только лучших посылают. Это награда за достойную учебу. Пять лет без единой «четверки»! Молодец. А что за ребят волнуешься — похвально. На море дружба и взаимовыручка всегда понадобятся. Будут, будут там и друзья твои. Не переживай. Однотруппники в первую очередь. Не один едешь. Мы уж позаботимся.

Михалыч достает из ящика стола пачку сигарет, достает одну, раскуривает и продолжает:

— А за чей счет, спрашиваешь... так это, объясняю... за профсоюзный! Профсоюз военнослужащих. Слышал о таком?

Я мотаю головой. Железнодорожников знаю, у меня бабушка всю жизнь в нем состояла, работников высшего образования тоже, там мама. Шахтеров вот еще слышал. Ну, это по телевизору. Они чего-то в Англии бастуют иногда. Не, про военнослужащих не слышал.

— Ну не слышал, так не слышал, — отмахивается Сеницын. Лицо его вдруг становится серьезным. — Мне тут с тобой некогда лясы точить, студент. Быстро говори, едешь — не едешь? Желающих — целый курс. Заявок — миллион. Не едешь если, сейчас другого позову. Сидорова вон, к примеру.

— Еду, — слова словно сами вылетают из моего горла. Сидоров мне как красная тряпка для быка. Не люблю я его. Сильно не люблю. Он у меня, гад, все время списывает, а потом перед преподавателем кичится, что учил всю ночь, — еду, еду, конечно, Иван Михалыч.

— Вот молодец, другое дело, — отвечает Сеницын, — и не сомневался я в тебе. На, расписывайся.

Он протягивает мне пачку бумаг, скрепленных канцелярской скрепкой, дает ручку и тычет прокуренным пальцем в угол верхнего листа. — Здесь вот, внизу.

— Это чего? — спрашиваю.

— Чегочка с хвостиком, на... — комментирует Иван Михалыч, — путевка это, блин, профсоюзная, с трансфертом и медицинской страховкой. Быстро давай автограф ставь свой.

Я расписываюсь. Сеницын забирает у меня верхний листок, отдает оставшуюся часть и, моментально потеряв ко мне всякий интерес, снова утыкается носом в свои бумаги.

— Извините, — говорю, — а чего дальше-то мне делать, ну ехать когда, брать что, кто подскажет?

— А! — словно вспоминает про меня Михалыч, — ты еще здесь. Ну это... Вечером дома посмотришь, инструкция там.

Сеницын косит глаза в сторону бумаг и продолжает:

— Написано в них все, какую одежду брать, какой паек в дорогу, билеты там приложены на поезд и прочее. Прочтешь, короче. И вот еще что. Про теплую одежду там все всерьез, не шутка. Имей виду. На море-то еще ничего, там бушлаты дадут. А вот пока до места добираться будешь, можно и дуба дать. Бывает, и снег посыплет неожиданно. Климат суровый, на... Хотя и лето... Помню в мою бытность там раз в августе зарядило под ноль на неделю. Вот мы уж натерпелись. В казармах-то не топят.

Я вздрагиваю и пытаюсь читать в выданные мне документы. Перед глазами пляшут напечатанные на пишущей машинке слова.

— А мы..., — мой голос в последней надежде срывается на фальцет, — на какое море-то едем, Иван Михалыч? На Черное или Каспийское?

Сеницын давит окурок в пепельнице. Я еще пытаюсь во что-то верить. С каждой долей секунды этого «что-то» становится все меньше.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Чего? А, море какое? — он достает несвежий платок и вытирает им лоб. В кабинете становится жарко, — ну это как его... В честь путешественника еще названо. Баренцево, кажется... или Лаптевых. Я уж не помню точно. У меня с географией не очень. Да и тайна это военная. Ты только вот расписался. А сам вопросы задаешь, как разведчик. Да потом, тебе не все равно? По любому там купаться нельзя. Яйца отморозишь. Да и это... и пляжа там нет. И песка, соответственно. Давай иди, иди уж, милоч. Подписку дал, свободен, значит, не задерживай. Там в путевке все написано... и про трансфер, и про страховку, и про купальные принадлежности.

Я грустно направляюсь к двери.

— А еще вопрос разрешите? — возникает в моей голове мысль.

— Ну! — морщится Михалыч, — быстрее только.

— А отказаться можно? — говорю, — пусть вон Сидоров едет, к примеру. Он же хочет, говорите.

— Не, отказаться уже нельзя, — разводит плечами Синицын, — раньше надо было думать. Путевка сгорит. Горящая она, видишь. Уезжаем в понедельник. Явка обязательна. За отказ — расстрел на месте.

Михалыч заливается громким смехом Лелика из фильма «Бриллиантовая рука». В кабинете дрожат стекла. Я выхожу, закрываю за собой дверь и поднимаю глаза на привинченную к ней табличку.

«Особый Отдел», — гласит надпись, — «Капитан третьего ранга Синицын Иван Михайлович». Почему-то бросаются в глаза два круглых окуляра в названии.

— Ну и жопа, — бормочу я, отходя от двери, — вон оно как, Михалыч, значит море-то Баренцево! Или все же Лаптевых?

В моих руках пачка документов. Я засовываю их в портфель.

*

— Да, Баренцево! — возмущенно повышает на нас голос политрук Звягин, — а вы что хотели? В Крым что ли? Хренушки. Тут вам не здесь. Здесь море северное, холодное. Это вам не Сочи с Геленджиком. Это настоящий русский север. Купаться не советую. В-первых, яйца отморозите, во-вторых, во-вторых... — он теряет нить ускользающей мысли, но находится по-военному быстро, — ... во-вторых, потом вас в бане от солярки отмывай.

У политрука лысая, похожая на страусиное яйцо голова и крупный нос. А еще у него изо рта явно пахнет перегаром. Он останавливается возле меня и смотрит снизу вверх. Во мне сто девяносто. В политруке максимум сто семьдесят. Его это явно озадачивает.

— Фамилия? — обдает меня Звягин ароматом вчерашнего некачественного спирта.

Я представляюсь, стараясь не дышать.

— На каком мы море сейчас, курсант?! — спрашивает политрук и ехидно улыбается.

Он рассчитывает застать меня врасплох.

— На Баренцевом, товарищ капитан второго ранга, — отвечаю я.

Я перед отъездом карту посмотрел для ориентации. Ну и чтоб папа с мамой не волновались.

— Молодец! — Звягин уважительно кивает головой и хлопает меня по плечу, — молодец, курсант.

Мы стоим вытянувшись в шеренгу посреди казармы. Нас двадцать человек. Вся моя студенческая группа. Политрук, заложив руки за спину, вышагивает по красной ковровой дорожке перед нашим строем.

— Запомните, товарищи военнослужащие, — поднимает он вверх указательный палец и словно заговорщик понижает голос, — запомните. Знание географии в нашем с вами случае серьезное и важное преимущество перед противником. Даже если во время несения боевой вахты на подводной лодке откажут приборы и вам придется всплыть не запланированно, тот факт, что вам известно название нашего с вами родного моря, может оказаться решающим. Баренцево оно и есть Баренцево. Любого северянина спроси, он до рогу к порту приписки покажет.

Звягина «штормит». Это видно невооруженным глазом. И «слышно». Особенно по запаху.

— Молодец, курсант, не зря тебя в институте учили, — снова обращается он ко мне, — не зря. Захочешь дальше на флоте остаться, только скажи, я тебе лучшие рекомендации дам.

Мне не нужны рекомендации. Я не хочу остаться на флоте. Я хочу домой, и чем скорее, тем лучше.

— У меня знаешь какие связи там в штабе, — продолжает политрук. Он машет пальцем вверх и чуть не теряет равновесие, — у меня связи ого-го. Звягина в штабе от писаря до адмирала все знают и уважают.

Я стою, вытянувшись в струну. Передо мной нетвердо покачивается политрук. Ну и запах, что же он все-таки пил, думаю я, и интересно, у кого в море можно спросить, где порт приписки, если вдруг откажут приборы.

Мне хочется задать эти вопросы политруку, но я не решаюсь. На флоте субординация, а он старший по званию.

— И, в-третьих, — пьяно улыбается вдруг, словно что-то вспомнив, Звягин, — купаться тут нельзя, потому что пляжа нет. Нету пляжа, — он хлопает себя по ляжкам и разводит руками, — облом!

— Смирно, — слышен голос дневального, — товарищ капитан первого ранга! За время вашего отсутствия происшествий не зафиксировано. Дежурный....

— Вольно, — доносится до нас командный голос.

— Смирно, — орет политрук.

*

— Бойцы! — говорит нам командир лодки капитан первого ранга Кныш, — вот и настал ваш час отдать Родине свой долг по защите ее северных рубежей. Жаль, что вы здесь всего на два месяца, а не на три года, как матросы срочной службы. За три года я сделал бы из вас настоящих военных.

— А так, — он грустно машет рукой, — ни рыба, ни мясо. И, тем не менее, сообщая вам, что вы находитесь на двухмесячных воинских сборах на территории секретной воинской части, расположенной в военном городе N. А здесь соответственно действует режим секретности и его надобно соблюдать. Потому как враг не дремлет и ждет не дождется, чтобы наши тайны выпытать. Мы же этого допустить не должны. Но пусть вам политрук на эту тему политинформацию читает. Ему зарплату за это платят. Теперь по моей, командирской части. Жить будете здесь в казарме, вместе с матросами и старшинами срочной службы. Они соответственно помогут вам будут как более опытные, хоть и младшие по возрасту товарищи. А служить... служить будете на подводной лодке, между прочим, с атомным двигателем. Лодка старая, заслуженная. Но на ходу... должна быть, во всяком случае, — на этом месте Кныш не-

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

много понижает голос и, слегка потупив взгляд в пол, произносит, — ну ходить-то на ней не надо никуда, стоит себе у причала и стоит.

— Нам ведь главное что? — он делает паузу. — Правильно! Чтобы не было войны. Что на лодке делать, как себя вести, чем заниматься каждому в отдельности, это вам младшие командиры объяснят, когда вас всех за отсеками закрепят.

— Дальше! — продолжает Кныш, — сразу хочу сказать, до присяги из казармы ни ногой. Потом будут увольнения в город. Иногда. Тем, кто заслужит. Предупреждаю. В баню ходить не советую. Иначе остаток службы проведете у местного венеролога. А у него итак очередь.

— Ну вот и все. Собственно, инструктаж закончен. Все, кто успешно пройдет этот краткосрочный курс молодого матроса, получит соответственно звание лейтенанта запаса. Успехов вам, товарищи курсанты. Командуйте, политрук, — и командир, козырнув, удаляется в свой кабинет.

*

— Отделение, подъем. Тревога, — раздается звонкий голос дневального.

Я пытаюсь открыть глаза.

Передо мной вдалеке маячит круглый диск казарменных часов. На них ровно 5-00. Это пять утра, понимаю я. Сквозь полуприкрытые занавески бьет утренний свет. Он же дневной, он же ночной, он же вечерний. Мы за Полярным кругом. Нынче полярный день. Потому что лето. За полярной ночью нужно ехать зимой. Тогда здесь снег, северное сияние и пронизывающий до костей морской ветер.

— Подъем! Вставай, курсант, — старшина первой статьи сбрасывает с меня одеяло и трясет кровать. Она двухъярусная. Там, наверху, спит Вовка. Он и сваливается вниз от тряски, словно перезревшая груша. Я еле успеваю поймать его.

— Подъем, подъем, — орет старшина, — у вас сорок секунд по нормативу на все про все. Двадцать уже прошло, а вы еще глаза не продрали.

Я натягиваю форму, сапоги и полусонным втыкаюсь в строй. Я почти последний, после меня только Вовка. Тельняшку он надел наизнанку. Побьют, — вспоминаю я детские истории и поеживаюсь.

Напротив меня старшина с секундомером.

— Плохо, курсанты, — обращается он к нам, — очень плохо. Две минуты, если считать по последнему. Никуда не годится. Очень плохо. Будем воспитывать в вас моряцкий дух, взаимовыручку и дисциплину. Время у нас есть, целых два месяца. К концу августа за тридцать секунд собираться научитесь. Это я вам обещаю.

— Ну а сейчас, бойцы, — продолжает он, — марш-бросок на подводную лодку. Пять километров в полной выкладке.

— А в туалет, — спрашиваю я, — пописать там, зубы почистить.

Мой голос тонет в нарастающем шуме. Это сапоги стучат о деревянные ступени нашей лестнице. Раз-два, раз-два, — командует старшина.

— В туалет надо раньше вставать, до подъема, — слышу я голос бегущего рядом матроса-срочника.

*

— Быстреей, быстреей, бойцы, — торопит нас старшина, — вы не на прогулке, мать вашу, это флот. Вдруг завтра война, а вы не готовы.

А если ядерная бомба сейчас летит прямо на нас. Время прилета 10 минут. А нам еще 8 бежать. И за две минуты погрузиться на расчетную глубину. А не успеем, растворимся во всежигающем пламени. Быстрее, быстрее.

Мы бежим. Бежим уже двадцать минут. В сапогах, бушлатах и с какой-то сумкой наперевес. Кажется, в ней противогаз. Наверное, он должен защитить меня от «ядерной» бомбы. Плохо накрученные портянки трут ноги. Мы бежим. Впереди нас ждет подводная лодка. Вот она показывается за гранитными валунами. Лодка мирно плещется у пирса, словно гигантский кашалот, готовый в любой момент поглотить тысячи килограммов планктона. Планктон это мы. Сейчас мы исчезнем в ее чреве.

— Раз-два. Стоп, равняйся, смирно, — командует старшина, — знакомьтесь — наша Маша!

Машей здесь ласково зовут лодку. Видимо от английского слова MARINA.

Маша — дама пожилая. Говорят, заложена в одно время с печально известным «Комсомольцем». Тот же проект. В плавание не выходит уже несколько лет, да и не может уже, ведь части приборов на ней давно нет. Это нам нашептали вчера матросы-срочники. Лодку, однако, не списывают, потому как новая не построена, а списание неминуемо приведет к расформированию части. А часть расформировывать не полагается, поскольку подобное решение может нанести непоправимый урон обороноспособности нашей страны и отправить на улицу в поисках работы несколько десятков офицеров. В городе другой работы нет. Поэтому каждый день к лодке бегут из своих казарм матросы, хватают в руки швабры и ведра и под суровым взглядом старших по званию совершают ежедневный ритуал омовения, а в остальное время сидят в Ленинской комнате и учат Устав. Так выглядит мое двухмесячное будущее.

— Братва, — кричит старшина, вылезаящему из лодки персоналу, — забирай пополнение. Курсанты. . .

Ко мне подходит здоровенный калмык.

— Ты ко мне, — говорит он, — в третий отсек, залазь.

Я иду вслед за ним.

В третьем отсеке он вручает мне швабру и ведро.

— Мыть с порошком, — калмык улыбается и его, без того широкое лицо становится еще шире. — Вода за бортом. Работать до обеда. Обед в полдень. Сейчас полшестого. Добро пожаловать на флот, товарищ курсант. Время пошло!

*

— Орлы! — хмуро начинает командир, — у нас проблемы. Их надо решать. И ваша святая задача и, можно сказать, воинский долг, помочь нашей с вами части. От своевременного и четкого решения этих проблем зависит обороноспособность нашего государства, ну и честь нашей части.

Мы стоим по стойке смирно в казарме.

Сегодня третий день моего пребывания на военных сборах. Два предыдущих дня были похожи друг на друга как две капли воды. В шесть утра подъем по тревоге, сорок секунд на построение, пятикилометровый бросок на подводную лодку, швабра и стиральный порошок, марш-бросок обратно, обед, изучение Устава, политинформация, ужин, физподготовка, отбой. Сегодня третий день, впереди еще

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

57! Еще 57 марш-бросков, 57 политинформаций, 57 отбоев. Матросы в казарме нам завидуют. Некоторые из них тянут здесь уже третий год. У других эти три года еще впереди. Каждый день одно и то же. Разве можно пережить тысячу политинформаций? Нам осталось всего 57. По их понятиям, у нас уже дембель. Конечно, нам лучше, чем им. Но это не придает мне ощущения счастья.

— Орлы! — повторяет командир, — через неделю у нас проверка. Штабная! — Он поднимает вверх указательный палец. — Адмиралы приедут. Надо встретить их на уровне, показать все положительное, что у нас есть. В том числе и вас, красавцы вы наши. А положительного у нас, товарищи курсанты, не так уж и много. У нас как минимум три проблемы! Во-первых, хромает физподготовка. Некоторые из вас всего пять раз подтянулись на вчерашней тренировке. Во-вторых, знание Устава. Устав для вас сегодня самая главная книга в жизни. Она вам важнее Гоголя и Чехова. Потому что Чехова прочли, попереживали за героев и забыли. А Устав! Устав — это книга, по которой вам жить, как минимум два месяца. Я уверен был, что вы его на гражданке наизусть выучили, пока на военной кафедре прохлаждались. А тут. Что я вижу. Устав из вас не знает ни один. Так что с сегодняшнего дня все свободное время, а свободным у солдата является время от подъема до отбоя, будем подтягиваться и учить Устав. Через пять дней лично буду принимать зачеты. Перерыв только на сон и прием пищи.

— Вопросы есть? — командир отрывает свой взгляд от потертого казарменного пола и обводит наш строй.

— Есть, товарищ капитан первого ранга, — выгибает грудь колесом Вовка, — разрешите?

— Валяй, курсант, — кивает Кныш.

— Вы про три проблемы говорили, — интересуется Вовка, — а назвали две только. А третья?

— Молодец, боец, — одобрительно восклицает командир, — внимательность в военном деле вещь первостепенно важная. Третья проблема самая тяжелая, — хмурится Кныш, — если первые две худо-бедно мы подкачаем общими усилиями, то вот третья... третья — беда.

Командир выходит на центр казармы, засовывает рук в карманы брюк и сокрушенно мотает головой.

— Лучший набор был. Орлы! Все один к одному. И так подставили. Дембеля хреновы. Ладно у меня личную тельняшку стырили. Ладно у замполита погоны все и лычки с парадного кителя поотрезали. Но на святое зачем покушаться? Ведь что они, мерзавцы, натворили. В ночь перед дембелем отвинтили на память себе в казарме табличку «Ленинская комната В/Ч 123456», то есть нашу с вами что ни на есть родную табличку. Два месяца мы уже без нее. Страдаем. — Кныш смахивает скупую мужскую слезу, — как мы проверяющим объясним, что у нас таблички нет? Не скажешь ведь, что сперли. У нас же флот все же. Секретная часть. А тут таблички тырят у начальства под самым носом. И художников у нас нет, чтобы все нарисовать побыстрому, новую, в смысле. В прошлом наборе был. Его нам из Художественного института прислали. Все три года отпахал. Красавец. Модильяни, можно сказать.

— Уж берегли мы его, как могли, — откровенничает командир, — он нам тут всем портреты рисовал. Всему руководству. Адмиралу вон на день рождения. Порадовал старика. Отпустили его домой последним. Даже дополнительно на месяц задержали и пару стенгазет на будущее обязали нарисовать. Вот он похоже, вражья морда,

в отместку табличку на память и упер. А на смену ему не прислали никого. Одного зачем-то из Консерватории и второго из циркового училища. А на хрен нам клоуны и композиторы. Нам художники нужны. Клоунов у нас и так полно. Хорошо хоть композитора удалось в соседнюю часть поменять. На сантехника, после профтехучилища. Он нам канализацию теперь чинит.

— Есть художники у вас? — с надеждой спрашивает командир, — табличку рисовать надо. Очень работа важная на сегодняшний день. От марш-бросков освобожу.

Что меня дернуло вдруг. Эх, думаю, была — не была. Риск — дело благородное.

— Так точно, есть, — громко выкрикиваю я, — есть, товарищ капитан первого ранга. Курсант Иванов. Самый, что ни на есть художник. Настоящий.

А сам шаг вперед делаю. Все лучше, чем марш-броски по утрам да зубрежка Устава круглосуточно.

*

— Ты правда рисовать умеешь? — спрашивает меня командир.

В его глазах я вижу надежду и веру в то, что смогу спасти всех от адмиральской проверки, нарисовав табличку. Все остальное сделают старшины и политрук. Это под их руководством вся моя студенческая группа будет зубрить Устав и подтягиваться.

— Умею, — набрав полные легкие, рапортую я.

Мне надо выручать командира, нашу часть и весь северный морской флот. Мне не хочется бегать со шваброй на лодку и учить Устав. Интересно, что для меня сейчас важнее?!

Легкий ветерок авантюризма развеивает мои коротко подстриженные волосы. В школьные годы моими любимыми книгами были «Приключения храброго солдата Швейка» Я.Гашека и «Три мушкетера» А.Дюма. Их я прочитал раз по десять. И еще десять раз «Двенадцать стульев». Стул уплывал от Великого комбинатора на пароходе по реке Волге. Это моя река. Я на ней родился. Мой «стул» может уплыть тоже. Этого допустить нельзя.

— Так точно, — не краснея, вру я.

Я не умею рисовать. У меня плохой почерк. В школе у меня была единственная «тройка». Догадываетесь, по какому предмету. Хотя нет, не единственная. Еще по пению.

На глазах командира наворачиваются слезы. Он незаметно смахивает их на позолоченные погоны.

— Я верю в вас, бойцы, — дрожащим голосом произносит он, — я знаю, что вы спасете нашу подводную лодку, меня и честь всей команды.

— Все необходимое возьмешь у каптера, — говорит он мне, уже успокоившись, — на время творческого задания освобождаешься от всех видов работ и заданий. Как обещал. Наверстаешь. Табличка для нас сейчас важнее. Табличка наше лицо, честь и визитная карточка. Ленин — наше ВСЕ! А стало быть, Ленинская комната — это как храм божий....

— Тфу, заговорился я что-то, — спохватывается Кныш и уже по-деловому спрашивает, — до вечера успеешь?

— Никак нет, — отвечаю, — дело серьезное, работа творческая, спешку не любит. Дня три, — говорю, — точно уйдет, а лучше пять, если с первого раза что не сложится.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

— Во как, — удивляется командир, но, подумав немного, соглашается, — рисуй, курсант, время как вода в Баренцевом море. Течет себе и течет. Его много.

— Мичман, — приказывает он стоящему поодаль парню моего возраста в кителе, — принимай командование над бойцом, передаю его в твоё распоряжение. Дурному не учи, а табличка чтоб через пять дней висела. А лучше через три. Лично отвечаешь. Помоги курсанту с инвентарем.

Мичман кивает своей фуражкой.

Я запрыгиваю на плывающий пароход со стульями Кисы Воробьянинова. На берегу остаются марш-броски, зубрежка Устава и учебные тревоги. Мичман дружески хлопает меня по плечу. Его фамилия Чуков.

*

— Краски! Золотую и красную, ватман, карандаш, бритву, вату, линейку и растворитель какой-нибудь, — говорю я каптеру, — ну вроде уайт-спирита.

Каптер смотрит на меня недоверчиво. Его зовут Яша. Он еврей. Все каптеры евреи, вспоминаю я сказанную перед дверью фразу мичмана.

— Слова-то какие знаешь, — цокает языком Яша, — уайт-спирит. Почти как Скотт Фицджеральд. Это ты, что ли, новый художник?

Я киваю головой.

— Бритва тебе зачем? Вены хочешь порезать себе? — интересуется каптер, — неужто уже деды достали?

— Нет, — мотаю я головой, — трафарет вырезать для таблички. «Ленинская комната в/ч № 123456». Табличку же украли предыдущую. Люди какие-то нехорошие. Вот я и буду ее делать. Новую. А как без трафарета. Без трафарета никак нельзя в нашем деле. Трафарет для художника вещь наиважнейшая.

— Художник! — улыбается каптер, — да из тебя художник, как из меня капитан первого ранга. Ты Яшу не обманешь. Яша всех вас молодых чует. Закосить от марш-бросков решил за творческим процессом.

Я смущаюсь и начинаю подбирать слова.

— Не спеши, — останавливает меня Яша, — все правильно сделал. На кой хрен им тут наша служба. Все равно лодка не на плаву. Нам здесь важно время скоротать до дембеля, а командирам военный бюджет освоить и на пенсию побыстрее выйти. Вот каждый свою задачу и выполняет. А там, наверху, возникает полная иллюзия, что наша страна готова к отражению любой атаки извне. А ни хрена, я тебе скажу, она не готова. Все это понимают, но никто никогда не признается. Ты Яшу слушай. Яша все на флоте знает лучше адмирала.

— Ну да ладно, — сам себя перебивает он, — мое дело маленькое. Я тебе сейчас все выдам под роспись. Только смотри, ватмана напишу в два раза больше, чем просишь и краски лишней флакон. Но тебе излишки не дам. Это для дедов наших. Им по домам скоро разъезжаться. Альбомы дембельские самое время готовить. Вот такая у нас на флоте арифметика.

Каптер уходит вглубь своего склада и через пару минут возвращается с полным пакетом.

— Вот, — протягивает он мне, — твори. Рисуй табличку. «В/ч 123456». Авось, провисит до ближайшего дембеля. Ее ребята почти каждый раз отвинчивают, как домой уезжать. Красивая вещь. Ценная. Красная с золотом. Я уж пятый раз за три года краску выдаю. В прошлом году сам на стреме ночью стоял, когда отвинчивали.

— Ты, может, сразу пару нарисуешь, чтобы с запасом? — задумчиво произносит Яша, — Спроси политрука. Только осторожнее. Все же это на его ответственности... ну, в смысле, воровство, недоработка как бы идеологическая, вдруг психанет.

— И это, — он задумывается и выдыхает, — ты попробуй допитание запросить. Вдруг дадут, прошлому художнику не отказали. Но он, конечно, мастер был, всем нам портреты намалякал.

Я выхожу из каптерки с пакетом.

— Проси манго, — догоняет меня мечтательный голос Яши.

*

Военный город N. Лето. Июль. Линия полярного круга прочерчена красным фломастером на купленной мною в магазине карте Советского Союза. Север, мир оленей, морошки, ягеля, Большой и Малой медведицы. Город, где днем плюс двадцать пять и яркое солнце, а ночью около нуля и снег. Где валуны-великаны от прошедшего миллионы лет назад ледника и карлики-березы ростом по пояс. Где строят дома, не вбивая сваи в мерзлую землю, а вырубая ямы в гранитно-базальтовой толще и вставляя в них, словно имплантаты, похожие одна на другую своей безликостью, пятиэтажные панельки. Военный город N. Здесь светлый полярный день, незаходящее за линию горизонта солнце и холодное, плещущееся где-то недалеко море, покрытое тонким слоем переливающейся всеми цветами радуги солярки. Город, где все ходят в тельняшках и кителях широкой морской походкой, придерживая бескозырки и фуражки левой рукой, потому что правой надо все время отдавать честь. Город, где у пирса стоят рядами десятки черных субмарин с атомными подводными двигателями, охраняемые бравыми матросами с автоматами Калашникова. Город, окруженный десятками километров колючей проволоки с одной стороны и заливом с другой. Город, где морские звезды ловятся на толстый просоленный канат. Город, где действует сухой закон, поэтому в магазинах всегда очереди за тройным одеколоном, а в аптеках — за настойкой боярышника. Город, названия которого и его географических координат я не могу выдать в силу принятой мною присяги о неразглашении военной тайны. Город, где мне предстоит провести без малого два месяца на солдатской перловой каше, без конфет, мороженого и девушек. Целых два месяца. И все же это лучше, чем то же самое, но в течение двух лет.

*

— Завтра можно в самовол валить, — говорит мне Чуков, — не хватится никто.

— Почему? — спрашиваю, — что, завтра праздник какой?

— А то, — отвечает мичман, — завтра пятое число. Это наиважнейший день для всех моряков, проходящих службу на подводных лодках. Пятого спирт дают технический. Очень много.

— А зачем спирт? — интересуюсь.

— Ну вы, гражданские, даете, — удивляется мичман, — спирт он и в Африке спирт. Что значит зачем? А пить-то что? Воду, что ли, из моря?

Мы с Чуковым сидим в Ленинской комнате. Передо мной на столе листки ватмана и краски. Как же делается этот трафарет? Надо вспомнить школьные уроки труда.

— Не, спирт, конечно, дают с другой целью, как говорится, для протирки фокусов оптических линз, — мичман улыбается, — но кто же их протирать-то будет. Тем более там и протирать-то нечего. Скомуниздили с лодки все фокуса... и линзы тоже. Но спирт-то привозят. Как положено. Каждый месяц, под роспись. Ну не выливать же его. Так что идет он для протирки командирских внутренностей. Короче, с пятого по седьмое каждого месяца подлодочного начальства в казарме нет. Оно пьет по-черному три дня. К счастью, в основном дома. Пока спирт не закончится. А вот восьмого! Восьмого появляется. И вот тут держись. Знаешь, как на четвертый день голова болит. Гудит как атомный реактор. Так что восьмого командир страшен. Не попадайся. Ежели провинился, головы не сносить. Ну а потом расходится... по-степенно, опять до пятого, с перерывами на все праздники, дни рождения и выходные. Нам, кстати, работу сдавать восьмого. Неудачно.

Он кивает головой в сторону стола. Там лежит моя «работа». Я распечатываю пачку бритвенных лезвий и достаю одну.

— Но это я о чем, — продолжает мичман, — с пятого по седьмое из казарм валить можно свободно, не заметит никто. Я тебе дыру в заборе покажу, сам, когда на срочной служил, сделал. Ты, главное, по городу в форме не гуляй, патрули везде. Бери с собой спортивный костюм, у забора переодевайся, а форму там, у дыры под камнем оставляй, не возьмет никто, все так делают. Только все равно с патрুলями осторожней. А то прикинь эту картину, город, где все экипажи с пятого по седьмое в самоволе в спортивных костюмах ходят, — мичман улыбается, — можно подумать, у нас олимпийские игры запланированы.

Я макаю кисточку в банку с золотой краской и пробую ее на листке.

— И еще, — вспоминает Чуков, — город маленький, ходить некуда, Дом моряка да два магазина, не разгуляешься. Ты, главное, в баню городскую не стремись. У венеролога местного очередь.

*

— А почему в баню-то нельзя? — спрашиваю я, — и командир говорил тоже. Зачем у курсантов радость последнюю отнимать? Баня для Севера вещь незаменимая. Здесь же холодно, то день полярный, то ночь, березы карликовые, валуны от ледника. В общем, счастья никакого. На весь город — один клуб с кинематографом и полуживым баяном и пара магазинов. Сам говоришь. В таком режиме баня становится одним из главных развлечений. Там же и помывться можно, и поговорить, и пивка попить. И вдруг нельзя.

Я, правда, в баню общественную и так не собирался. Нечего мне там делать, не любитель я. Разве только из любопытства, интереса какого. Но запрет всегда манит, желания пробуждает. Хоть и не запрет это, а так, настоятельная рекомендация старших по званию.

Вот я и спрашиваю снова у мичмана:

— Так почему в баню-то нельзя?

— Видишь как, — отвечает мичман, — чтобы глубоко понять смысл, произнесенной командиром фразы, надо, конечно, знать историю города и чем и как живут его обитатели. Городок-то молодой совсем. Ему лет-то всего тридцать-сорок. В общем, сразу после войны строить начали. Да и не город это вовсе, а один большой завод по ремонту подлодок. Тут и нет больше ничего. Все остальное вокруг — это сопутствующая заводу инфраструктура — поликлиника, больница, школа, садик детский, магазин, парикмахерская. Вот тебе и все,

собственно. В городе кто живет? Военные и жены их. Все! А ежели ты, скажем, офицер молодой и не успел во время учебы в училище семьей обзавестись? А распределили сразу сюда. Или успел, а как жена узнала, что ехать ей за полярный круг, так мол, извини, милый, я пока тут с мамой в Рязани, приезжай в отпуск, буду ждать. Вот и получается, что половина офицеров здесь холостые. А кроме офицеров здесь еще матросы-срочники. Им три года куковать среди карликовых берез без бабского населения. Да еще и мы... мичманы. В общем, проблема поиска достойных женщин тут остра, как нигде. Здесь же городок закрытый. Проволока колючая, автоматчики по периметру. Сюда подружка из Архангельска на пару дней не приедет. Вот и получается, что общее половое напряжение мужской части населения в нашем населенном пункте постоянно растет и, следовательно, требует регулярного выхода. Это как пар в котле. Ежели не выйдет, то взорвет все на хрен. И никаким бромом его не заглушишь. Вот и закрывает глаза руководство городское на наличие в городе проституции. Блядищ у нас здесь больше, чем в Москве. Они, понятное дело, все переписаны, чтобы государственную тайну не выдали врагу-супостату. Ну и идет здесь жизнь по расписанию. Днем офицеры службу несут, вечером соответственно одни по домам к женам на боковую, другие тоже на боковую, только с другими, так сказать, девушками. Хотя и у первых случаются отклонения от заданной семейной программы. Ну а где проституция, там, соответственно, и болезни всякие нехорошие. Вот и мучается наш город от всего этого. Самый уважаемый человек после председателя горисполкома начальник местного кожно-венерологического отделения. Очередь к нему, говорят. Ну а баня! Баня это такое место, где все без штанов на лавках и шайки общие. Хоть и говорят врачи, что болезни эти вроде как не передаются таким образом, но не верится что-то. Так что в баню ходить не советую. Это командир правильно сказал.

Мичман задумывается и раскуривает сигарету:

— Для вас баня здесь будет, в казарме, по пятницам. Вот там и помоетесь.

*

— Хватит рисовать-то, художник. Приказываю сделать перерыв. Пошли позагораем, — говорит мне Чуков.

На улице ярко светит солнце. На часах около 10 утра. В казарме никого нет. Весь личный состав на подводной лодки, протирает ее до дыр шваброй и стиральным порошком. С кухни доносятся волнующие запахи предстоящего обеда. Моя работа близится к концу. Еще денек и все!

— Как позагораем? — удивляюсь я, — мы же в армии. Или я чего-то не понимаю.

— Да нет... все правильно. Конечно, в армии. Точнее, на флоте. Но маленькие радости должны же быть и у нас. Ты знаешь, я тут уже пять лет, вначале на срочную попал. В первый год вены себе порезать хотел. Деды достали сильно. И вокруг одна сплошная депрессия. Посмотри, валуны, березы в пояс и однотипные панельки. Здесь жить нельзя. Здесь все давит. Давит на душу, мозг. Здесь можно только служить. Служить, сжав зубы и мечтая о том моменте, когда ты уедешь отсюда. Сейчас хоть полярный день, солнце, дождя нет. А меня осенью призвали. Не успели мозоли от сапог сойти и бац, полярная ночь. Полгода без света. Только лампочки. Я чуть с ума не сошел. Сам-

то я из Краснодара. Снега там вообще не видел, считай. А тут. Ночь в полгода, минус тридцать, ветер и тоска. И старшина. Беги, говорит, сука, на лодку, мой ее до дыр с порошком. И пинка в жопу со всего размаха. Лодка эта уже пять лет у пирса стоит. Типа на ремонте. Не отходит никуда. Да и не может. Там приборов наполовину нет. Каждый, кто на дембель идет, что-нибудь да отвинчивает. На память. И мы ее пять лет моем. Каждый день. Мы пацанами мыли. Сегодня вы. Завтра других пришлют. И так дальше. И еще 10 лет. А может, 20. А все это время жизнь идет. Нормальная. Где-то. С радостями, печальями, но идет. Но не здесь. Здесь все встало. словно кто стрелку на часах рукой остановил. Вроде ничего не происходит, а годы щелкают. Лучшие, молодые. И странно вот, вроде валить надо отсюда и понимают это все. А вот только куда? Я как тот джинн из «Старика Хоттабыча». Первый год сбежать мечтал. Теплое море снилось, фрукты. На второй притерлось как-то, деды успокоились, курс «молодого бойца» прошел успешно. А на третий вроде уже нравиться стало. Молодые вокруг тебя прыгают, хочешь мороженое, хочешь пирожное. Не жизнь, малина. Я тут сок манго каждый день пил, считай. А уж как дембель пришел, я по традиции порадовался вначале, а потом подумал — куда мне идти? Я ж детдомовский, ни мамки у меня, ни папки. Чуков моя фамилия. Это в честь героя книжного Чука, помнишь? Там тоже что-то про Север.

Я киваю головой.

— Вот и решил я, — продолжает мичман, — что мне ловить в этом Краснодаре? Кто там ждет меня? Кому я там нужен? Ну, может, слесарем каким возьмут, может, в депо водителем. Комнату в общежитии выделяют. А здесь. Здесь дело другое. Я ж тут вроде как командир. Хоть и небольшой, но важный. Без мичмана все дело встанет. Вот и решил я остаться. Мичманом. Третий год пашу. Гособеспечение полное. Квартиру обещали. Олл инклюдив. Привык. Иногда, правда, думаю, зачем я здесь, что дальше? И, представляешь, нет ответа. Вот если тебе этот вопрос задать, ты ответишь, наверно. У тебя впереди диплом, семья, работа. Диссертация, может, дети, квартира. А у меня... Ничего. У меня ни угла нет, ни девчонки нормальной.

— Да и ненормальной тоже, — добавляет Чуков, — одни шалавы заезжие. Ну ладно, чего я тебя грузю, пошли загорать, нах. А то солнце зайдет, — шутит мичман.

— Тут за углом место есть на камнях, его из казармы не видно совсем. Валуны — большие, гладкие. Мы там пляж организовали, дикий, — мичман улыбается, — бери одеяло для подстилки и вперед. Начальство туда не заявляется. Зачем им это надо? Кстати, загар исключительный будет. Северный. Он особый какой-то. Ни на каком юге такого цвета не получишь. Благородный. Шоколад с молоком. Девки прохода тебе, как вернешься, не дадут.

Мы с мичманом выходим из казармы и идем за угол. Валуны олицетворяют собой могущество времени. Обточенные колкими северными ветрами, они подставляют нам свои бока. Мы бросаем на них протертые солдатские одеяла и ложимся, обнажая прохладному полярному солнцу бледные бока. На мне черные семейные трусы до колена. Все по Уставу.

— Мичман, — говорю я, — расскажи что-нибудь. У тебя же историй до хрена, небось, за пять лет службы набралось.

Я слышу, как Чуков достает сигарету и чиркает несколько раз не желающей на ветру зажигаться спичкой. Пара затяжек проходит в полной тишине. Мичман откашливается и начинает.

История, рассказанная мичманом Чуковым в литературном изложении автора

Жили два друга, Лева и Миша. Были ребятами они молодыми, веселыми и служили вместе мичманами на сверхсрочной службе в одной из воинских частей на территории матушки России.

Как-то раз летом у Левы и у Миши случились одновременно очередные отпуска. Вот так вот повезло неожиданно. Думал Лева вначале податься в родную деревню, что под Тамбовом, отца с матерью уж полгода не видал, но друг его Миша, предложил сперва в гости к нему навеститься, в Москву на недельку к его родителям, а уж потом в Тамбов.

— В глушь свою успеешь всегда, — сказал он, — а столица, брат, может тебя не дожидаться.

Лева согласился — с детства в Москву не приезжал. Долго ли, коротко, подписало начальство документы друзьям, выдало отпускные и строго-настрого велело к сроку положенному возвратиться.

И вот они в белокаменной. Отдыхают. Миша у отца, понятное дело, поселился, не виделась же давно, обидится старик, а Лева свою однокомнатную уступил. Она ему от бабушки в наследство досталась. Вечером пошли в кабак посидеть, пива попить, на девушек посмотреть. Сидят, выпивают, стало быть, закусывают, по сторонам поглядывают... И видит Миша, что блондинка через пару столов от них, смотрит на него с явной заинтересованностью и очевидно совершенно ждет неких активных действий.

Выпил Миша еще 100 грамм для храбрости и, как полагается человеку военному, пошел в атаку с бутылкой шампанского наперевес. Посидел он с блондинкой несколько минут, станцевал один медленный танец, другой и, вернувшись, другу своему, скучающему в одиночестве, сообщил, что девушка сдалась без боя и они прямо сейчас едут к ней домой чай-кофе пить, а там и продолжение наклевывается, и поэтому он подошел попрощаться, завтра, мол, позвонит, расскажет как и что было.

Пожелал Лева другу своему удачи, позавидовал белой завистью, глядя на гибкий стан блондинки, выпил пару рюмок, закусил огурчиком и, несолоно хлебавши, отправился домой. На его долю, увы, блондинки сегодня закончились.

Встретились они на следующий день, после обеда, в пивной возле дома, где жил отец Миши. На Мишу было больно смотреть — физиономию украшало два свежепоставленных красно-сизых фингала. Они чокнулись пивными кружками и Лева стал слушать рассказ друга.

Началось все хорошо. Такси доставило их на окраину Москвы в одну из типичных столичных панельных девятиэтажек. Они поднялись на лифте, девушка открыла дверь, посадила военного нашего на диван, поцеловала, вынула из бара бутылку коньяка, налила ему рюмку и отправилась в душ. Воодушевленный таким началом мичман выпил... потом еще, и в ожидании продолжения растянулся на диване. В голове кружилось, вдруг страшно захотелось спать.

В этот момент дверь ванной открылась и из нее вышел широкоплечий бритый наголо мужчина в китайском спортивном костюме. Он подошел к засыпающему мичману и коротким ударом в левый глаз помог ему отправиться в царство Морфея без задержки...

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Очнулся Миша от холода... стояла глухая ночь, тело ужасно ныло. Открыв правый глаз, левый не получилось, и, приподняв словно свинцом налитую голову, он с удивлением обнаружил, что лежит во все не на диване в спальне блондинки, а на пригородном шоссе ровно на разделительной полосе — справа асфальт, слева асфальт и впереди тоже асфальт... Удивился мичман такому повороту событий, но не расстроился совсем, а с изучения окрестностей перешел на исследование собственного вида. И вот тут удивляться ему пришлось дальше.

Не было на мичмане ни пиджака его модного с кошельком, ни джинсов, купленных в «Березке» на инвалютные рубли, ни рубашки с ботинками. Из одежды на нашем Михаиле остроумная блондинка со своим спортивным другом оставила только семейные трусы в цветочек... А вот обувь вызвала у мичмана восторг — на его голые волосатые ноги были надеты и тщательно так зашнурованы старые виды выдавшие... хоккейные коньки. С юмором у новых знакомых мичмана было все в порядке.

С трудом оторвавшись от асфальта, мичман поднялся и... «поехал» по шоссе на коньках в Москву, сияющую невдалеке яркими огнями...

Ехать пришлось недолго, навстречу показался милицейский УАЗик. Миша объяснил еле сдерживающим смех сержантам ситуацию и они оправились искать дом, в котором произошли вышеописанные несчастья. Получаса блужданий хватило, чтобы понять — больная голова мичмана не способна выдать ни дом, ни улицу, ни даже район Москвы. Помнил он только домашний адрес своего отца, куда и подбросили его уже немного обозленные бессмысленной ездой милиционеры.

Жил папа мичмана в типичной московской хрущевке на 5-м этаже. Лифта в таких домах, как все знают, не предусмотрено. Вот и поплелся Миша на этот самый пятый этаж в коньках и трусах семейных. Дошел ведь, кстати, не упал... а мог бы.

Подковылял он к двери, нажал на звонок, ждал еще минуты 3, ночь ведь, спят все... Ну в итоге отец дверь открыл, посмотрел на сына своего и, не разобравшись (за что вы, папа??), двинул чадо свое единоутробное в правый глаз, потому как левый уже был занят фингалом от предыдущего удара.

Ну, вот, собственно, и вся история!

Я улыбаюсь. Забавно. Чуков — классный рассказчик.

— А история-то про тебя? — спрашиваю я мичмана, — или про друга какого твоего?

Мне в лицо светит удивительное северное солнце. Нагретые им валуны отдают моему телу все тепло, накопленное ими за миллионы лет. Мы с мичманом лежим и щуримся. Скоро обед. Нас ждет перловая каша и суп из тушенки с макаронами. Его сегодня сварил повар Боб. Нет, он не американец, он башкир. Просто у него фамилия такая — Бабаев.

— Может, про меня, а может, и нет, — слышу я голос мичмана, — кто же сейчас упомянет всё. Военная жизнь хранит немало замечательных историй. Многие из них передаются из поколения в поколение. Да и не важно все это. Может, и не было ничего. Сказка одна. О тяжелой судьбе мичмана.

Я чувствую, как Чуков улыбается и достает сигарету. Легкий бриз с моря ворошит мои волосы и холодит кожу. Я закрываю глаза. До меня доходит смысл сказанных Синицыным слов — «олл инклюзив». Здесь, на море Баренцева у меня есть все — полярное солнце, перло-

вая каша, тушенка, хмурые, но теплые валуны, мои друзья и веселые истории мичмана Чукова.

— Собирайся, давай, — слышу я сквозь наступающий сон его голос, — обед скоро. Мы же все-таки в армии, курсант. В смысле на флоте. Нам еще Родину защищать. А то, как она без нашей защиты?! Не забывай...

*

— А ничего, — оценивающе произносит политрук, — нормально получилось. Всего-то за три дня. Я думаю, командир будет доволен. Правда, сегодня восьмое...

Я нарисовал табличку. «Ленинская комната в/ч 123456». Вначале аккуратно вычертил все это на ватмане, потом вырезал буквы и цифры бритвой, прикрепил их к стеклу и медленно, не торопясь, нанес ватой краску. Здесь красная. Там золотая. Я извел на все это полальбома ватмана, сломал четыре бритвы, исписал один карандаш и разбил бутылку уайт-спирита. Я потратил целых три дня. И у меня все получилось. Правда, в каптерке теперь воняет уайт-спиритом. Зато он отбивает запах спирта, который принес мичман. Мы выпили по рюмке. За творческий процесс. Потом еще, за море. И еще... но уже на следующий день. За это время я пропустил три марш-броска, две политинформации о противостоянии стран НАТО и Варшавского договора, избежал трехчасовой муштры на плацу и двух регулярно повторяющихся помывок лодки. Один раз я был в самоволе и дважды загорал.

Но халява имеет свойство заканчиваться, и вот мы все вместе стоим перед командиром. Его «штормит». Это не ветер и не волны. Сегодня — восьмое. Мы это помним. Он смотрит на мою табличку. Я вижу в его глазах восторг. Это мой успех. Мой талант оценен.

— Ван Гог! — шепчет сквозь усы командир и икает от удовольствия. Мичман одобрительно толкает меня плечом. Может, зря я пошел на физический, надо было поступать в художественный.

— Слышь, курсант, — Кныш подходит так близко, что мне кажется, он видит все мои потаенные мысли, — а ты не мог бы еще одну нарисовать, ну про запас, скажем, на замену, вдруг разобьется, скажем?

— Лучше две, товарищ капитан первого ранга, — выдыхает политрук, — раз такой художник у нас появился, да на два месяца всего, так пусть уж работает до конца сборов.

— Не против? — спрашивает меня командир.

Я радостно трясу головой.

Конечно, я не против.

— Вот и славно, — трет ладони Кныш, — ну так трудись, дел на флоте немерено, мичман подскажет. Здесь подрисовать, там подчеркнуть. Если надо чего, для работы в смысле, говори.

— Дополнительное питание бы, — робко произношу я, — ну, например, манго.

— Манго! — удивляется командир, — на хрен оно тебе. У меня лично от него изжога. Ну ладно, манго так манго. Мичман, скажи там на складе, что я распорядился.

*

— Держи, — говорит мне мичман, — твое. Заработал.

Елена КАНТОР

СТИХОТВОРЕНИЯ

*«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайй»
В.К. Третьяковский*

Ты никогда не верил в сатану,
И я тебя разубеждать не стала.
Но выпивши, бывало, брёл к окну,
А я спала, уткнувшись в покрывало.
И видела не Бога, не тебя.
То страшное, что мучит и разводит,
Как будто бы не гробят жизнь, дробят.
И завтра, ты конечно не приходишь.
И телефон молчит, как никогда.
Да сколько тех разлук больных, звериных
Я наизусть могла запомнить. Да.
А что ещё добавится к смотрящим?..
Как много пут наложишь, чтобы всласть.
Судьба — она то белая, то злая.
И сатана в тебе имеет власть.
Когда ты есть, я знаю эту страсть.
И чувство-чудище, а жаль, стозевно, лайй .

Я боюсь беды, как дурной — злой воли,
Как бояться были, когда она боль.
Короли весельны в кесаревои роли,
Но в косарском платье — голый король.
Королём зачем? Пешкой — лишь бы пышкой.
Лишь бы юркой пташкой, в светлый яркий день.
Вот идет мужик, и рога под мышкой.
Пробежал по городу северный олень.
Где красиво падать, там удачно стлаться.
Где изящно прыгать, падать — не вставать.
Хочется пожить, чтоб еще остаться,
Хочется побыть, чтоб еще бывать.
Хочется еще — чтобы в белом платье,
Чтоб не вкривь и вкось — по доске ладыя.
Боже, научи ясно улыбаться,
Чтобы сладким стал шаг, которым я.

Я Маугли, который не в лесу,
А в страшном городе, размытом под копейку.
А где-то нарисует мне лису
Вид женщины, забытой на скамейке.
А где-то лев, не мальчик, но амбал,
Спешит, даря доброе и злое.

В его руках картонный ящик. Он ставит его на стол и начинает своими мощными руками рвать плотную бумагу.

На свет появляются блистающие своей желтизной круглые металлические банки. Никаких этикеток, только выдавленные на торце цифры. Много цифр. Я беру банку в руки и встряхиваю. Внутри что-то булькает.

— Это манго, — продолжает распаковывать коробку Чуков, — доппаек подоспел.

— Откуда ты знаешь? А может, тут зеленый горошек. Или томатная паста, — я верчу банку в руках, пытаюсь найти хоть один намек на то, что внутри находится сок экзотического фрукта.

— Видишь, — палец мичмана скользит по цифрам, — это год, вот — месяц, короче, дата изготовления. А это число как раз манго и означает. Есть еще персиковый сок, вишневый, виноградный. Там, естественно, номера другие. Нас учили как-то, только забыл я.

— Это все из госрезерва, на случай атомной войны, — улыбается мичман, — бомба взорвется, а мы раз в лодку на расчетную глубину и сок попивать, пока радиация не уменьшится.

Я внимательнее вчитываюсь в цифры.

— Так этому соку лет... — начинаю я.

— До хрена, — подхватывает Чуков, — ты еще не родился, а его уже разлили. А что ему будет-то. Это ж манго. Давай открывай, в натуре...

— Можно до вечера? Я пацанов позову, — спрашиваю я.

Мичман кивает головой.

*

Где-то вдалеке плещется море. В открытую форточку врываются крики чаек. Не желаящее который месяц заходить солнце озаряет капертку насыщенным золотистым светом полярного дня. Этим же светом полны два десятка матросских металлических кружек. Опустошенный картонный ящик с пустыми банками сучает возле стены.

— Ну, за Родину! — говорит Чуков.

Мы дружно чокаемся...

Мне видится, что он меня искал.
И голод в его каждом тёплом слове,
И рык, и рёв. А вот она — змея.
Опять мне грезится верёвка.
За ниточку подёргать и, смеясь,
Себя, пустяк, застать за тренировкой.
Как много птиц, и певчих, и цветных.
И где ж еще мне раздобыть конфеты.
Я вглядываюсь в лица душ слепых,
Молчащих, хищных и полураздетых.
И каждый глаз у города в слезе,
Мороз и солнце, плётка или пряник.
Я Маугли, попавший в Колизей,
Я в каждой новой битве ранен, ранен.
Как будто вот уже и мне пора
Пробраться в толщу страшного, мирского.
Да, я ребёнок возле топора,
Верчусь и нахожу спасенье словом.

Глянь, сток в таком несносном неглиже.
И желчь в начале русла, что уже
Давно не ищешь, и не видишь, и не ждешь.
Одна во сне — глухая ночь — бредешь.
Так жажда речки как глотка воды
Рождает качку на хребтах беды.
Рождает качку и болотную топь.
А ты не лги и время не коробь.
Одна надежда, как сто грамм дождя.
И станет чем-то легче погода.

Посмотришь, твоя гордыня, как дынный плод.
Повисшая в поднебесье, что не сорвать.
А как станет падать, навряд ли узнать наперёд.
В плечи и чресла ударит, положит ничком в кровать.
И будешь лежать там, как бронзовый, недвижим.
И сможешь ли вспомнить, что млад был и одержим.
И сможешь ли голову гордо поднять, увы.
Беды не заметишь, пока не снесёт головы.

О, если неосознанно войти
В родные имена, фамилии и даты.
И, кажется, лекарства не найти,
Чтоб рядом не сыскаться виноватой,
Что может не случиться? Как впервой —
Под тем же деревом и с мыльной головой.
И с пеной на глазах и ветреной укладкой.
И что-то бормотать, не написав в тетрадку.

Напишем позже. Господи, за что?..
Сочтёмся — не сочтёмся, как в рекламе
Про Лёню Голубкова, он в пальто.
Внезапный выигрыш и полцарства маме.
Разумный проигрыш в казённое лото.
А хочется и сердцем, и стихами.
Но дорогое дорогого ждёт.
За пятаки держаться, пятаками
Себя кормить и выбиваться в люди.
И говорить, что прошлое пройдёт.
И, может быть, его уже не будет.

Мария ПОЛЯНСКАЯ

АНАНАС

У нас сегодня подают ананас. Поэтому и гости. Если бы не это, не ананас, никого бы и не было. Хотя этих тоже особенно не звали. Когда на прошлой неделе был банан, приперлись как миленькие. А банан всего один. Рвали, рвали с него кожуру, царапали кожу себе и банану, а съели — даже запаха не осталось. Это удивительно, до чего все-таки банан ничем не пахнет, как же так может быть — целый банан, и ни кусочка, ни аромата какого — все эти свиньи с собой унесли. Их не прокормишь, а жрут они все, что угодно: на прошлой неделе арбуз съели, а еще раньше финики за милую душу слопали. И как они чувствуют? Никогда такого не было, чтобы они опоздали. Придут к концу первого, сядут в уголочке, коготочки подожмут, лапки сложат, ресницы умилят, глаза подведут и ждут — когда десерт будет. А тогда не зевай — вмиг начнут кидать за обе щеки, да так быстро, словно у них рук в четыре раза больше, чем у других. Мама у нас вежливая, она им ничего не говорит, а иногда даже подкладывает. Их обижать нельзя. Хотя они и не пойми кто. Мама у нас строгая. Ты им на ногу наступи, так тут же и подзатыльник заработаешь. А пока у тебя в глазах искры, они все лучшее повытаскивают. С ними прямо лучше за стол не садиться. Папа так и делает. Он давно махнул рукой на десерт и ест на работе. Там у них в столовой дают мясо. Оно немного жирное, но папа вообще-то не жалуется. Жалуется мама, потому что папа так растолстел, что не влазит в старые брюки, а новых нет. А у нас нет работы и нам больше негде есть. У мамы есть работа, но она ради них ест дома. Иначе мы их обидим. Это правда, мы бы их обидели, но только кишка у нас тонка. Это дедушка так говорит. У него самого своих кишок нет, поэтому ест он прямо в туалете на толчке. Так что они ему мало мешают. В толчок они не ходят, у них свой горшочек стоит. Дед сидит не шелохнется. А нам тяжело. У нас жизнь молодая, новая, нервная. Нам хорошо есть надо. А то разрываться приходится. Ко мне любовник ходит. В квартире у нас жарко, раздеваемся и уходим в другую комнату. Время как раз обеденное. Придешь — уже ничего нет. Ума не приложу, как нам до ананаса добраться. Как представлю себе: к мокрому, потному, внутреннему, слизистому прижимается шершавым колючим боком кислый, вязкий, сладкий, волосатый ананас. А они тут как тут: как ножками затопчут, как лапками засучат, зубками застучат, язычками зашелестят — и нет его. Вот мерзость! Мы их все ненавидим. Даже вежливая мама и бескишочный дед. А сделать с ними ничего нельзя. Они к нам оттуда приставлены. Как только внутренне раскрепостимся, они тут же уйдут. Они говорят, что свободу на них чувствуют. Придут, понюхают и говорят, что еще нет. Им все маловато свободы кажется. А ананасов много. На них хватает.

Олег ГОЛЬМАН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Письмо другу №2 — (Sapientī sat)

Вот и пришла зима, мы вышли на снег.
Ветер приносит слова, приводя их в движение.
Легкая грусть, словно тень, замедляет свой бег,
Жаль, интернет не заменит живое общение.

Хочется встретиться где-нибудь в тихом кафе,
Поболтать о былом и о том, что сейчас под ногами.
Как там Гриша Отрепьев, Басманов и Жак де Моле,
Между делом из писем сложить на столе оригами.

Как там Ситчин? ... Ах, умер недавно старик,
Долго жил, много знал — на Нибиру тоскуют.
Так проходят века, а Они, не сбиваясь на крик...
Что там, друг, за окном? Тот же снег и всё так же воюют?

Вот и мы с тобой, клевет, увязли на этой войне,
В партизанских отрядах, в обозах храним эмульгатор,
Как связные, что знают дорогу из тлена во вне,
В это смутное время в кармане несём навигатор.

Мы сегодня в Бейруте опять замечаем следы,
Завтра мокнем на rue Templiers под дождём Ла-Рошели.
Странные странники, что здесь сказать — c'est la vie,
Вряд ли сможем успеть умереть мы спокойно в постели.

И на прощанье, лишь Sapientī sat,
Как пастух-латинянин, поймешь ты меня с полуслова.
Мы давно на пути, и возможность вернуться назад
Не предусмотрена... В жизни всё снова и снова.

Королева может блажь себе позволить,
Отойдя от протокола и приличий,
Свое сердце напрочь обездолить —
В темноте не разглядеть обличий.

Растворяясь в сизом облаке над Сенной,
Взмах руки химерам Нотр-Дама.
Что здесь называется изменой —
На губах застывших амальгама?

Я узнал Её в тени за зеркалами,
Но не смог дотронуться рукою.
Стиснув губы, проводил глазами
Ту, что вечно манит за собою.

Путаясь в старинных коридорах,

Начинаю приходить к сомненью,
По уши в интригах и раздорах
Вряд ли мне успеть за этой тенью.

И палач — поклонник алкоголя —
Выполнив работу неумело,
Показал мне голову Ла-Моля,
Наспех отделенную от тела.

Не касаемся земли

Вроде глупо так стоять
И не к месту целоваться,
Начинаю понимать:
Мне не хочется прощаться.

И расклад совсем не тот,
Чтобы требовать ночлега,
Мне приятней доставать
Вам ромашки из под снега.

Не касаясь ваших рук,
Уводить вас в поднебесье,
По дороге рассказать,
Как держать здесь равновесье,

Как не нужно прятать глаз
И улыбку под чадрую,
Без ужимок и гримас,
Пролетая над стеною,

Не касаемся земли.
Дальше всё легко и просто,
Воздух держит корабли
Даже маленького роста.

Я бы мог вам намекнуть,
Что в тумане есть движенье,
Что от тени на воде
Не бывает отраженья.

Как таинственный мой гость
Просто объяснил суть дела,
Как в ладони мои гвоздь
Забивали неумело.

И теперь легко вдвойне,
Словно корни мандрагоры,
Прорастают в синеве
Все дорийские миноры.

Как Шопен, одной рукой
Выстроив аппликатуру,
Сняв колпак свой шутовской

И, не глядя в партитуру,

Поднимаю свой бокал,
Прежде выплеснув сомненья.
Кто искал, тот и снискал
Жизнь без точки приземленья!

Приходя в сознание

Морозным утром, приходя в сознание,
Оценивая степень разрушения,
Гуляем по руинам мироздания,
С похмелья трудно принимать решения.

Листая памяти страницы пожелтевшие,
Что было здесь, на этом месте до сражения?
И вспомнив, замираем обалдевшие —
Венец «архитектуры возрождения».

Бессмертный памятник искусства зодчества,
Где каждый штрих, как штрих застывшей вечности,
Храм, что хранит в себе ковчег пророчества,
Маршрут от человека к человечности.

Не вспоминая Имена Строителей,
Между собой приходим в умиление,
Присвоив себе лавры победителей...
Что привело Ньютона в удивление.

Осведомлённость — не даёт преимуществ,
Что спорить нам с Бёме и Кампанеллою,
Мы заняты лишь кодексом имущества,
В Пределах только водка с тарантеллою.

И тот, кто, задыхаясь в Вечном Городе,
На площади Цветов скрывал волнение,
Простит всех нас трясущихся на холоде,
Огонь затушит только наводнение.

Кирпич в стене. Вот так, через столетия,
Росло и умножалось это здание.
Что думали об этом новгородские?..
Ведь на костер пришли без опоздания.

И снова, застревая во вторичности,
Не замечаем красоты строения,
Все мысли наши замерли в античности,
Они лишь отпечаток настроения.

Мы этот храм в себе не приумножили,
И превратив его в квартиру коммунальную,
Из общей кухни вырвались в прихожую,
Из трапезной помчались в поминальную.

И результат трудов в разрез регламента,
Вот так, по пьяни, без изнеможения,
Мы выкорчёвывали камни из фундамента,
Покуда стены не пришли в движение.

Как уцелеть смогли мы? Удивляемся...
Хранит нас кто-то... и хранит терпение,
И раз пока живыми мы считаемся,
Пора освоить нам таблицу умножения.

И, зная нашу тягу к геометрии,
Осознавая многогранные пропорции,
Своё дыхание приводя к симметрии,
Остатки влаги разделив на порции,

Вгрызаясь в параллели Лобачевского,
Мы ищем точки соприкосновения,
В тетрадах арестанта соловецкого
На двух прямых нет места разделения.

Последний апостол любви

Тихая, спокойная музыка
Прерывает поток словесности.
С неба сыплется что-то грустное,
Заметая следы и окрестности.

То ли снег, то ли сладкая патока
На ладони тает стремительно,
Понимаем, что нет возврата нам
К прилагательным и существительным.

Закрываясь от одиночества
Этих мест, соблюдая условности,
Склонны верить в любые пророчества,
Задыхаясь от ненайдённости.

Но не следует множить сущее
И, без крайней на то неизбежности,
Разобраться, ведь мы же живущие,
Не хватает всего лишь нежности.

И, создавая сложности,
Чтобы быть в рамках приличия,
Догораем от собственной «скромности»
от двуличия до безразличия...

К тем, кто застрял в ожидании
Или просто замерз на пути,
Принесёт на ладони дыхание
Их последний апостол Любви.

Далай-лама

О, далай-лама, мой печальный друг,
Зачем ты смотришь в пустоту ночную?
Ведь все равно бредём мы там вслепую,
Не различая даже голоса.

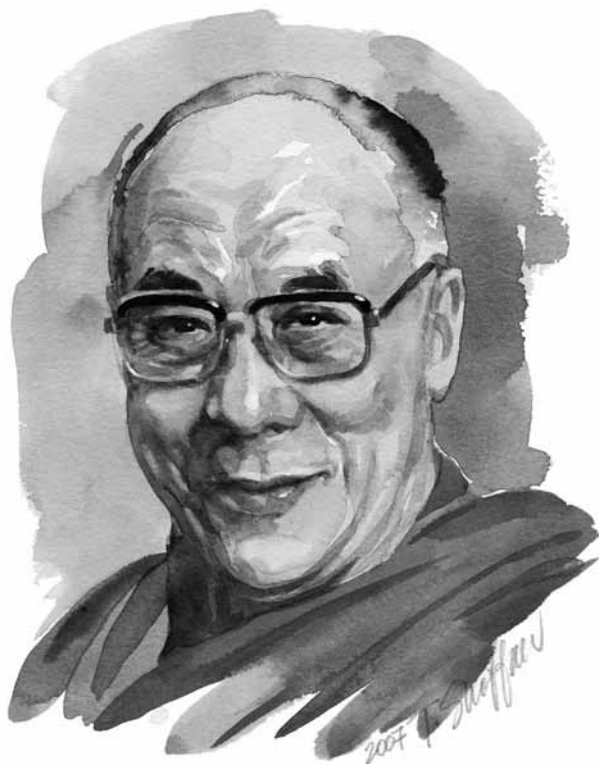
А за окном моим одна звезда,
Та, что светила нам на поле битвы.
Но все равно не помню я молитвы,
Могу лишь только опустить глаза.

А может, лучше ногу в небеса,
Уйти и бросить деньги на дорогу?
Но только жаль, плетёмся мы не в ногу
На свет давно погасшего костра.

И птица марабу не станет петь,
Когда вокруг все празднуют победу,
А ей бы только не поспеть к обеду,
Хотя её никто не станет есть,

И мой бокал — таинственная смесь,
Но не уснуть нам в этой скотской будке,
Здесь так легко подвинуться рассудком,
А утром лечь и тихо умереть.

Но те, кто знает смысл слова смерть,
Не станут петь и слать нам телеграммы,
Увидев труп растерзанного ламы,
Им наплевать, им нравиться терпеть.

Святослав СИРОТА, sirota.svyatoslav@yandex.ru

МЫС НАДЕЖДЫ

Ох, как же мне опостылел этот пейзаж! Как отвратительны мне эти белые стены, облупляющиеся старостью, каждый божий день падающей тебе на голову мелкими кусками штукатурки. Как невыносимы эти стоны усыпающих, что ноют целыми днями о своих болезнях, хоть и знают, что никто не в силах им помочь! Эта кровать с дырявым матрасом! Зеленые стены, призванные успокаивать, но только раздражающие своей монотонностью. Как же мне все это противно, кто бы только знал! Как далек для меня теперь тот мир, оставшийся за четырьмя углами оконного проема. Даже это пресловутое окно находится на другой стороне палаты, этот проем в другую вселенную, в которой мне посчастливилось когда-то жить, но теперь потерянную для меня навсегда. В этом окне для меня внезапно образовалась целая вечность, потому что меня в ней уже нет, потому что она превратилась на моих глазах в загадку. Господи, как же это мучительно, высматривать в том уголке неба, что отмерила для меня моя кровать, то, чего мне здесь так не хватает: жизни! Как мало в этом уголке ее и как непостижимо много! Стоит туче или солнцу лишь немного задеть краешек моей вселенной, как моя скудная больничная жизнь тотчас преобразуется, но вскоре с привычной небесной синевой все снова становится на свои места.

Все чаще, смотря с грустью на пациента, лежащего у этого прозрачного кусочка вселенной, я вспоминаю историю, слышанную мной еще в детстве, о том, как в доме престарелых один старик, чья кровать была у окна, рассказывал другому, лежащему в углу комнаты, о том, какой мир он там видит. Он говорил о прекрасном саде, расположившемся под самым окном, о цветнике и играющих там детях. В таких красках, так подробно описывал он все это, что несчастный старец в углу комнаты только и жил этими историями, но не имел возможности встать и увидеть все своими глазами из-за болезни, приковавшей его к постели. Через несколько лет старик у окна умер, и это место досталось тому самому больному, что с такой жадной слушал его истории. И когда его переложили на место, о котором он так мечтал, он посмотрел, наконец, в заветное окно. Перед ним возвышалась бетонная стена соседнего корпуса, и по обеим сторонам не было видно ничего, кроме серого бетона.

Но я лишен даже этих жалких историй о саде, о детях. Мне остается лишь догадываться, что ждет меня по ту сторону больничной палаты, пока здесь моей жизнью правит все одно и то же невыносимое постоянство, надежность в своих самых ужасных проявлениях. Я, даже не смотря уже на часы, подвешенные к стене каким-то садистом, могу определить, когда мне принесут еду, когда напоят лекарствами, когда сделают очередной укол. Как же меня от всего этого тошнит!

Но ничто не может быть так больно, как огонь, который все еще горит где-то внутри меня, сжигает все нутро. Это напоминает о себе все то, чего я уже не успею, моя молодость, мой неиспользованный потенциал, моя непрожитая жизнь! Они просятся наружу, ищут выхода и не находят. Как же тесно им в этих бледно-зеленых стенах. И осознание того, что я только начал жить и уже должен уйти, невыносимо. Я только и делаю, что говорю себе: «Сколько бы всего я мог успеть!». Была бы у меня эта жизнь, разве так бы я ее прожил? Разве растратил бы ее впустую?! Нет! Нееет... А ведь как много секунд я зря потратил, боже мой, как страшно все это теперь. Да каждая эта секунда для меня теперь целой жизни стоит! Нет. Это невозможно. Невыносимо! Сейчас, когда я вижу, как эти мгновения

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

проносятся мимо меня, улетают в это проклятое окно, смываются с водой в душе, утекают сквозь серую простыню, мне, как никогда, мучительно больно смотреть на них. И как я их не замечал, пропускал, терял безвозвратно! Как?!

Я откидываюсь на подушку, смотря в потолок взглядом обреченного и думаю, думаю, но никакая мысль уже не в силах вернуть мне мою непрожитую жизнь. Ни одна!

Шли недели. Я перестал лежать и без всякого смысла смотреть в потолок. Поддавшись желанию остановить ускользящее время, поймать его за хвост, я начал совсем другую жизнь. Ни одного моего дня не проходило без мысли о выздоровлении. Давно еще я слышал истории о больных, самостоятельно вытянувших себя за волосы из омута больничных коек. И я, пусть и с таким неутешительным диагнозом, как лейкопения, давал себе надежду на излечение. Я уже не опускал руки, просто сожалел о чем-то, как о давным-давно утраченном. Я боролся, вырывая каждую секунду своей жизни из цепких лап смерти.

Чудо не заставило себя долго ждать. Мне становилось все лучше на удивление тем, кто меня окружал. Всем этим врачам и медсестрам, которые только и ходят рядом, делая умный вид. Видели бы вы теперь их лица.

К началу зимы им уже ничего не оставалось делать, кроме как выписать меня и отправить выздорою. Возможно, вы скажете, что истории своего выздоровления я уделяю слишком мало времени, но разве это важно? Разве об этом я буду думать теперь, когда стою в одном шаге от мира, который я чуть было не покинул.

Как бесконечно долго открываются передо мной эти двери. Как ослепителен этот новый свет, как будто увиденный мной впервые. Один шаг, еще один.

Холодный воздух беспощадно режет все нутро, так сладко, так уповательно морозит зима! Как давно я не набирал с таким удовольствием полную грудь воздуха, чувствуя какую-то безотчетную радость лишь оттого, что тело мое все еще способно на это простое, казалось бы, движение. Руки жгут нестерпимо, но я даже не убираю их в карманы, не заковываю в перчатки, потому что так приятно чувствовать это покалывание после моего тепличного существования в этой белой клетке. Я оглядываюсь на бледную тюрьму, из которой меня выпустили каким-то чудом досрочно. Как красива она отсюда, со свободы, словно покрытая белым саваном, зияя десятками окон, в которые все еще смотрят те, кому повезло меньше, чем мне. А вокруг все так же бело, так же чисто прибрано, будто природа постаралась и избавила на несколько месяцев Москву от всех этих ярких красок, даря отдых уставшим глазам. И больница, и снег под ее ногами и, присыпанные инеем, растопырившие мне навстречу свои когтистые ветви осины, все это сливается в одно, грустное этой своей аккуратной и обесиленной чистотой. Пальцы тем временем задеревенели, отказываясь сгибаться, и даже когда я наконец начал убирать их в карманы, долго сопротивлялись, отказываясь попасть в узкий карман старенького поизносившегося пальто.

Шаги все неувереннее, все слабее, пальцы ног так же отчаянно ищут карман и не находят, пытаюсь согреться в тоненьких осенних туфлях. Кто же знал, что мне придется когда-нибудь снова выйти в этот прекрасный, ничуть не изменившийся за время моего отсутствия мир? Колени подгибаются от многомесячного лежания на одном месте, не повинуюсь моим приказам и, не дойдя и до ворот, я без сил падаю наземь.

— Да хоть так! — думаю я, — Хоть вот так пролежать на боку, в снегу, всю жизнь, но только бы здесь, на этом оживляющем холоде, дыша,

чувствуя, как воздух бурей врывается в легкие, а не в бездушных коридорах больниц, играя чью-то чужую роль в этой нелепой драме!

Слава богу, никто ничего не видел. Некому мне помочь, некому поднять меня с промерзшей до самого своего ядра земли, и за это благодарю! Я бессильно переворачиваюсь на спину и смотрю вверх, в высокое недоступное небо, невыносимо светлое и чистое. Светлое. Нет, мне к нему еще рано. Тяжелыми усилиями встав, я снова иду к воротам, спеша выскочить за эту ограду, а там будь, что будет. Хоть лечь на лавочке, да вот так смотря в небо и отдать Богу душу, но только не возвращаться больше в эту больницу, ко всему этому предсмертному спектаклю.

С облегчением я минул легкую арку ворот. И медленно-медленно, пропуская через свое, еще слабое, тело этот сладкий мороз, который я так мечтал почувствовать, лежа на больничной койке, в душном тепле болезненного человеческого дыхания, я с каким-то упоительным счастьем выдыхал из себя густые клубы пара, наблюдал, как они растворяются в холодном воздухе, и шел дальше. Под ногами тоскливо визжал снег, навевая теплые воспоминания детства. Как далеко нас возвращает иной раз соскучившаяся по впечатлениям память. Детство, сугробы по пояс, деревенский лес, поседевший от прошедшей вьюги, далекий стук топора, отмеряющий ход времени. Снежной бурей воспоминания врываются в январский вечер, пролетая перед моими глазами и исчезая вместе с моим дыханием в оранжевом свете загоревшихся только что фонарей.

Часы идут, куда-то так нелепо быстро несется время, неутомимо, в вечной болезненной погоне за будущим.

— Куда? — так и хочется крикнуть ему вслед, — Ты не умирало, ты не знаешь, как это страшно спешить жить! Как страшно видеть, что другие успевают так много, когда ты только что лег на кровать. Ты еще не встал, а прошла уже целая осень! Ты не знаешь, как страшно спешить, когда спешить уже некуда! Остановись, оглянись, постой немного, ты же так ничего не увидишь, ничего не заметишь в этой нервной спешке!

Но оно неумолимо, оно делает вид, что не слышит меня и продолжает бежать к какой-то лишь ему известной цели. И по его пятам уже подбирается ночь, длинными тенями скрипя по истоптанному придорожному снегу, а я не прошел еще и половины пути. Так бы и идти целую вечность в ожидании ночи, да время, время так неустанно, в отличие от нас. Разве можем мы соперничать с ним своими жалкими человеческими силами? Даже самые быстрые бегуны, олимпийские чемпионы, и те умирают.

Ночь уже накинула свою тяжелую темную ткань на эту огромную птичью клетку. Все бегут к своему гнездышку, спеша, содрогаясь от холода. Лишь я никуда не тороплюсь, потому, что только из рук смерти можно получить этот бесценный дар: никуда не торопиться, каждое мгновение проживать полностью, не обрывая его на полуслове, недосказанное, недожитое. Ну а с другой стороны, ведь можно ощущать полноценность жизни, в то же время насыщая ее ежеминутно этими самыми мгновениями, чтобы прожить их полностью, не растеряв в этой спешке. Можно!

Эта мысль подействовала на меня как шпора на сонного коня. Почему бы не спешить! Главное, не растрачиваться, ведь теперь у меня в руках бесценное знание. Знание того, что ни одну минуту даром проживать нельзя, ни секунды не терять на пустые размышления.

— Ведь мир так непостижим мной, так необъятно колоссально огромен, — восторженно думал я, смотря на темное покрывало, накинутое ночью на Москву, на тысячи маленьких дырочек, проделанных в нем ее тоненькой иглой, сквозь которые продолжало звездами светить солнце, — Ведь и отсюда есть выход: дойти туда, где заканчивается ткань. Подходишь ближе и ближе, а там, вдали, уже виднеется робкий свет. По-

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

том приподнимаешь осторожно тяжелый край этого покрывала, и свет прорезается из-под его полы. И чем шире открываешь этот просвет, тем ярче становится день и тем выше взлетает будто зацепившееся за самый краешек темной бахромы желтое светило. И наконец перекидываешь поднадоевшую темную ткань за спину, и все вокруг озаряется дневным победоносным светом, а сзади все еще ночь. Птицы там еще спят, и лишь один ты, расправив наконец крылья, несешься по воздуху дальше и дальше, пока не долетишь опять до знакомого ночного одеяния и не нырнешь снова под его тихие своды. А под ним уже другой город, незнакомые улицы, бурлящие совсем иной жизнью.

Я замечтался до того, что уже давно прошел мимо своего дома, и как ошпаренный вернулся обратно, обновленный своей внезапной свободой, на которую лишь сейчас я открыл глаза. Свобода, которая дарит мне возможность начать новую жизнь, шанс провести ее в новых местах, стать гражданином мира, а не только Москвы. Я уже не шел, а бежал, зная, что буду делать. Благо Сегодня щедрым жестом подарило мне его, это бесконечное в своих возможностях завтра.

*

Среда, до чего же нарядная и красивая среда! Идеальный день для новых начинаний. Идеальное утро, если быть точным. А время-то бежит! Вот уже полдень, а я уже обиваю пороги посольств. Благо заграничный паспорт уже есть, и все, что мне теперь нужно — виза. Как же хорошо раньше жили люди, как свободно, когда не было нужды во всех этих документах, лишь ограничивающих, усугубляющих наше запертое в душном воздухе мегаполисов существование. На тройке, увешанной бубенчиками, до самого края света, без бумажек, без штампов, летя легкой походкой по этому крошечному в масштабах вселенной зеленому шару. Но нет, теперь нужно обегать не одну инстанцию, простоять не в одной очереди лишь для того, чтобы сделать маленький шаг с одного клочка земли на другую. Абсурд, один из множества, управляющих поминутно нашей жизнью.

Те же очереди для того, чтобы получить средства на этот крохотный шаг, ведь без этих безвкусно штампованных бумажек нельзя ступить шагу и в своем городе. Ну, да что думать об этом, все это ерунда, все это такая ерунда по сравнению с тем, что когда-нибудь ты лишишься возможности даже просто стоять в этих самых так раздражающих тебя сейчас очередях.

Проходят дни, получены деньги, отданные мне банком в долг, получена и виза во Францию, а значит, и во всю Европу. За этими днями следуют другие, вот я уже нерешительно прохожу по коридору в самолет, смотрю на спокойное море асфальта, расплесканное кем-то прямо под его огромными колесами. Смотрю на тени крыльев, готовясь вот-вот расправить их и унести навстречу неизвестности, так манящей своей чистотой, потому что все еще не виденное нами сохраняет в наших глазах романтический загадочный ореол какой-то нетронутости. В такие минуты мы, как Колумб, смотрим на далекие земли как на что-то дикое, еще не открытое нами, пусть и кипящее жизнью, которая еще не успела стать нашей, нашей жизнью, хотя бы на один день. И до этих пор любые края, где не ступала еще наша нога, остаются для нас Америкой, не открытой, непознанной.

Долгий полет над облаками. Я чувствую себя перелетной птицей, в числе прочих улетающей прямо из ледяного сердца суровой русской зимы в далекие южные края. Чувствую, как легко парить над этим неве-

сомым пухом из облаков, нежно укрывающим тело земли от вселенского холода, так же, как одеяло укрывает нас в холодную одинокую ночь от затаившегося во тьме бесснежного сухого мороза. Чувствую, как тяжело дышится на такой высоте, куда не залетает ни одно живое существо, но я об этом не думаю потому, что так приятно почувствовать себя птицей. Свободной в своем легком несдержанном полете.

Как удивительно выходить из самолета в нутро аэропорта, так похожего на тот, из которого я начал свой путь. Но в то же время осознавать, что ты в новом мире, ступаешь на ту же самую, родную и одновременно чужую землю, уже покоренную когда-то кем-то другим. Но сейчас я — ее первооткрыватель. Вот раздвигаются стеклянные двери, сами, как по волшебству, а за ними гвалт, голоса всех возрастов и тембров, крики «Такси!», таблички с чужими именами, выкрикиваемыми нетерпеливым тоном, знакомый шум незнакомых машин, веселый гомон толпы: все сливается в один фон, заполняющий собой, кажется, теперь весь мир. Вся планета кажется сейчас объята этим многоголосым хором жизнью. Вот толпа этих голосов подхватывает меня, несет к городу, выплевывает на блестящую мостовую, а за мной и мой чемодан, чуть не раскрывшийся по дороге, рискуя вывалить на эти улицы Москву, а ведь ей здесь будет совсем неуютно.

Прохожу мимо сияющих витрин, что так нагло кричат всем о том, чем набит мой кошелек. Спешно убираю его во внутренний карман.

— Ну да! Там почти ничего и нет! — так и подмывает меня крикнуть этим манекенам, провожающим меня пустым, ничего не выражающим и от того страшным взглядом.

За витринами идут питейные, едальные, бакалейные. Сколько чужих букв, сколько звуков всех высот, а запахи. Как их здесь много! Вдыхаю их все одним махом, пока не захожусь в долгом приступе кашля. Затем осторожно выхватываю из воздуха по одному, стараясь различить каждую нотку, будто разбирая по частям симфонию, как старый дирижер, засевший в своем кабинете за новым музыкальным полотном. Вот солоноватый привкус моря, привезенного сюда в виде живой жадно глотающей воздух рыбы. Приправляю его свежим ароматом овощей и спелым вкусом диковинного фрукта. Бархатистое прикосновение свежеспеченного хлеба и вяленого мяса. Пряный чеснок, немного специй. Затем повторяю свой глубокий вдох, уже готовый вобрать в себя все щедроты этих земель. Вот из частей уже появилось целое, зазвучала оглушительно симфония, заиграли музыканты, выдавая одну пряную нотку за другой, запел хор лавочников, кричащих на все лады название своей партии в этом торжестве музыки вкуса.

После концерта — море, безбрежное. Маленькая часть мирового океана, несущего свои воды по всей земле уже столько миллиардов лет. Соленый вкус воды, вливающейся в меня с каждым новым неосторожным вдохом. Снова кашляю. Снова плыву, зачерпывая то одной ноздрей, то другой. Довольный, счастливый, возвращаюсь обратно. Долго стою на пляже, всматриваясь в горизонт, пытаюсь различить далекий берег, но что-то уж очень он далек. Глазу, не привыкшему к таким расстояниям, никак не удастся перевалить через эту границу, отделяющую небо от моря. Вот я уже подпрыгиваю, но только сильнее начинает кружиться голова, потом неудачно приземлившись, прикусываю себе язык и долго морщусь. Но уже через минуту, забыв про все, бегу навстречу новым впечатлениям. Попадаю на пирс, с которого отправляются в море десятки кораблей, рядами стоя и ожидая своей очереди. С кем-то говорю, ничего не понимаю, перехожу на ломаный язык жестов, жестикулируя с диким русским акцентом. Объясняю, что хочу на тот берег, что у меня есть

деньги, что я готов работать. Он соглашается на последний вариант и вот я уже на корабле. Мюю палубу, нещадно посыпая ее поверхность каким-то порошком, едким, забирающимся в нос, снова заставляющим меня кашлять. Поливаю эту белую дрянь водой и разношу по всему огромному пространству палубы, очищая ее от... Не знаю, от чего. Лично мне она и так кажется чистой. Но ведь капитану лучше видно с его высокой рубки. Да и что эти полы по сравнению со свободой необозримого горизонта, описывающего вокруг меня все новые и новые круги? Ерунда.

Идут недели, порошок все тот же, та же вода, те же веселые лица матросов, то же палящее солнце, каждый день одним и тем же голосом приветствующее нас. Вот показались вдали берега, вынырнув из-за кромки воды, плещущейся вокруг корабля, бьющей о высокие борта, так ни разу и не перепрыгнув через них. Иной раз так жалко было ее безутешные попытки добраться до нас, что мне даже хотелось ей помочь, но сколько я ни тянулся, перевалившись всем телом через борта, так и не смог втащить ее на палубу, заработав только лишнюю оплеуху от капитана.

Берега уже через несколько часов нетерпеливо подбежали к нам, встретив песчаными пляжами и сливающимися с ними по цвету городами. За городами этими снова песчаные пляжи, да что там: треть континента представляет собой один большой песчаный пляж. Еще в школе, кажется, я учил его название, да подзабыл со временем. Что-то очень похожее на сахар. Сахара!

Жители встречают нас рынками и маленькими площадями, предлагая все свои щедроты, от которых я скромно отказываюсь. Прохожу мимо маленьких домишек цвета песка, мимо их темнокожих хозяев. Как странно видеть вокруг таких непохожих на меня людей! Как прекрасно это их отличие одним тем, что оно выделяется, как драгоценный металл среди железяк. Интересно, думают ли они то же и про нас, европейцев, сверкающих на солнце своей унылой светлотой? Прохожу дальше, переступая великанскими шагами из города в город, углубляясь в этот удивительный континент. В нос то и дело попадает песок, даже в воздухе разбросанный в нещадных дозах, вызывая новые приступы кашля.

В одном из селений я встречаю девушку, молодую, спелую, как экзотичный сладкий фрукт, покрытую этой красивой, отливающей на солнце, темной кожей. А когда она улыбается, все лицо ее сияет, утопая в таком умиляющем контрасте. Ямочки на щеках, кроткий, несмелый взгляд, на который то и дело опускаются темные веки, будто в ее глазах ежеминутно день сменяется ночью. Длинные до пояса волосы, вьющиеся, как волны глубокого беспокойного моря. Когда я рассказываю ей о нем, о том, как я бороздил океаны, сражаясь с пиратами и беспощадными штормами, она то и дело испуганно вздыхает или широко, радостно улыбается. Какими глазами она смотрит на меня, когда я в красках описываю ей буйство природы, не жалеющей даже самых отважных капитанов! Каким только я не вижу себя в отражении ее восхищенных глаз. Я обещаю увести ее к тем далеким морям, и под самым покровом ночи мы уносимся к кораблю, который я оставил у Мыса Надежды.

Она верит мне, невольно заставляя порой мою совесть жестоко колоть меня то туда, то сюда, обыскивая мое тело на предмет болевых точек, но ничего не находя, она замолкает до следующего раза. Я лишь тяжело покашливаю ей вслед.

Какими только способами не добираемся мы юга: то вместе с бесконечными, змеей вьющимися, караванами, то оставшись лишь с парой ленивых верблюдов, а то и вовсе пешком. Но любовь наша, возрастающая с каждым новым днем, выдерживает все опасности, все тяготы нашего долгого пути.

В конце концов, мы добираемся до тех берегов, у которых стоял когда-то мой корабль, прелестный плод воображения, переживший столько бурь и штормов. Я лишь недоумеваю, пожимая плечами, но вовремя спохватываюсь и смело берусь за новый. Вот нам уже помогают и местные жители. И всего через несколько месяцев упорного труда мы заканчиваем, наконец, свой маленький шедевр кораблестроения. Совсем маленький. Такой, что в единственной каюте помещаются лишь трое. Но нам с ней вполне достаточно. Следующим же утром мы отправляемся покорять новые берега, нестись по беспокойной поверхности океана, в поисках еще нетронутых человеческим взглядом изгибов земли.

Проходят годы. В нашем экипаже прибавление. Мы назвали его Ваней, чтобы он напоминал нам, особенно мне, о тех далеких землях, где все еще морозит зима, а ночь держит над ней свое покрывало, протыкая его порой новыми дырочками, а иногда оно чуть прорывается от старости и кажется, будто падает звезда.

Прибываясь за эти годы то к одним, то к другим берегам, лишь однажды мы ступили на землю, поняв, что больше не хотим возвращаться на борт корабля, уже ставшего нам домом. Мы решили так этот факт и оставить, разобрав корабль и соорудив из него самый настоящий дом. Маленький, но крепкий. Там родились еще дети, за ними родились и внуки, построили себе новые дома. Теперь там уже целая деревня, но это теперь, а тогда была всего пара домишек. Тогда, когда я, счастливый, спокойный, удовлетворенный жизнью и тем, что прожил ее полноценно, жадно поглотив каждое мгновение, посмаковав его прежде, чем поглотить. Я умирал в почтенном возрасте, седовласым, но все еще полным сил стариком. Меня настигло время, догнав наконец после долгой и веселой погони. А ведь я еще давно понял, что прожить действительно много можно, лишь пробегая всю жизнь так быстро, чтобы время не успело за тобой угнаться. И, может, в один прекрасный момент оно устало махнет на тебя рукой и оставит в покое. Беги, мол, куда хочешь, мне-то какое дело.

— Ох, еще и не такую жизнь можно было бы прожить, встать бы только с этой больничной койки, — думал я, заходясь в очередном приступе кашля, смотря в окно на это зимнее чистое бескрайнее небо. Его маленький кусочек в самом углу окна. По мере этих мечтаний бред все больше окутывал пеленой мое сознание, и к вечеру он уже окончательно овладел мной, спутал мысли, ознаменовывая собой лишь приближение неизбежного конца. Меня перевели в новую палату, в другое отделение, чем сразу воспользовался старик, лежавший у окна, сказав, что ему надоело смотреть на одну и ту же стену противоположного корпуса, оставившую ему лишь маленькую полоску неба, которая будет видна ему и с моего места.

Меня же положили рядом с окном, за которым жила своей собственной, обособленной от больничной, жизнью детвора, каждый день с веселым визгом выбегая из домов и собираясь прямо перед моим окном, чтобы создать очередного снеговика или поиграть в снежки. Впереди их ждала целая жизнь, бесконечная в своих возможностях, необъятная, свободная. И эта кипящая в них энергия будто бы вливалась в меня с каждым их вырывавшимся на холодный воздух радостным восторженным криком, пока я смотрел, как они играют в снежки, весело бегая по занесенной снегом детской площадке. И так, кажется, с одним из этих снежков, и моя душа однажды полетела куда-то в это бескрайнее, холодное, нестерпимо синее небо.

Вадим ШИМАНОВСКИЙ

ЗИМНИЙ СОН ВАЛЕНТИНЫ МАТВИЕНКО

С крыш опять свисают сосульки,
Петербуржцев сводят с ума.
Если меня долбят бабульки,
Значит, наступила зима.
Небо на меня ополчилось,
Снегом, заметая дома,
В чём же я таком провинилась,
То, что наступила зима?!

В ту ночь, когда мне снился Путин,
Я всё испортила сама,
На Питер быстро опустилась
Зима, зима.
Я для него не сохранила
Честь в коммунальной войне,
Как жаль, что это всё не снится мне.

В сны мои Москва окунулась,
Планы превратились в туман,
Если в Питер я не вернулась,
Значит, наступила зима.
Может, помешали сосульки,
Может, это чей-то обман,
Может, виноваты бабульки,
И, конечно, сука, зима.

В ту ночь, когда мне снился Путин,
Я всё испортила сама,
На Питер быстро опустилась
Зима, зима.
Я для него не сохранила
Честь в коммунальной войне,
Как жаль, что это всё не снится мне.

Путин, тихий таинственный!
Где ты, милый, единственный,
Сон мой?
Валей, Валей Кремлёвскою стану,
Самою, самую главной, сон мой.

В ту ночь, когда мне снился Путин,
Я всё испортила сама,
На Питер быстро опустилась
Зима, зима.
Я для него не сохранила
Честь в коммунальной войне,
Как жаль, что это всё не снится мне.

Людмила ОСОКИНА

КОФЕ & КОШКИ

Кофейная девушка

Я — кофейная девушка! Я — девушка-кофе!
Я бегу мимо вас в городской суматохе.

Мои волосы — мокко, изысканный мокко,
Но мне так одиноко, мне так одиноко.

Я — кофейная девушка с ароматом ванили,
Вы, наверно, меня еще не позабыли.

Я — кофейная фея в карамельной помаде,
Отыщите меня в городском звездопаде.

Я — конфетка ночная. Я медленно таю.
Вместе с кофе ночным в небеса улетаю.

А потом возвращаюсь с излюбленным мокко,
Чтобы не было так без меня одиноко.

Кофе — это ночь

Наливаю сладостный напиток,
Сон души пытаюсь превозмочь,
Кофе — это нежности избыток,
Кофе — это ночь.

Черная, тревожная водица
Обступила с четырех сторон,
Пью и пью и не могу напиться,
Кофе — это сон.

С кофе я, во сне ли, наяву ли,
Постигаю этой жизни суть.
Только вот пойму ль ее, пойму ли?
Кофе — это путь.

Нет, я ничего не понимаю,
Меня гложет первобытный страх,
Я ночные тени обнимаю,
Кофе — это мрак.

Кофе, как Божественная манна,
Скрытая в покровах Бытия.
Кофе — это дьявольская тайна,
Кофе — это я!

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Карамелизированный мир!
Тайные конфеты-карамели.
Мой пресладкий-сладкий-сладкий пир
В радостной конфетной карусели!

Карамелизованна-я-Я!..
Сладкая-пресладкая конфета .
Я — в обертке — золотиста-я-Я,
Как в лучах полуденного света!

И, возможно, я — уже не я.
Исчезаю с карамельным стоном.
Там, в Конфетной вазе Бытия,
Я откликнусь карамельным звоном!

Принесите мне кофе — изысканно-черный,
С черной магией ночи приготовьте его.
Я присяду за столик с этой чашкой бездонной
И как будто бы спрячусь от всего, от всего.

Принесите мне кофе — изысканно-нежный,
С лунным образом в чашке и с россыпью звезд.
Я хочу насладиться горчинкой небрежной
До восторга в душе и до радостных слез!

Ну а если мне станет совсем одиноко,
И захочется неги таинственных стран,
Принесите мне кофе с ароматом Востока,
С легкой дымкой турецких заманчивых тайн.

Черная кошка

Черная кошка — не хочет дружить.
Черная кошка — себе на уме.
Нравится ей в потаенности жить,
В мягкой, не тронутой лампами, тьме.

Вон она! — там, в переулке пустом,
Только два глаза заблещут вдали.
Вон она! — прыгнет в заброшенный дом
И растворится в прохладной пыли.

Вскоре по крыше пойдет не спеша,
Словно в беззвучном, замедленном сне.
Вот она! — бархатной ночи душа!
Черная кошка при желтой луне!

Котик, мой котик,
Желтые глазки,
Котик, мой котик,
Котик из сказки.

Котик, мой котик,
Черные очи!
Котик, мой котик,
В сумраке ночи!

А кошки мягкие такие,
Как содержание без форм,
А кошки все же нам чужие,
Как завезенный вдруг попкорн.

Они крадутся повсеместно
Во мраке улиц и квартир,
Как будто ищут свое место
И завоевывают мир.

Их силуэты, силуэты
В проемах окон и дворов,
Их пируэты, пируэты
На грани лестниц и миров.

Ах, те таинственные лапки
Перебегающих в ночи,
И избегающих и лампы,
И света меркнувшей свечи.

Ах, те немеркнувшие очи,
Золотоглазые огни,
Они загадочные очень,
И притягательны они.

Ах, кошки мягкие какие!
Вместо подушки можно класть.
Возможно, в этом их и сила,
И упоительная власть!

Кошка, бродящая в ночи,
Окнами прошедшая случайно.
Ты, при свете меркнувшей свечи, —
Тайна.

Уми-ро-тво-ря-ю-щая тьму
Как ты бестелесна и хрустальна.

Ты, принадлежащая — кому?
Тайна.

Пе-ре-хо-дя-ща-я во сны,
Ты, словно музыка — астральна.
Ты, к нам пришедшая с луны,
Тайна.

Вот и не найти тебя нигде,
Ты, как все виденья, нереальна.
Ты, уходящая к звезде,
Тайна.

* * *

Я видела, как она ступала по ночному небу
Своими мягкими черными лапами,
Как она окуналась в бархатную черную негу
И любовалась звездными лампами,

Как катала туда-сюда по небосклону
Серебряный лунный мячик,
Как ее приманивал к своему звездному трону
Призрачный млечный мальчик.

Как таинственная Богиня Ночи
Склонялась перед ней ниц,
И, словно считая ее собственной дочерью,
Исполняла каждый ее каприз.

Черная-черная кошка
С золотыми ночными глазами
Ушла ты по лунной дорожке
Вслед за волшебными снами.

Наталья СИГАЙЛОВА

РАССКАЗЫ

Капля янтаря

Кристаллики появились из ниоткуда. Просто как-то днём, выйдя на кухню, отодвинув ящик и потянувшись за чайной ложкой, он почувствовал это — первое янтарно-сладкое прикосновение. Тонкие грани золотистых крупинок игриво пощекотали его пальцы и тут же исчезли, стоило ему потряхнуть рукой.

Желтой искрящейся пеленой окутало солнце его обычное утро, чайная ложка коснулась сахара и, описав намеченный свыше путь, утонула в упоительно горячем, крепком английском чае. Так он выпил свой первый кристаллик. Напиток имел самый обыкновенный вкус.

На следующее утро вопреки настойчивым прогнозам синоптиков и уверениям всезнающих соседей он снова увидел солнце. Казалось даже, что это оно с шумом ворвалось в его комнату и, безжалостно

тряся, прервало его томно-сонливое пробуждение. Ян разглядывал блик на медной стрелке настенных часов. Пять тридцать. Удивился своей лёгкой, словно полёт отскочившего от стены мяча, бодрости.

Умываясь, он заметил несколько золотисто-медных крошек на округлой глянцевой поверхности новой, искрящейся белизной, раковине. Он небрежно смахнул их.

Рабочий день на удивление пролетел очень быстро, когда Ян вернулся домой, стены еще отражали лучи заходящего солнца. Ян ощутил некоторое беспокойство, стяхивая со стола бисером рассыпанные кристаллики. Сахар тоже поблескивал золотом. Ян поднес ложку ко рту и коснулся кончиком языка рыжей пирамидки. Вкуса словно бы и не было. Они растворились на языке так быстро, что он даже не смог бы сказать, были ли они вообще. «Видимо, это особый сорт сахара», — подумал Ян.

Его карие глаза стали светлее, словно дно медного таза с золотистыми проблесками. Всю следующую неделю то тут, то там ему попадались маленькие золотистые крупинки, которые, впрочем, как частички золотой пыли исчезали, стоило их коснуться. Но если на них подуть, сгушались, словно мыльная пена.

На работе его вдруг начали замечать девушки. Они смотрели оценивающим любопытным взглядом и одобрительно кивали головой, как будто соглашались с чем-то.

Ян и сам заметил, что кожа его из бледно-розовой с оттенком синевы вдруг стала золотисто-медной. Не то чтобы он выглядел загорелым, скорее просто тёплым, солнечным. В русо-пепельных волосах появился еле заметный красноватый блеск.

Он стал медлительен, спокоен. Прежде чем что-либо сделать, он подолгу смотрел куда-то вперёд, и порой необходимость действовать отпадала прежде, чем он решался встать с места. Всё чаще коллеги приходили к нему. Всё реже его беспокоили друзья. Почему-то даже разговоры меняли свою тональность в его присутствии.

Когда Ян возвращался домой, то пил чай, почти не раскрывая глаз. Это было тяжело и утомительно.

Две недели Ян не появлялся на работе. После нескольких неудачных телефонных звонков, обрушивших на коллег Яна град холодных бессердечных гудков, решили к нему заехать. Лиза вызвалась сразу, она пришла всего месяц назад и Ян ей очень понравился. С ней же напросился и Вадим, невысокий узкоплечий паренёк с торчащими ушами, который имел привычку часто моргать.

В лифте оба сильно нервничали. Вадим — что остался с Лизой наедине, Лиза — что наконец-то увидит Яна.

Звонок молчал. Лиза с силой нажала несколько раз на тусклую наглуую кнопку и с беспокойством посмотрела на Вадима.

«Просто звонок не работает», — успокоил он девушку и постучал в дверь. Мягкая ватная кожа двери проглатывала звук. Вадим приложил ухо к дверному косяку, постучал снова, оглянулся на испуганную девушку и надавил на дверь плечом.

Дверь медленно поплыла вперёд. Сердце Лизы стукнуло, эхом прозвенело в ушах, затем затихло на миг и начало бешено колотиться. Лиза прижала сумку к груди и умоляюще посмотрела на Вадима. Его лицо поймало полоску жёлтого света, ускользящего из квартиры Яна, и утонуло в этом луче, как только он перешагнул порог.

Мутными силуэтами в квартире Яна появились две тёмные фигуры. От их движений по воздуху проплывала рябь. Ян сидел у окна, он давно уже забыл, что бывает другое время суток, кроме полудня.

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Тени тихо зашелестели незнакомыми голосами, нисколько не потревожив Яна. Он был очень доволен. Всё что его окружало, было точно таким же, как он. Прозрачным и золотым. Ян посмотрел на зыбкий тоненький силуэт, и еле заметно коснулся его очертаний.

Лиза стояла посреди янтарной кухни, спрятав лицо в ладони, и боялась пошевелиться. Вдруг она почувствовала, как её что-то тихонько кольнуло в щёку. Она отняла ладонь и увидела на пальце маленький желтый кристаллик. От её тепла он растаял и янтарной каплей растворился, окрасив тонкие прожилки линий в медный цвет.

Тёмный силуэт начал светлеть.

Косточка

У Лёльки заболела рука. На гибели у самого запястья, с внутренней стороны. Лёлька сидела перед раскрытой тетрадкой и медленно патирила большим пальцем ноющее место.

Растирая, она вспомнила, что когда была совсем маленькой, а сейчас Лёлька считала себя большой, так как училась в третьем классе, так вот, когда она была маленькой и у неё болела рука, то мама почему-то повязывала на руку шерстяную нитку и обязательно красную. Но Лёлька не могла понять, помнила ли она это на самом деле или ей так только кажется. Может, ей это вообще приснилось или она выдумала.

Лёлька выставила руку вперед, смешно растопырив пальцы, и попыталась представить на запястье красную шерстяную нитку. Для этого она чуточку зажмурилась. Разглядывать очертания руки сквозь дымку ресниц было забавно и как-то ново. Она смотрела на запястье, медленно раскачиваясь на стуле, и вдруг заметила шишку. Небольшой такой бугорок. От удивления Лёлька перестала жмуриться. Что это ещё за шишка?! Откуда она у меня?

Чем пристальней Лёлька в неё всматривалась, тем ужаснее казалась ей эта шишка. В какой-то миг, когда Лёлька в бешеном испуге вертела кистью, словно на разминке по физкультуре, ей показалось что она пропала, но в следующий появилась вновь. Тогда Лёлька начала на неё давить: сначала указательным, затем большим пальцами. Шишка совсем не болела. Солнечным зайчиком белело пятно от пальца, собралось в точку и исчезло, оставив шишку на месте. Медленно, словно больной старый человек, внутри у Лёльки поднимался страх. Она уже не видела своей руки без этой шишки. Такой настырной, ненужной, упрямой.

Лёлька даже забыла о своей боли. Она вообще обо всем на свете забыла! В голове у неё звенело: «У тебя шишка! У тебя шишка!». Ведь это же ненормально, если у человека ни с того, ни с сего — шишка! Лёлькой овладела паника. Она больше не могла этого терпеть и пулей бросилась к брату.

— Коля, Коля,— кричала она, подбегая к нему и протягивая руку.— Смотри, у меня какая-то шишка вскочила!— И ждала только его согласия, что всё так ужасно, — готовая сразу же зареветь.

— Где?— лениво спросил Коля, не глядя на сестру.

— Вот смотри, вот тут вот, шишка, видишь?— Плаксивым тоном объясняла она. И для убедительности зачем-то начала её опять щупать, — не болит, но откуда у меня шишка?

И тут, к своему ужасу, Лёлька заметила, что на другой руке у неё тоже есть шишка, только справа. Она даже застыла на секунду.

— И тут тоже,— промямлила Лёлька, показывая брату правую руку. Она уже хотела начать ныть, как все это чудовищно, но вдруг увидела, как смотрит на неё брат.

— Ты что, правда думаешь, что это шишки!? — выговорил он с каким-то осуждением.

— Ну а что это? — неуверенно спросила она, всё-таки шмыгнув носом, — их ведь раньше не было,— но под строгим Колькиным взглядом смутилась и пропищала, — кажется.

— Кажется!? — От раздражения Коля поднялся со стула, — Головы у тебя тоже не было? Вечно ты со своей ерундой лезешь, — он было отвернулся от неё, но, заметив умоляющие Лёлькины глаза добавил, — Это же просто косточки, они у всех людей есть — с рожде-ни-я! — по слогам выговорил брат, демонстративно отвернувшись к столу, он разбирал вездеход, когда Лёлька его отвлекла.

С досады Лёлька опустила руки. Но всё-таки на кухне у мамы спросила, тихо так, чтобы Колька не слышал: «Мам, а это правда косточки?». Но мама только рассмеялась, сказав: «Беспокойная ты моя», и Лёлька пошла к себе в комнату.

Действительно, думала она, разглядывая руки — самые обыкновенные косточки, и чего она к ним привязалась. Лёльке совсем немножечко было стыдно за такую свою глупость, но, успокоенная мыслью, что с ней все в порядке, она принялась за уроки. Рука её больше не болела.

Латик

Какое-то непонятное ощущение наполнило тело. Это была идея. Она еще не оформилась в мысль, но уже шевелилась в сознании, подергивая ножками, будто пыталась вырваться на свободу,— «Пустите! Пустите!» — кричала идея, но ее, увы, никто не слышал. Однако что-то все-таки было в нем, и это что-то заставило его проснуться.

Маленький, нескладный человечек потянулся чем-то похожим на руки-прутики, и сел на кровати. Кровать скрипнула.

— Да, — сказал человечек и качнулся. Кровать снова скрипнула. Человечек улыбнулся, ему понравилось так разговаривать со своей кроватью, но спустя минуту лицо его стало мрачным, человечка не покидало ощущение чего-то, неизвестно чего.

С этим ощущением он встал и подошел к окну, окошечко было еще меньше, чем он сам, ну совсем маленькое, и маленький луч солнца озарял маленькую комнатку.

«Всё маленькое и я маленький» — подумал человечек и понял, что не эта мысль беспокоила его. Но что же тогда? Может быть, опять лечь? Он отвернулся от окна, чтобы пойти к кровати, но ее вдруг на месте не оказалось. «Какой ужас!» — подумал человечек и зажмурил глаза от страха.

А через секунду, из любопытства, чуть-чуть приподнял ресницы, — кровать не появилась, человечек подумал, что, может, из-за ресниц ее просто не видно и открыл глаза — но ее все равно не было!

«Вот те на!» — подумал он и отвернулся к тому месту, где раньше было окно, именно было, потому что и окна на месте не оказалось. И тогда человечек закричал. Он кричал так громко и усердно, что через минуту охрип и повалился на пол. Там он и валялся, пока не пришла его жена.

Она подняла человечка, отряхнула, пригладила растрепанные волосы и начала отчитывать. Ее голос был таким звонким и таким

Виктор ХАРИН

ХРАНИТЕЛИ СКАЗОК

Глава 6. Чудо-дудочка

несправедливым, что Латик, так звали маленького человечка, не выдержал и заплакал от жалости к себе. И жена сразу же тоже заплакала, в знак примирения. Так началось их утро.

— Варька опять купила себе новое платье, — как ни в чем не бывало, щебетала жена за завтраком, — и оно опять ей не идет.

«Где же кровать?» — думал в свою очередь Латик.

— А наш сосед собрался жениться, на той рыженькой вертихвостке, и что он только в ней нашел, — не унималась жена.

«Да и окно — размышлял Латик, — неизвестно где».

Латик вообще был хорошим мужем и всегда внимательно слушал свою жену, конечно если не был занят чем-то более важным, как, например, сейчас.

Солнечный луч коснулся щеки человечка, приятно его щекоचा, Латик улыбнулся и, прикрыв глаза, подставил лицо солнцу, оно разлилось по телу приятным бархатистым теплом, как вдруг он снова почувствовал тревогу. От этого ему стало неприятно, и он заерзал на стуле.

— Что ты ерзаешь? — спросила жена.

— Я просто ерзаю, — неохотно ответил он, пытаюсь понять, что же так сильно его беспокоит, как вдруг луч света взорвался вспышкой в его сознании, и от охватившей его идеи он в ужасе застыл.

Маленький мальчик Мишенька сладко потянулся в кроватке. Солнышко разбудило его, и он, как всегда, проснулся с улыбкой.

— Мама, мамочка, я проснулся, — кричал бежавший в мамину комнату мальчик.

— С добрым утром, зайчик, — сказала мама и поцеловала Мишеньку в носик.

— С добрым, — повторил потиравший глаза кулачками Миша. — А где Аня? Я хочу сегодня опять играть с ней в домик.

— В домик ты будешь играть после завтрака, тем более что сейчас твоя сестренка его моет. А сейчас беги умываться.

Но Мишенька побежал в комнату сестры, ее там не было и тогда он побежал в ванну. Аня, на вытянутых мысочках, стояла возле раковины, намыливая что-то губкой. Тут же в ванной валялась куча предметов, Миша подошел к сестре и, дергая ее за руку, спросил:

— Что ты делаешь?

— Окно мою, не видишь? — она показала братику маленькое пластмассовое окошечко.

— А... — только и сказал Миша и стал внимательно разглядывать остальные игрушки, тут было полно всего — и утята, и машинки, и даже дверь с кроватью, — от их нового домика, но не было того, что он искал.

— Где же он? — удивлялся Миша, раскидывая в стороны не нужные игрушки.

— Ну ладно, на забери, — сказала Аня, вынув из раковины маленького солдатика, — только вытри, я его помыть хотела.

— Латик, — радостно закричал Миша, схватив солдатика, и забыв про полотенце, побежал к себе в комнату.

А Аня только ухмыльнулась, сказав — никогда не научится говорить, — и отвернулась к раковине.

Обратная дорога пролетела незаметно. Отец Альбатрос поймал попутный ветер и летел, так что вернулись они засветло. Высадив Мартина и Карака на утесе, альбатрос заторопился:

— До завтра. А сейчас я полечу к себе, а то ваши бутерброды с рыбой только аппетит раздражили.

— А я, пожалуй, останусь, поклюю оладьи, — проговорил ворон, и, взлетев над утесом, полетел в сторону поселка.

Мартин бегом спустился с горы, не останавливаясь, промчался по главной улице, чуть не сбив местного доктора с ног. Он затормозил только перед отрывшейся перед его носом дверью.

— Несешься, как будто за тобой гонятся волки. Доброе утро, доктор Морис, не зашиб вас этот сорванец? — стоя в дверях, спросила бабуля.

— Ну что ты, Августа. Если мальчишки носятся, значит, у них все в порядке и моя помощь не нужна. Я рад, что у вас все хорошо. Будьте здоровы.

— И вам всего доброго, доктор, — ответила Августа, запуская Мартина и закрывая дверь, — ну как, успешно?

— Да, бабуль. Ты представляешь, мы встретили духа, угостили его медом, и он нам столько интересного понарасказывал. Я даже и не знал ничего про медведей, а главное, про духов. Оказывается, они повсюду.

— Погоди, не торопись. Поешь спокойно, а потом все расскажешь, — проговорила Августа, накрывая на стол. — А ты, Карак, чего желаешь? — спросила она ворона. Тот незаметно залетел в дом и уже сидел на дверце шкафа.

— Обо мне не беспокойтесь, любезная Августа. У вас не осталось немного оладий? Мне они очень понравившись.

— Конечно. Тебе подогреть?

— Нет, спасибо. Они холодные вкуснее.

Пока бабушка накрывала на стол, Мартин в красках рассказал о путешествии. Она внимательно слушала сбивчивое повествование внука, а когда он закончил, взъерошила ему волосы на голове и села напротив:

— Проголодался, поди. Ешь, только не торопись, — заботливо произнесла бабуля.

— Спасибо, — с набитым ртом ответил Мартин.

— Когда я ем, я глух и нем. Прожуй вначале, а потом говори, — строго заметила она.

Мартин заработал челюстями быстрее:

— А как мы сделаем дудочку? — спросил он прожевав.

— Отнесем ветку к старому Эрни, он на все руки мастер. Помню, в детстве постоянно мастерил что-нибудь. Свистульки там разные, дудочки. Надеюсь, он не забыл, как это делается.

— А когда мы к нему пойдем?

— Вот доешь все и пойдем.

— Ой, я сейчас, я скоро....

• СКАЗКИ ПОЛЯНСКОЙ

— Не торопись. Лучше прожевай. А то все комком в желудок опустится и застрянет, потом жалеть будешь, что не жевал как следует.

— Вы сегодня сговорились, что ли? — возмутился Мартин, — с самого утра как начали меня пугать. Вот теперь мне и кушать совсем не хочется.

— Доедай, — строго проговорила бабуля.

— Спасибо, я наелся. И потом, дел у нас сегодня очень много, так что раньше начнем, быстрее закончим.

— Хорошо, собирайся. Пойдем к старику Эрни. Только потом не проси, разогревать не буду, спать пойдешь голодным.

Мартин вышел из-за стола, бабуля быстро сложила грязную посуду в таз, накрыла полотенцем. Ворон уже перелетел и нетерпеливо переминался на вешалке перед дверью. Августа проверила, как Мартин застегнулся, развернула и выставила его за дверь. Затем сняла с полки фонарь, посмотрела, все ли в порядке в доме, и вышла следом. Карак сразу же устроился у Мартина на плече. Так и ехал до самого верха. Путь до маяка оказался довольно занимательным, встречные люди здоровались, спрашивали как дела. Бросали любопытные взгляды на сидящего на плече Мартина ворона, но вопросов не задавали. Карак веселило замешательство людей, он периодически щелкал клювом, стараясь не выпустить смех, рвущийся наружу. Мартину словно передалось настроение ворона, он едва сдерживал улыбку, и обязательно, когда здоровался с прохожими, поворачивался к ним плечом, на котором восседал ворон. Когда они прошли поселок и повернули к маяку, Карак громко каркая, сорвался с плеча и несколько раз облетел вокруг них, сопротивляясь потокам ветра, который словно поджидал их на самой вершине.

Постучав в дверь, они услышали: «Входите, не заперто». Августа не стала ждать повторного приглашения на ветру и, распахнув дверь, протолкнула Мартина внутрь и вопросительно посмотрела на птицу. Ворон незаметно юркнул в дом. Мартин повесил свою куртку на вешалку у входа, чем тут же воспользовался Карак, забравшись в рукав, только клюв торчал из ворота.

— Августа, дорогая, проходи, — радушно вскричал Эрни, — Мартин, рад тебя видеть. Надеюсь, у вас все в порядке.

— В порядке, в порядке. Вот зашли к тебе с маленькой просьбой. Можешь вырезать Мартину дудочку из этой веточки дуба? Мартин, покажи.

Мартин вытащил из рюкзака веточку, подаренную духом-хранителем дерева, и протянул старику Эрни.

— Да, уж — скептически сказал смотритель маяка, повертев в руках прутик, — посущественней ничего не нашлось?

— А ты хотел, чтоб мы пришли к тебе с дубиной двухметровой? — вскинулась Августа, — что есть, на том и спасибо. Ну как? Сможешь?

— Разве что очень маленькую, вроде свистульки, на три ноты, не больше.

— Ты, главное, сделай, а с нотами мы как-нибудь потом сами разберемся.

— Хорошо. Надо больше света. Ты пока зажги все лампы, на улице темнеет, а я схожу за инструментами.

Августа прошла по комнате, зажигая все керосиновые лампы вдоль стен и на столе. Эрни вернулся с полными руками различных

приспособлений. Подойдя к столу, он начал их раскладывать, одни справа от себя, другие слева.

— Так, и что мы имеем? — пробормотал Эрни, доставая очки в массивной оправе. Он придирчиво рассмотрел прутик, — ага, так я и думал.

Он ножом обрезал края, потом взял ткань для полировки и начал аккуратно обрабатывать всю поверхность.

— Тут важно не торопиться, веточка маленькая, потому надо аккуратно все делать. Любой музыкальный инструмент — сложная задача. Главное не испортить душу инструмента. Вот вроде бы что может быть проще дудочки... Ан нет. Чуть дрогнула рука или ошибся глаз, и все, она уже звучать не будет.

Мартин и Августа, затаив дыхание, следили за неторопливой работой Эрни. А тот, в свою очередь, продолжал:

— Я считаю, что музыка — одно из самых чудесных изобретений человека. А какое разнообразие музыкальных инструментов? Раньше человек видел музыку во всем. И в камнях, и в деревьях, и в траве. К примеру, самый первый музыкальный инструмент — это колено. Что может быть проще: сидеть, похлопывать себя по колену или животу. Или по дереву, или камню... Музыка родилась вместе с человеком. Ударные инструменты были на заре человеческой истории. А какая сложная наука — изготовить барабан, они все такие разные. И большие, и маленькие, и толстые, и тонкие, и полые, и цельные... В общем, звучит все, к чему человек прикасается. И не надо слов, когда есть музыка. Я слышал от одного путешественника, что на юге в дремучих джунглях люди на десятки километров передают сообщения с помощью барабанов. А как бой барабанов тревожит душу? Он призывает и к бою, и к борьбе, и позволяет успокоиться, или, наоборот, взбодриться. Барабан — он как сердце, только снаружи. А дудочки — это уже дыхание музыки. Мартин, сложи-ка губы трубочкой!

Мартин сложил.

— А теперь дуй, — продолжал Эрни. Мартин попытался, но только издал несколько неприличных звуков. — Не сразу получается. Вот послушай.

Смотритель начал издавать свистящие звуки, в которых смутно угадывалась мелодия.

— Тоже разучился. Давненько не свистел. Вот тебе наглядный пример первой дудочки. Постукивая по колену и посвистывая, человек никогда не был один. Ни в глухом лесу, ни в жаркой пустыне, ни в открытом море. С ним всегда находилась его песня. И чем больше человек познает мир и предметы его окружающие, тем сложнее становятся песни и инструменты. Вот струнные инструменты появились благодаря охоте. Конечно, я не могу говорить с уверенностью, но, возможно, первой струной была тетива лука. Когда охотники уходили за добычей и ночевали вдали от дома, то, сидя ночью у костра, они пели песни о доме, который покинули, об удачной охоте, пытались задобрить лесного хозяина, или усыпляли бдительность зверя. А может быть, они пытались понять, зачем звездное небо над головой. Пели, постукивая по колену, посвистывая, подергивая тетиву. Это сейчас придумали скрипки, виолончели, арфы, гитары, а тогда и музыка была проще. Настоящая. Естественная. Песни были о том, что действительно волновало человека, что его окружало. В песнях звучало все, что человек пытался понять, на что он пытался повлиять. К примеру, с помощью песен люди пытались колдовать. Да, не удивляйся. Пытались заговорить ветер, чтоб он дул в нужную сторону, или зверь

• СКАЗКИ ПОЛЯНСКОЙ

подошел к ловушке. Они думали, что если перепоют ветер или просто попросят его о чем-то, то это получится. Раньше считалось, что ветер разумный, и обращаться к нему надо как с равным или даже с большим уважением. И не только к ветру. Ко всему, что их окружало. Лес, море, горы, поля, реки, трава, камень — все они имели душу и свою песню, с того момента, как пришел в этот мир человек.

Эрни привстал и наклонился к камину, раскаляя длинную тонкую спицу.

— Сейчас спицей проделаем отверстия, куда дуть, — пояснил Эрни.

— А откуда появился человек в этом мире? — спросил Мартин.

— Это ты лучше Августу спроси. Она у нас специалист по сказкам. Я тут тебе не помощник.

— Бабуль, расскажи, откуда взялся человек?

— Сложно сказать, давно это было, уж никто и не упомнит, — встрепенувшись, сказала Августа. — Когда Небесная Мать в облике птицы создала землю, после трудов своих она решила отдохнуть в Хрустальной Небесной Башне. Взмахнула она крыльями и устремилась на небо. С крыльев ее сорвалось несколько капель, они ударились о землю, из этих капель вышли первые люди и расселились по всему свету.

Старый Эрни, не отрываясь от дела, проговорил:

— А я слышал, что первые люди появились по воле богов. Когда создали боги землю, то увидели они, что земля прекрасна, но некому было наслаждаться этой красотой. Тогда решили они создать человека и поручили это дело ворону. Спустился ворон на землю, взял немного глины с берега Звездного озера и вылепил из нее первых людей. Но люди, вылепленные вороном, были склочными и крикливыми, не понравились они небесным богам. Тогда поручили они бобру сделать людей. Великий бобр ушел в дремучие леса и выгрыз людей из древесины молодого дерева. Но вышли они очень глупыми и молчаливыми. Рассердились боги и доверили небесной корове создать людей. Спустилась небесная корова на берег моря, и увидела она глыбу морской соли. Подошла она к ней и начала вылизывать своим языком и отогревать своим дыханием до тех пор, пока не вышли из глыбы мужчина и женщина. Вскормила она их своим молоком и отогрела своим теплом. И были они умны и веселы, так что обрадовались боги. И расселились первые люди ворона на земле и стали земледельцами, люди бобра расселились в лесу и стали охотниками, а люди коровы расселились вдоль рек и морей и стали рыбаками.

Августа покачала головой:

— Можно предположить, что эту сказку тебе рассказывали рыбаки. Будь это охотники или земледельцы, то в сказке это они были бы умными и веселыми, а рыбаки — молчаливыми, как рыбы, и глупыми, как камни. Сколько людей, столько и мнений.

— А мне ты, бабуля, говорила, что детей находят в капусте, — заметил Мартин.

— Наверное, тебя нашли в говорящей капусте, не умолкаешь ни на минуту! — смутилась Августа.

— Так, почти готово, — спас положение Эрни, продемонстрировал плод своих трудов. Это была самая маленькая дудочка, которую видел Мартин. Размером она была с ладошку, и такая тоненькая, не толще карандаша, словно игрушка. Эрни придирчиво осмотрел ее со всех сторон, потом сыграл на ней несколько трелей.

— Вроде ничего получилось. Звучит, — он сыграл на ней какую-то старую и забытую всеми мелодию. — Так, Мартин, попробуй.

Он передал Мартину дудочку. Мартин извлек из нее несколько звуков.

— Просто так не получится, нужно много учиться, больше практиковаться. Чем больше будешь играть, тем лучше будет получаться.

— Спасибо, дядя Эрни, — поблагодарил он.

— Да, спасибо тебе, Эрни, — поблагодарила Августа, положив руку на плечо Мартина. — Засиделись мы что-то, пора бы и откланяться.

— А разве вы не останетесь на чай? — удивился наблюдатель.

— Разве что ненадолго, — она вопросительно посмотрела на Мартина, тот кивнул головой. — Давай? А то завтра рано вставать.

Эрни засуетился, поставил чайник на плиту, залез по плечи в буфет и долго гремел там невидимыми предметами. Когда он вынырнул, то в руках у него была банка с медом и кулек шоколадных конфет. Мартин любил конфеты, особенно шоколадные, так что с удовольствием присел поближе к вазочке, куда Эрни высыпал сладости. Из прихожей раздался какой-то шорох. Мартин только сейчас вспомнил про Карака, который забрался к нему в рукав куртки. Он вскочил и бросился в прихожую. Ворон уже сидел на вешалке и нетерпеливо пританцовывал, смешно разводя крыльями, пытаясь заглянуть на кухню.

— Ты чего? Забыл, что должен сидеть тихо и не высовывать-ся? — шепотом поинтересовался Мартин.

— Не забыл, — так же шепотом проговорил ворон. — Я тоже хочу шоколадных конфет.

— Я тебе принесу, только сиди тихо, — пообещал Мартин.

— Хор-рошо, хор-рошо, только не забудь, — чуть не умоляя, произнес Карак.

Мартин вернулся в комнату и незаметно опустил пару конфет в карман. Эрни как раз разливал чай по кружкам.

— Как работа на маяке? — поинтересовалась Августа.

— Как обычно, — пожал плечами наблюдатель, — без изменений.

— Яркость маяка случайно не вернулась?

— Опять ты за свое? Не вернулась. Я заказал новые лампы, через неделю должны доставить. Тогда и проблема решится сама собой. Все равно пока море беспокойно, рыбаки сидят по домам.

Мартин не стал особо вникать в разговор, и, пока его никто не заметил, выскользнул в прихожую, где ворон изнывал от нетерпения. Мартин развернул конфеты и положил их на пол. Ворон слетел и принялся клювом постукивать по сладостям, скалявая с них шоколад. Мартин наблюдал за действиями ворона и в пол-уха слушал разговор.

— А то, что в этом году шторма дольше обычного, ты не замечаешь? — спросила Августа.

— Да, есть немного. Но каждый год сам на себя не похож. То лето жаркое, то весна долгая. Видимо, пришел черед и зимы, — покачал головой Эрни.

— Если зима задержится в наших краях еще немного, то льды скуют море, ледяные великаны придут с севера и отделят нас от остального мира, похоронив под своими толщами. И по этим ледникам придут в наши земли дети льдов в поисках пропитания. Тогда мы уже не будем в безопасности.

— Вечно ты видишь все в черном свете.

— Ничего подобного, просто я чувствую, что плетется тонкая паутина, чья-то злая воля толкает сюда льды и насылает шторма, крадет наши традиции, стирает память веков, выжимает суть вещей.

— Чувства — это тонкая материя, и доверяться им не стоит.

— Наверное, ты прав. Может быть, мне все это чудится, а может, просто немного устала.

— Давай-ка хлопнем с тобой для сугреву и для поднятия настроения, — подмигнув Августе Эрни и заговорщицки улыбнулся, вытаскивая из-за спины знакомую бутылку темно-зеленого стекла.

— Ну, раз ты так любезен, то почему бы и нет.

В прихожей ворон отколол весь шоколад от начинки и проглотил его в один миг.

— А начинку? — спросил Мартин.

— Ты р-разве не слышал о р-раздельном питании? Так вкуснее и полезнее, когда вначале ешь одно, а потом др-ругое. Съев вначале шоколад, как наиболее вкусную и полезную часть, я оставляю начинку на потом. А так как я уже сыт, то начинку съем после или отдам тому, кто еще не ел сладкого, таким образом, одной конфетой порадуешь дважды. А если я начинку отдам кому-нибудь др-ругому, то доставлю р-радость еще одному существу. Так что, куда ни глянь, сплошная выгода.

Ворон замолк и быстро взлетев, забился в капюшон куртки. Август и Эрни вышли из кухни.

— Вот ты где? — хмыкнула бабуля. — А мы-то думаем, куда это Мартин запропастился. Что чай не пьешь?

— Не хочется. И вы там со своими заумностями к чаепитию не располагали, после ваших разговоров будут сниться одни кошмары, — немного обиженно сказал Мартин.

— Ладно, коль не хочешь посидеть, чайку попить, одевайся, пойдем, а то поздно уже. Еще раз спасибо, Эрни, за гостеприимство и помощь.

— Да. Спасибо, дядя Эрни, вы нам очень помогли, — одеваясь, сказал Мартин. Он постарался как можно аккуратнее застегнуть куртку, чтоб не выдать ворона, спрятавшегося в капюшоне.

Бабуля зажгла фонарь, и они вышли на продуваемую всеми ветрами тропинку в поселок.

Как только маяк скрылся за поворотом, Карак выпрыгнул из капюшона и перебрался на плечо Мартину.

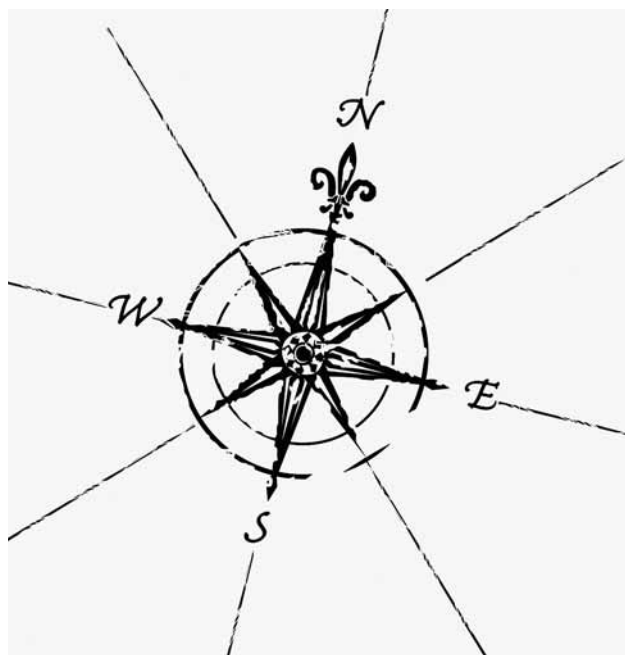
— Итак, что мы имеем? — полюбопытствовал он.

— Мы имеем чудо-дудочку, — проговорил Мартин.

— А вы увер-рены, что она работает? Доставай, пр-роверим. Если она действительно чудо-дудочка, то тогда, пр-рикуснувшись к дыханию ветра, она зазвучит сама по себе.

Мартин бережно вытащил дудочку, изготовленную стариком Эрни. Как только дудочка оказалась на ветру, тут же произошло настоящее чудо. Она начала светиться изнутри, зазвучала небесная прекрасная мелодия, от которой хотелось и плакать, и смеяться одновременно. Музыка буквально разрывала сердце и побуждала его еще сильнее биться. А потом она взлетела и под провожающие, ее изумленные взгляды сделала круг над их головами, опустилась в руки Мартина. Он с великой осторожностью убрал ее во внутренний карман куртки, и песня прекратилась.

— Тепер-рь у нас есть чудо-дудочка, — нарушил повисшую тишину Карак.

В 2011 году издательство «Современная литература в Интенете» готовит к изданию ряд новых книг:

КОШКИН АЛЬМАНАХ - 2. Стихи, рассказы и песни о кошках.
 МУЗЫКА В ПЕРЕПЛЁТЕ - 2. Стихи, рассказы и песни о музыке.
 ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ. МОСКВА. Стихи и проза
 ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ. ПЕТЕРБУРГ. Стихи и проза
 ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ. ПАРИЖ. Стихи и проза
 ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ. ЛОНДОН. Стихи и проза
 ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ. НЬЮ-ЙОРК. Стихи и проза

Для того, чтобы подать заявку на участие в издательском проекте, просим прислать по адресу karakovski@gmail.com Вашу краткую биографию и текст произведения. Срок рассмотрения заявки — 1 неделя. К участию в хрестоматии не допускаются тексты, в которых никак не отражена тема сборника.

В случае положительного решения автору будет выслано уведомление и после оплаты текст будет немедленно добавлен в хрестоматию. Стоимость публикации в хрестоматии — 300 рублей за полосу формата А5 (для прозы это около 1600 знаков, для стихов — 40 строк, включая заглавие, имя автора и пустые строки). Редакция имеет право отказать автору в публикации без объяснения причин.

В стоимость публикации включены корректура и редакция текста. По окончании работ автору произведения предоставляется конечный вариант текста, которым он может пользоваться по своему усмотрению: для издания книги, отправки в периодическое издание и т.п. Кроме того, автору высылается 1 авторский экземпляр хрестоматии. При желании автор может купить любое количество экземпляров.

Сроки подачи и оплаты текстов — до 15 июля 2010 года.

Книги будут участвовать в книжных ярмарках и продаваться в магазинах Москвы («Старый свет», «Гиперион»).